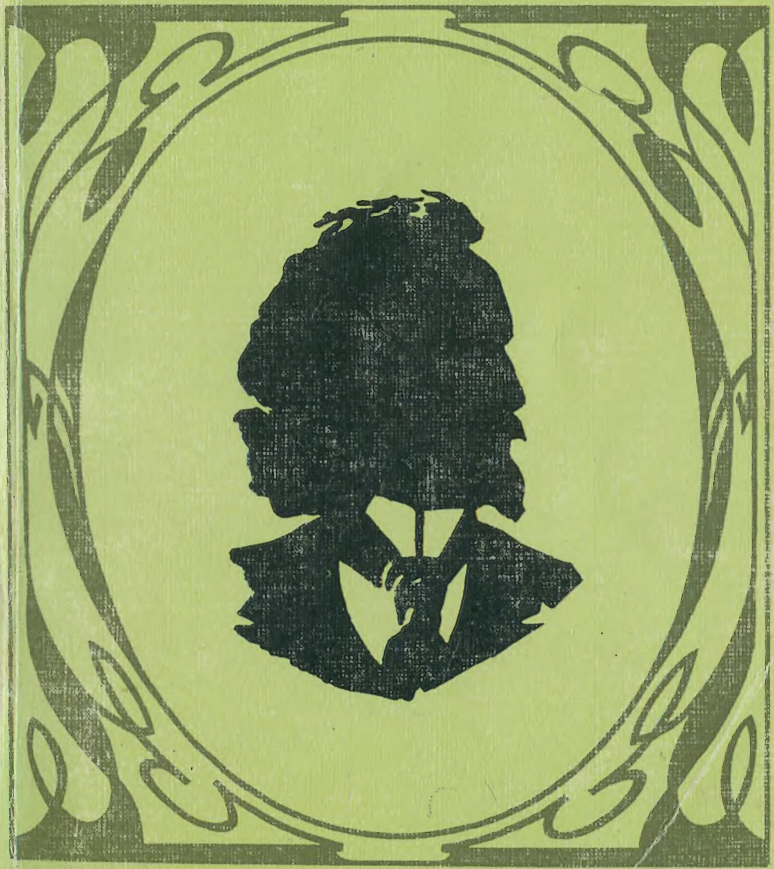
К. Бальмонт

СТИХОТВОРЕНИЯ

Классики и современники



К.Бальмонт

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Художественная литература»
1990

ББК 84Р1
Б21

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Текст печатается по изданию:

Бальмонт К. Избранное.
М., Художественная литература, 1983

Вступительная статья
и составление
ЛЬВА ОЗЕРОВА

Художник
В. СЕРЕБРЯКОВ

Б $\frac{4702010102\text{-}264}{028(01)\text{-}90}$ 22-90

ISBN 5-280-01013-8

© Вступительная статья, составление, иллюстрации. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ПЕСНЬ О СОЛНЦЕ

«Будем как солнце!» — говорит поэт и называет так книгу своих стихов в самом начале двадцатого века. «1902, Весна» — подзаголовок этой книги. Призыв к людям — «Будем как солнце!» — желание непомерное. Но непомерность желаний — это и есть поэт Константин Бальмонт.

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном!

Только так! Максимализм требований к себе. Романтизм во всем, что касается мечтаний. Самый большой счет к бытию. Почему? Потому что «я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце» — повторяет поэт вещие слова Анаксагора.

И еще. Призыв «будем как солнце» оправдан тем, что оно — по слову поэта — молодое. А поэт обращается к молодости.

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в Гумнищах Шуйского уезда Владимирской губернии 4 июня 1867 г. Он рос в небольшой усадьбе отца, помещика небогатого, страстного охотника. Мать — дочь генерала, известная в Шуе и ее окрестностях деятельная помещица. По свидетельству поэта, мать оказала на него глубокое влияние. Именно она ввела его в «мир музыки, словесности, истории, языкознания». Ее помощь сыну была многообразной и действенной.

Первые десять лет жизни прошли в деревне. В автобиографии, написанной в июне 1907 г. и помещенной в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия», Бальмонт говорит о своей ранней любви к деревне и к морю. Горожанин, он ненавидит город, «как рабское сцепление людей, как многоглазое чудовище». И все же в городе он находит свободу и «отравы пьянящие, которые уже вошли в душу и которые, ненавидя, люблю».

Воспитывался Бальмонт на произведениях русских классиков. «Первые поэты, которых я читал, были народные песни, Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин. Из всех стихов в мире я больше всего люблю «Горные вершины» Лермонтова (не Гёте — Лермонтова)».

Чтение стало любимым занятием Бальмонта. В его жизни чтение, книга, самообразование играли первостепенную роль.

Первые стихи, написанные в десятилетнем возрасте, жестоко были раскритикованы матерью. Наступило шестилетнее молчание. Гимназист призадумался. После перерыва из-под его пера появляются стихи, в которых чувствуются явные перепевы поэтов некрасовской школы, поздних народников.

В 1884 г. Бальмонта исключили из гимназии (VII класс) за принадлежность к кружку, занимавшемуся распространением

нелегальной литературы. В конце 1884 г., после хлопот матери, Бальмонт был записан в гимназию города Владимира. Через полтора года он закончил гимназию, которую называл «тюрьмой».

Осенью 1886 г. он поступает в Московский университет (юридический факультет). Год спустя он был обвинен в участии в студенческих беспорядках, три дня просидел в Бутырской тюрьме и был выслан в Шую. Здесь он снова связывается с революционно настроенными людьми, задумывает новые решительные шаги: например, хочет участвовать в террористическом акте. Вскоре он оказывается вне университета.

В 1885 г. состоялось личное знакомство Бальмонта с В. Г. Короленко, принявшим близкое участие в его начальной литературной судьбе. Начинающий поэт получил действенную поддержку мастера.

После новой неудачной попытки систематического ученья (ярославский Демидовский лицей) занимается самообразованием. Неудачная женитьба, нервное расстройство, бытовые неурядицы, душевная смута, в которой он не в силах был разобраться и преодолеть ее, толкнули Бальмонта на самоубийство. В марте 1890 г. он выбросился из окна третьего этажа, остался жив, но был надолго прикован к постели.

В Ярославле Бальмонт выпустил «Сборник стихотворений» (1890), не принесший ему ни радости, ни успеха. Бальмонт уничтожил почти весь тираж, повторив поступок других русских поэтов.

С помощью старших друзей (в первую очередь должен быть назван профессор Московского университета, историк литературы Н. И. Стороженко) Бальмонт получает заказы на переводы. Он работает над переводами книг по истории скандинавской и итальянской литературы, над переводом любимого им английского поэта Шелли, выступает с публичными лекциями.

В эту пору (начиная с осени 1894 г.) много значила для Бальмонта дружба с Брюсовым. Последний самыми возвышенными словами рисует нам портрет Бальмонта, говорит о его тонкости, чутье, образованности: «Многое, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта». И далее: «Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним».

Первой книгой Бальмонта принято считать не вышеупомянутый «Сборник стихотворений», а сборник «Под северным небом» (1894). Книга вызвала и резко отрицательные, уничижительные, и благожелательные отклики, в которых отдавалось должное и изяществу формы, и музыкальности стиха, и чувству речи.

Весной 1897 г. Бальмонта приглашают в Англию. Он читает лекции по русской поэзии в Оксфорде.

В конце века Бальмонт много ездит: во Францию, Голландию, Англию, Италию, Испанию (вместе со второй женой Е. А. Андреевой-Бальмонт). Ему хотелось побывать во всех странах, познакомиться со всеми народами. Он желал быть очевидцем, свидетелем, летописцем. И — решительно обо всем написать. Языки, литература, искусство мира всю жизнь увлекали поэта. Любознательность и подвижность остались навсегда характерными чертами его облика.

В 1899 г. Бальмонт выбран в Общество любителей российской словесности.

Один за другим в конце XIX — начале XX века выходят сборники стихов Бальмонта. Вслед за «Тишиной» (1898) — книга «Горящие здания» (весна 1900 г.), а за ней — «Будем как солнце» (1903) и другие, имевшие большой успех. Имя Бальмонта становится известным, популярным, его книги охотно раскупаются.

Интенсивность творческой деятельности Бальмонта может быть легко показана на беспрерывности выхода его книг: «Безбрежность» (с 1895-го четыре издания), «Тишина» (с 1898-го

три издания), «Горящие здания» (с 1900-го три издания), «Будем как солнце» (с 1903-го четыре издания), «Только любовь» (с 1903-го три издания); и так всю жизнь каждый год — два-три издания.

Уже в 1904—1905 гг. издательство «Скорпион» выпустило собрание стихов Бальмонта в двух томах. В 1907—1914 гг. выходит его Полное собрание стихов в десяти томах. И до этого и после этого ежегодно выходят новые книги поэта. Были годы, когда Бальмонт выпускал по две-три книги в год (например, «Белые зарницы», «Зовы древности», «Птицы в воздухе» — 1908 г.; «Зеленый вертоград», «Из чужеземных поэтов» — 1909 г.; «Белый зодчий», «Край Озириса» — 1914 г.). Первое десятилетие века, вплоть до первой мировой войны, было для Бальмонта временем наибольшей его популярности. О нем писали Горький и Блок, Брюсов и Белый, Городецкий и Чуковский, Балтрушайтис и Анненский, Вячеслав Иванов и Волынский. Отклики на творчество Бальмонта были самые разноречивые, порой диаметрально противоположные. Антиправительственные выступления Бальмонта в пору первой русской революции не были игрой и бравадой, как это представляется некоторым биографам. Это были увлеченные, страстные, гневные протесты, вызвавшие широкий общественный отклик. Е. А. Андреева-Бальмонт пишет, что в 1905 г. он «все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы», он «страстно увлекся революционным движением». Именно — увлекся. Так же быстро эта увлеченность оборвалась, уступая место другим увлечениям.

В конце января 1905 г. Бальмонт едет в Мексику и в США. Редко кто из русских поэтов ездил так много и на такие долгие сроки. Но это были не вояжи, а творческие поездки, своего рода поэтические завоевания других земель. Его переводы космогонических мифов ацтеков и майя, его описания памятников древней мексиканской литературы отмечаются учеными как произведения, в которых есть любопытные наблюдения.

Летом 1905 г. Бальмонт в России. Революционное настроение масс передалось и ему. Он сотрудничает в большевистской «Новой жизни», пишет сатирические, обличительные стихи, митингует, ждет расправы над собой, как ему казалось — законченным революционером. И наконец, уезжает в Париж — надолго, на семь с лишним лет.

Попав за границу, он тоскует по России, и это выражено и в его поэзии, и в его письмах: «Я тоскую по России. Но есть ли сейчас Россия — или она замерла — на неопределенное время» (Ф. Батюшкову, 1911 г.).

Год 1912 — грандиозное кругосветное путешествие (Лондон, Плимут, Канарские острова, Южная Америка, Мадагаскар, Южная Австралия, Полинезия, Новая Гвинея, Цейлон и др.), которое насытило любознательного поэта, но не избыло его тоски по России. В одном из писем 1914 г. Бальмонт писал: «Мне хочется обогатить свой ум, соскучившийся непомерным преобладанием личного элемента во всей моей жизни». Важное признание!

После амнистии 1913 г., объявленной в связи с трехсотлетием дома Романовых, поэт возвращается в Москву. Ему рады, его шумно встречают как знаменитого поэта. В его честь устраивают вечера и приемы.

Война 1914 г. застает поэта вновь во Франции. В мае 1915 г. он с трудом возвращается в Россию. Объезжает с лекциями-концертами всю страну — от Саратова до Омска, от Харькова до Владивостока.

Крушение царизма было воспринято Бальмонтом ликующе. Он декларировал свою причастность к общему делу — «могучему потоку». Это было в феврале 1917 г. В дальнейшем, после Октября, он в стане правых: славит генерала Корнилова, отвергает Октябрьскую революцию, трактует ее как насилие. Всегда доказывавший свою причастность к революции, он отвергает ее реальность в пору, когда она совершилась. Его пугает разруха, террор, решительные способы

переустройства мира, он ратует за отделение литературы от политики.

В 1920 г. Бальмонт ходатайствует о разрешении ему поездки за границу. В 1921 г. он уезжает с семьей в командировку сроком на год. Но этот год продлился двадцать один год, до конца жизни. Бальмонт стал эмигрантом.

Тоска Бальмонта по России выражена в его стихах и в прозе. «Я хочу России... Пусто, пусто. Духа нет в Европе» (письмо Е. А. Андреевой, декабрь, 1920 г.). В стихах: «Мой траур не на месяцы означен, он будет длиться много странных лет».

Смятение, печаль, недостаток в средствах, подчас доводивших до бедственного положения, не отражались на непрерываемом и обильном творчестве Бальмонта: стихи, переводы, статьи. Он перенапрягается. Работает на пределе. Душевная депрессия переходит в душевную болезнь.

Умер Константин Дмитриевич Бальмонт в оккупированном гитлеровцами Париже 24 декабря 1942 г. Похоронен в Наузи-ле-Гран, близ Парижа.

Первые стихи Бальмонта — перепевы Надсона и эпигонов некрасовской школы:

Народ родной, ты истекаешь кровью!
О, если б у тебя нашелся друг,
Который, наклонясь к тебе с любовью,
С себя бы сбросил бремя страшных мук!
Но нет его...

Это из стихотворения «Черный год» — о голоде 1891 г. Стихи начального периода — с жалостной, намеренно щемящей нотой, по темам, пафосу и версификации повторяющие давно уже известные русской поэзии по лучшим ее образцам мотивы.

Книги Бальмонта «Сборник стихотворений» и «Под северным небом» успеха не имели. Особенно резким был отзыв А. Волынского: «поэтическое бессилие», «комизм, граничащий с поэтической галиматьей».

Именно в эту пору (90—900-е годы) зарождался и оформлялся русский символизм. Бальмонту суждено было стать одним из его лидеров. Поэт с легкостью отошел от своих ранних стихов с их мотивами жалостливого народолюбия и целиком перешел в лоно художников, считавших себя рожденными «для звуков сладких и молитв».

Сборник «В безбрежности» (1895) — знак перехода в символизм с его смутностью мысли, эгоистическим кодексом избранничества.

Вслед за сборником «Тишина» (1898) появилась книга «Горящие здания» (1900), утвердившая имя поэта и прославившая его. Это был взлет Бальмонта, его творчества. Он был закреплен «книгой символов» — «Будем как солнце» (1903) с эпиграфом из Анаксагора: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце», ставшим и первой строкой первого стихотворения книги. Следующая книга «Только любовь», вышедшая в том же году, также относится к периоду творческого взлета поэта.

В зрелые годы Бальмонт ценил все ту же непомерность, резкие, пламенные тона: «Я хочу горящих зданий, я хочу кричащих бурь!» Жизнерадостность сменила предшествующую ей раздумчивую печаль. Поэт декларировал свою полную свободу от предписаний («Я знаю полную свободу»). Нередко за этой демонстративной радостью стояла риторика, порой из-под пера поэта выливались строки убедительной лирической радости бытия, гимны весне.

Во всем Бальмонту важно было почувствовать явное или скрытое присутствие солнца:

Я не верю в черное начало,
Пусть праматерь нашей жизни ночь,

Только солнцу сердце отвечало
И всегда бежит от тени прочь.

Тема Солнца в его победе над Тьмой прошла через все творчество Бальмонта.

Книга «Будем как солнце» после ее выхода воспринималась как революционная. Солнце стало знаком раздела: одни — за, другие — против. За — вместе с Бальмонтом — был Белый: «За солнцем, за солнцем, свободу любя, умчимся в простор голубой!» Против была Гиппиус и поэты, близкие к ее кругу. Зинаида Гиппиус назвала свои терцины полемически: «Не будем как солнце».

Резкие, солнечные блики лежат на стихах Бальмонта в канун 1905 г. И все же всего сильней Бальмонт в ином — в поэзии намеков.

Поэзия намеков, символов, подчеркнутая звукопись — все это нашло живой отклик в сердцах любителей поэзии начала века.

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня.

Мечта, тени — уходящие, день — угасавший. Далее — «догорающих тучек немая печаль». Ловля теней, уходящих теней — характерный для Бальмонта образ. Через три с лишним десятилетия он напишет:

Наши чувства — только тени
Тех, что снились достоверней.

По Бальмонту, человеческое бытие — тень. Не жаль оставленного, не надо ждать будущего, «я в бегстве живу неустанном, в ненасытной тревоге живу».

Есть все же у поэта цель:

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

Красота ему видится и целью, и смыслом, и пафосом его жизни. Красота как цель. Красота, царящая и над добром, и над злом. Красота — фетиш поэта. Красота и мечта — сущностная рифма для Бальмонта.

Верность мечте, преданность мечте, самой далекой от реальности (и чем отдаленней эта мечта, тем лучше — по Бальмонту), были наиболее устойчивыми в поэте.

Он декларировал стихийность творчества, необузданность, произвольность, полную отрешенность от правил и предписаний, от классической меры. Мера поэта, полагал он, — безмерность. Его мысль — безумие. Подчас было трудно отделить истинное верование Бальмонта от его игры в это верование. Во всех случаях он педалировал демонизм своей поэзии, ее романтически мятежный дух.

Лирика и сатира — две стороны одной медали. Принято говорить о Бальмонте-лирике, а вместе с тем он вошел в историю литературы, в историю русской общественной мысли своими сатирическими произведениями.

Годы литературного успеха Бальмонта, годы, предшествовавшие первой русской революции, связаны с антиправительственными выступлениями поэта. В качестве примера сошлюсь на стихотворение «Маленький султан». Оно имело несомненный общественный успех. Более того. Это стихотворение — целая главка не только в биографии и творчестве Бальмонта, но и всей русской нелегальной печати.

События 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге (избиение демонстрантов и убийство нескольких студентов), последовавшие за этим репрессии, преследование Бальмонта полицией — все это было известно всей России. «Маленького султана» передавали из рук в руки, — пишет литературовед А. А. Нинов, — заучивали наизусть, переписывали, использовали в политических проклamациях».

То было в Турции, где совесть — вещь пустая.
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.

Так начинается это знаменитое стихотворение. На правящих нулей, негодяев и маленького султана «нахлынули толпой башибузуки». Они рассеялись. И вот избранники спрашивают поэта: как выйти «из этих темных бед»?

И тот собравшимся, подумав, так сказал:
«Кто хочет говорить, пусть дух в нем словом дышит,
И если кто не глух, пускай он слово слышит,
А если нет, — кинжал!»

Всем читателям, самым неподготовленным, ясно было, что речь идет не о Турции, а о России, Николае II.

Впервые это стихотворение было опубликовано за рубежом, в Женеве, в сборнике «Песни борьбы». В России стихотворение распространялось в списках.

В мае 1901 г. «Маленького султана» хотел напечатать В. И. Ленин в «Искре» (пятый номер). На одном из списков этого стихотворения есть примечание, сделанное рукою Ленина: «Приводим два ходящие по рукам стихотворения, характеризующие общественное настроение» (второе стихотворение не сохранилось).

14 марта 1901 г. на вечере в зале петербургской городской думы Бальмонт прочитал с большим успехом «Маленького султана». Сошедшего с эстрады поэта агенты охранки спрашивали, чье стихотворение он прочитал. Бальмонт сказал, что это его перевод с испанского. У него на дому был произведен обыск. Ему запрещалось жительство в столицах, в столичных губерниях и университетских городах в течение трех лет.

Гневная инвектива, сатира, обличение, политическая эпиграмма — всем этим Бальмонт владеет мастерски. Вот один из ярких примеров его политической эпиграммы:

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

К железным строкам русской гражданской лирики естественно присоединяются и эти бальмонтовские строки, адресованные Николаю II.

За 75 лет своей жизни Бальмонт совершил до удивления много и как оригинальный поэт, и как переводчик, и как эссеист, и как историк литературы. Он говорил, правда, не без шутливого хвастовства и известной доли эпатажа: «Итак, в 1960 г. будет издано собрание моих сочинений в 93 томах или свыше». Эти слова из автобиографии, написанные в 1927 г., эффектны, но им не суждено стать пророческими. Последние десятилетия Бальмонт издавался крайне мало, далеко не полно, более того — наш читатель узнал о нем с большим опозданием.

Он был натурой быстро очаровывающейся и так же быстро угасающей. У него не было устойчивых, на всю жизнь выработанных убеждений. Но зато увлечения следовали одно за другим. Его швыряло от бунта к примирению, от согласия к протесту. Критики говорили, что он жил не убеждениями, а чувствами, еще вернее — чувственными вспышками, что не он владел мыслями, а они владели им...

Исследователи обычно не принимали всерьез революционность Бальмонта. Это неверно. В пору, когда он был увлечен революционностью, революцией, он был ей предан. Но кончилась его увлеченность — и тут же его мятежный дух покидал его.

«Я поэт», — гордо определял он свое кредо. Жил вдохновением, жил кратким пролетающим мгновением, органически не будучи в состоянии остановиться подольше на каком-либо предмете», — пишет о нем литовский писатель Балис Сруога.

Бальмонт — натура в высшей степени впечатлительная, артистичная, ранимая. Он скитался, чтобы увидеть чужое, новое, но всюду видел себя, одного себя. Илья Эренбург верно отмечает, что, исколесив моря и материки, Бальмонт «ничего в мире не заметил, кроме своей души». Он был лириком во всем. В каждом своем движении, в каждом своем замысле. За пределы субъективного мысль его не проникала. Такова его натура. Сам же Бальмонт жил, веря в свою исключительную многогранность и свое умение проникать во все окружающие миры.

Подзаголовок одной из лучших книг Бальмонта «Горящие здания» — «Лирика современной души». Эта лирика запечатлевает беглые, подчас невнятные, дробные впечатления, мимолетности. Именно эта лирика характеризует зрелую манеру поэта. «Он жил мгновением и довольствовался им, не смущаясь пестрой сменой мигов, лишь бы только полнее и красивее выразить их. Он то взывал ко Христу, то к Дьяволу, то воспевал Зло, то Добро, то склонялся к язычеству, то преклонялся перед христианством»[1]. Все эти миги объединялись в Бальмонте чувством космической цельности. Разрозненные миги не пугали его своей несхожестью. Он верил в их единство.

Характеристика Бальмонта будет неполной, если мы не скажем, что у него было стремление моментальное сочетать с целостным познанием мира. В книге «Будем как солнце» поэт по справедливости ставит в центре мира Солнце, источник света и совести, в прямом и иносказательном смысле этого слова. Поэт выражает стремление служить главному источнику жизни. Солнце дарует жизнь, жизнь распадается на миги.

Мимолетность возведена Бальмонтом в философский принцип. Человек существует только в данное мгновенье. В данный

Андреева-Бальмонт Е. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте (рукопись).

миг выявляется вся полнота его бытия. Слово, вещее слово, приходит только в этот миг и всего на миг. Большего не требуй. Живи этим мигом, ибо в нем истина, он — источник радости жизни и ее печали. О большем и не мечтай, художник, — только бы выхватить у вечности этот беглый миг и запечатлеть его в слове.

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Эту изменчивость, зыбкую радужность, игру «каждой мимолетности» запечатлевает поэт. В этой связи одни называли его импрессионистом, другие — декадентом, третьи... Надо ли перечислять эти определения? А. В. Луначарский употребляет — правда, по отношению к другому поэту — термин «моменталист». Это в какой-то степени характеризует и Бальмонта, его желание увидеть вечность сквозь миг, его жажду охватить взором и исторический путь народов, и свою собственную жизнь.

Музыкальная речевая река увлекала Бальмонта за собой, он подчинялся ее течению в большей степени, чем смыслу высказывания. На стихах Бальмонта, как на нотах, можно проставить музыкальные знаки, которые обычно ставят композиторы. В этом смысле Бальмонт продолжает в русской поэзии линию, получившую свое классическое выражение у Фета. Именно о нем Чайковский сказал: Фет «сделал шаг в «нашу сторону» (т. е. в сторону композиторов). Бальмонт ставил в заслугу своему предшественнику именно то, что тот установил точное соответствие между мимолетным ощущением и прихотливыми ритмами, т. е. отмечал характерное для себя самого.

«Как неожиданна собственная душа!» — писал Бальмонт Ясинскому (1900). Поэт не уставал следить за неожиданными

поворотами своей души, за собой, за своими переменчивыми впечатлениями. «Я вечно другой». И эта переменчивость его «я» увлекала поэта больше, чем переменчивость окружающего мира.

Миг — знак, намек на то, что есть вечность, есть невидимый космос души, проявляемый то так, то этак.

Аллитеративность русского слова была сильно увеличена Бальмонтом. Он и сам, со свойственной ему бравадой, писал: «Имею спокойную убежденность, что до меня, в целом, не умели в России писать звучные стихи». Примат музыкальной темы, сладкогласие, упоенность речью лежат в основе его поэтики. Магия звуков — его стихия. Смысловая функция слова подчас нарушена, правда, не до такой степени, как у поэтов, обращавшихся к заумной речи, уродовавших слово.

Иннокентий Анненский говорил о музыкальной потенции его слова: «В нем, Бальмонте, как бы осуществляется верленовский призыв: музыка прежде всего».

Бальмонт был эвфонически высоко одарен. Его называли «Паганини русского стиха». Но аллитеративность Бальмонта подчас навязчива. В пору появления поэта, в конце прошлого века, эта стихотворная музыка казалась откровением и высоким стихотворным мастерством. Однако уже Блок писал, что «Бальмонт и вслед за ним многие современники вульгаризировали аллитерацию». Отчасти он был прав. Теперь эти «вульгаризированные аллитерации» приводятся как отрицательные образцы бряцающе навязчивого стихотворного звучания. Об этом Маяковский говорил так: стихи Бальмонта кажутся ему «плавными и мерными, как качалки и турецкие диваны».

Музыка все захлестывает, все заливает у Бальмонта. Вслед за Фетом он мог бы сказать: «Меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих».

Никогда Бальмонт не ограничивал себя известными стихотворными формами. Он придумывал новые. И был в этом неистощим.

«...Изучив 16 (пожалуй) языков, говорил и писал он на особом, 17 языке, на Бальмонтовском», — сообщает Марина Цветаева. Она высоко ставит это 17-й бальмонтовский язык.

Изучить. Освоить. Сделать красоты иноязычной поэзии своими красотами.

Бальмонт-переводчик стал известен так же рано, как и Бальмонт — оригинальный поэт.

Переводил Бальмонт очень много, стремясь передать по-русски всю поэзию мира — от сказаний майя и ацтеков до Мицкевича и Уайльда, от ведийских гимнов до польских народных легенд.

В переводах Бальмонта русский читатель получил целую поэтическую библиотеку мира: Англия (Блейк, Байрон, Шелли, Уайльд), Америка (По, Уитмен), Франция (Бодлер, Фор), Испания (народные песни, Кальдерон), Польша (народные сказания, Мицкевич), Болгария (народные песни, Вазов), Армения (Туманян, Исаакян, Терян), Грузия (Руставели). Здесь названа только часть поэтических материков, освоенных поэтом.

О переводах Бальмонта много говорили. О них спорили. Они продолжают и теперь вызывать споры и исключающие друг друга оценки, споры не менее острые, чем вокруг оригинальных стихов поэта.

В настоящее время историки и теоретики поэтического перевода признают за Бальмонтом большие заслуги в области первоначального ознакомления русского читателя с большим количеством ранее неизвестных ему явлений поэзии мира.

Бальмонту в начале века (за первые его двадцать лет)

удалось поставить своего рода рекорд: свыше полутораста его стихотворений было положено на музыку. Танеев и Рахманинов, Прокофьев и Стравинский, Глиэр и Мясковский создали романсы на слова Бальмонта. От него в этом смысле сильно «отстают» и Блок, и Брюсов, и Сологуб, и Ахматова...

Поэтическое слово важно и своим звучанием, и своим значением. Смысл нуждается в слове, слово нуждается в смысле. У Бальмонта слово редко нуждается в смысле, оно бежит от него. Это нам чуждо в Бальмонте. Но историк литературы должен свои личные вкусы и пристрастия приглушить, даже отстранить, чтобы отдать главное место историко-литературной справедливости.

Мы обращаемся к Бальмонту не только в целях восстановления литературной справедливости (хотя и это само по себе очень важно). Этот поэт помогает внушить поэзии ее высокий мелодический строй. Романтика, возвышенная речь в лучших творениях Бальмонта проступает с убедительной силой.

В поэзии Бальмонта читатель и сегодня находит упоенность жизнью, ее весной, ее цветеньем, ее красотой. Юношеская одухотворенность, обнадеженность, радость бытия звучат в тех стихах Бальмонта, которые всего более привлекли как тонких ценителей, так и всех воспринимающих стихи непосредственно, всей душой, как высокую музыку слова.

В статье «О лирике» (1907) Александр Блок говорит: «Когда слушаешь Бальмонта — всегда слушаешь весну». Это верно. При всем многообразии тем и мотивов в его творчестве, при желании передать всю гамму чувств человека, Бальмонт по преимуществу все-таки поэт весны, пробуждения, начала жизни, первоцвета, духоподъемности. На старости лет за рубежом поэт написал:

Потухли в бездне вод все головни заката.
На небе Зодчий тьмы вбивает гвозди звезд.
Зовет ли Млечный Путь в дорогу без возврата?
Иль к Солнцу новому уводит звездный мост?

В сердце старого поэта на мгновенье возник образ смерти — дороги «без возврата», но тут же его перебил другой образ звездного моста, уводящего к Солнцу. Это одновременно мост старого поэта Бальмонта к молодому поэту Бальмонту. Так прочерчивается волнистая линия пути человека и поэта.

Лев Озеров

РАННЯЯ ПОРА

ЛУННЫЙ СВЕТ

Сонет

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах; как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу — луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я — облачко, я — ветерка дыханье.

1894

* * *

Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет — мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений и борьбы,
Когда заноет грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной судьбы.

И что́ мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастие? О нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет
И поведет меня путем тернистым бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И — что́ всего страшней — быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья —
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

1894

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаньях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе — за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкою тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

1894

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем сильнее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор,

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1895

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего? — камыши говорят, —
Зачем огоньки между нами горят?»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

1895

КОВЫЛЬ

И. А. Бунину

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному
И, непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

1895

ЛЕБЕДЬ

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

1895

ВЕТЕР

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим
И под влажным мерцаньем луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской волны.

Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанном,
В ненасытной тревоге живу.

1895

* * *

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном —
И гром проснется в немом просторе.

Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

1897

УЗОРНОЕ ОКНО

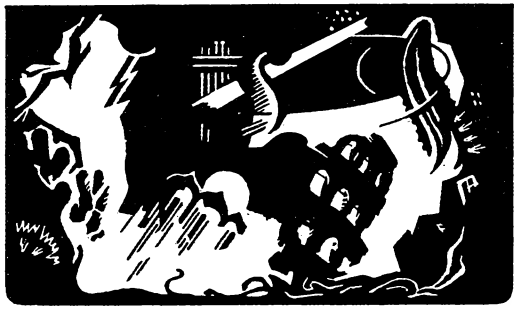
На бледно-лазурном стекле
Расписаны ярко узоры.
Цветы наклонились к земле,
Скала убегает к скале,
И видно, как дремлют во мгле
Далекие снежные горы.

Но что за высоким окном
Горит нерассказанным сном
И краски сливает в узоры?

Не дышит ли там Красота
В мерцании мира и лени?
Всхожу, — и бледнеет мечта,
К печали ведет высота,
За ярким окном пустота, —
Меня обманули ступени.
Все дремлет в немой полумгле,
И только на мертвом стекле
Играют бездушные тени.

1897

ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ



Лирика современной души

1899. Осень

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.

Бальмонт

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1899)

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх, бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. Я не уклонялся от самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам. В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немотствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я.

У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя.

В предшествующих своих книгах — «Под северным небом», «В безбрежности» и «Тиши-

на» — я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое.

В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу.

Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь

Имение Поляковых «Баньки»,
Московского уезда

2. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1903)

МОИ ВРАГИ

О да, их имена суть многи,
Чужда им музыка мечты.
И так они серо-убоги,
Что им не нужно красоты.

Их дразнит трепет скрипки страстной
И роз красивых лепестки.
Едва махнешь им тканью красной,
Они мятутся, как быки.

Зачем мы ярких красок ищем,
Зачем у нас так светел взгляд!
Нет, если вежлив ты, пред нищим
Скрывай, поэт, что ты богат.

Отдай свой дух мышиным войнам,
Забудь о бездне голубой:
Прилично ль быть красиво-стройным,
Когда уроды пред тобой!

Подслеповатыми глазами
Они косятся на цветы.
Они питаются червями,
О, косолапые кроты!

Едва они на солнце глянут, —
И в норы прячутся сейчас:
Вдруг вовсе видеть перестанут,
И станут дырки вместо глаз.

Но мне до них какое дело,
Я в облаках моей мечты.
С недостижимого предела
Роняю любящим цветы.

Свечу и жгу лучом горячим
И всем красивым шлю привет.
И я ничто — зверям незрячим,
Но зренью светлых — я расцвет!

14 августа. День.
Меррекюль, Эстляндской губ.

3. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1904)

Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили — и погасли для тебя, их написавшего. Они дороги и чужды, как лепестки подаренных увядших цветов, как письма женщин, в которых ты пробудил непонятность, что зовется любовью, как выцветшие портреты отошедших людей. Вот я смотрю на них, и многое в этом старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собою свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко-постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником. Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкавшего потока времени, несколько страстных рубинов, и несколько горячих испанских гвоздик, и несколько красных мировых роз.

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова и снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы.

Я откидываюсь от разума к страсти, я опрокидываюсь от страстей в разум. Маятник влево, маятник вправо. На циферблате ночей и дней неизбежно должно быть движение. Но философия мгновенья не есть философия земного маятника. Звон мгно-

венья — когда его любишь, как я, — из области надземных звонов.

Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя — Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время тайно люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я — действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные зданья во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побыл с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое Вчера. Скорей к неизвестному Завтра!

3 января. Ночь.
Москва

КРИК ЧАСОВОГО

Сонет

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras peñás,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana

Мой наряд — бранные доспехи,
Мое отдохновенье — где битва и беда,
Моя постель — суровые утесы,
Мое дремать — не спать никогда.

Старинная испанская песня

Пройдя луга, леса, болота, горы,
Завоевав чужие города,
Солдаты спят. Потухнувшие взоры —
В пределах дум. Снует их череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда, —
Солдаты спят, как нищие, как воры.

Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Всё спит. И пусть. Я — верный — тут.
До завтра сном беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьме — чуть слышные шаги.
Их тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

КИНЖАЛЬНЫЕ СЛОВА

I will speak daggers.
Hamlet[1]

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!

СЛОВО ЗАВЕТА

Oh hombre! pregunta a los brutos irracionales, qui ellos te enseñarán...
Diego de Estella[2]

О человек, спроси зверей,
Спроси безжизненные тучи!
К пустыням вод беги скорей,
Чтоб слышать, как они певучи!

---

[1] Я буду говорить резко. *Гамлет (англ.).*
[2] О человек, спроси неразумных тварей, они тебя научат... *Диего де Эстелья (исп.).*

Беги в огромные леса,
Взгляни на сонные растенья,
В чьей нежной чашечке оса
Впивает влагу наслажденья!
Им ведом их закон, им чуждо заблужденье.

Зачем же только ты один
Живешь в тревоге беспримерной?
От колыбели до седин
Ты каждый день — другой, неверный!
Зачем сегодня, как вчера,
Ты восклицанье без ответа?
Как тень от яркого костра,
Ты в ночь бежишь от места света.
И чаща вкруг тебя безмолвием одета.

Проникни силою своей
В язык безмолвия ночного!
О человек, спроси зверей
О цели странствия земного!
Ты каждый день убийцей был
Своих же собственных мечтаний,
Ты дух из тысячи могил, —
Живи, как зверь, без колебаний! —
И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий!

КАК ИСПАНЕЦ

Как испанец, ослепленный верой в бога и любовью
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущелье, под Сиеррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Перу засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу солнце, солнце, солнце — красное, как кровь.

СКИФЫ

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский[1] с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

[1] Ольвия — греческий город-государство на берегу Бугского залива; во II в. до н. э. попал под власть скифских племен.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы
в кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим — и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье — война, наша верная сила —
в колчане,
Наша гордость — в не знающем отдыха быстром
коне.

В ГЛУХИЕ ДНИ

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скиталися без крова
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» —
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот — озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча́, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

ОПРИЧНИКИ

Когда опричники, веселые, как тигры,
По слову Грозного, среди толпы рабов,
Кровавые затеивали игры,
Чтоб увеличить полчище гробов, —

Когда невинных жгли и рвали по суставам,
Перетирали их цепями пополам
И, в добавленье к царственным забавам,
На жен и дев ниспосылали срам, —

Когда, облив шута горячею водою,
Его добил ножом освирепевший царь, —

На небесах, своею чередою,
Созвездья улыбалися, как встарь.

Лишь только эта мысль в душе блеснет случайно,
Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя.
О, если мир — божественная тайна, —
Он каждый миг клевещет на себя!

СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНОГО

Предание

Нет, на Руси бывали чудеса
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, долы,
Врываясь в села шайками теней,
Терзали нас бесчинные монголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный,
Незримая меж ним и небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал причины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщен хотел святых он таин,
Но страшная на нем печать была:
Вкруг рта — всё кровь, и он глядел — как Каин.

Толпилися бояре, позабыв
Себя — пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздохнув, заснул, и всем казался мертвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца
И, крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнув чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал —
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полночной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мертвый, стоя, белый, пел псалмы
И толковал значенье русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

СКОРПИОН

Сонет

Я окружен огнем кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присужден, —
За то, что я родился безобразным,
За то, что я зловещий скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон
Кошмаром роковым и неотвязным, —
Нет выхода, я смертью окружен,
Я пламенем стеснен многообразным.

Но вот, хоть всё ужасней для меня
Дыханья неотступного огня,
Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть я вызов шлю судьбе.
Я смерть свою нашел в самом себе.
Я гибну скорпионом — гордым, вольным.

* * *

Я люблю далекий след — от весла,
Мне отрадно подойти — вплоть до зла,
И его не совершив — посмотреть,
Как костер, вдали за мной — будет тлеть.

Если я в мечте поджег — города,
Пламя зарева со мной — навсегда.
О мой брат! Поэт и царь — сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты, — и горим!

СРЕДИ КАМНЕЙ

Я шел по выжженому краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что́ — не знаю,
Но что́ не думать — я не мог.

И полумертвые руины
Полузабытых городов

Безмолвны были, как картины,
Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышит жизнь в немом затоне,
Что есть бессмертная любовь.

БЕЛЛАДОННА

Счастье души утомленной —
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Все позабыть и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны —
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,

Светом луны расцвечаться,
Сердцем с луною встречаться,
Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нет без печали.
Между цветами — змея.
Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной,
Кто расцветет белладонной —
Ты или я?

Я БУДУ ЖДАТЬ

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся — безмолвие несчастия,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом, всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие, —
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты нежданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя́, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

НЕЖНЕЕ ВСЕГО

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признанье во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, —
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, —
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно
Огнем волшебства своего, —
Нежнее, чем польская панна,
И, значит, нежнее всего.

ЗАМОК ДЖЭН ВАЛЬМОР

Баллада

1

В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной,
Толпятся гости с давних пор,
В тоске бесперемонной:
Во взор ее лишь бросишь взор,
И ты навеки пленный.

2

Красивы замки старых лет.
Зубцы их серых башен
Как будто льют чуть зримый свет,
И странен он и страшен,
Немым огнем былых побед
Их гордый лик украшен.

3

Мосты подъемные и рвы, —
Замкнутые владенья.
Здесь ночью слышен крик совы,
Здесь бродят привиденья.
И странен вздох седой травы
В час лунного затменья.

4

В старинном замке Джэн Вальмор
Чуть ночь звучат баллады.
Поет струна, встает укор,
А где-то — водопады,
И долог гул окрестных гор,
Ответствуют громады.

5

Сегодня день рожденья Джэн.
Часы тяжелым боем
Сзывают всех, кто взят ей в плен,
И вот проходят роем
Красавцы, Гроль, и Ральф, и Свен,
По сумрачным покоям.

6

И нежных дев соседних гор
Здесь ярко блещут взгляды,
Эрглэн, Линор, и ясен взор
Пышноволосой Ады, —
Но всех прекрасней Джэн Вальмор,
В честь Джэн звучат баллады.

7

Певучий танец заструил
Медлительные чары.
Пусть будет с милой, кто ей мил.
И вот кружатся пары.
Но бог любви движеньем крыл
Сердцам готовит кары.

8

Да, взор один на путь измен
Всех манит неустанно.
Все в жизни — дым, все в жизни — тлен,
А в смерти все туманно.
Но ради Джэн, о ради Джэн,
И смерть сама желанна.

9

Бьет полночь. «Полночь!» — Звучный хор
Пропел балладу ночи:
«Беспечных дней цветной узор
Был длинен, стал короче».
И вот у гордой Джэн Вальмор
Блеснули странно очи.

10

В полночный сад зовет она
Безумных и влюбленных,
Там нежно царствует луна
Меж елей полусонных,
Там дышит нежно тишина
Среди цветов склоненных.

11

Они идут, и сад молчит,
Прохлада над травою,
И только здесь и там кричит
Сова над головою,
Да в замке музыка звучит
Прощальною мольбою.

12

Идут. Но вдруг один пропал,
Как бледное виденье.
Другой холодным камнем стал,
А третий — как растенье.
И обнял всех незримый вал
Волненьем измененья.

13

Под желтой дымною луной,
В саду с травой седою,
Безумцы, пестрой пеленой
И разной чередою,
Оделись формою иной
Пред девой молодою.

14

Исчезли Гроль, и Ральф, и Свен
Среди растений сада.
К цветам навек попали в плен
Эрглэн, Линор и Ада.
В глазах зеленоглазой Джэн —
Змеиная отрада.

15

Она одна, окружена
Тенями ей убитых.
Дыханий много пьет она
Из этих трав излитых.
В ней — осень, ей нужна весна
Восторгов ядовитых.

16

И потому, сплетясь в узор,
В тоске беспеременной
Томятся души с давних пор
Толпой, навеки пленной,
В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной.

ЧАРЫ МЕСЯЦА

Медленные строки

1

Между скал, под властью мглы,
Спят усталые орлы.
Ветер в пропасти уснул,
С моря слышен смутный гул.

Там, над бледною водой,
Глянул месяц молодой,
Волны темные воззвал,
В море вспыхнул мертвый вал.

В море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышат брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц море победил.

2

Свод небес похолодел,
Месяц миром овладел,
Жадным светом с высоты
Тронул горные хребты.

Все безмолвно захватил,
Вызвал духов из могил.
В серых башнях, вдоль стены,
Встали тени старины.

Встали тени и глядят,
Странен их недвижный взгляд,
Странно небо над водой,
Властен месяц молодой.

3

Возле башни, у стены,
Где чуть слышен шум волны,
Отделился в полумгле
Белый призрак Джамиле.

Призрак царственной княжны
Вспомнил счастье, вспомнил сны,
Все, что было так светло,
Что ушло — ушло — ушло.

Тот же воздух был тогда,
Та же бледная вода,
Там, высоко над водой,
Тот же месяц молодой.

4

Все слилось тогда в одно
Лучезарное звено.
Как-то странно, как-то вдруг,
Все замкнулось в яркий круг.

Над прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Изменяясь едва,
Незабвенные слова.

Море пело о любви,
Говоря: «Живи! живи!»
Но, хоть вспыхнул в сердце свет,
Отвечало сердце: «Нет!»

5

Возле башни, в полумгле,
Плачет призрак Джамиле,
Смотрят тени вдоль стены,
Светит месяц с вышины.

Все сильней идет прибой
От равнины голубой,
От долины быстрых вод,
Вечно мчащихся вперед.

Волны яркие плывут,
Волны к счастию зовут,
Вспыхнет легкая вода,
Вспыхнув, гаснет навсегда.

6

И еще, еще идут,
И одни других не ждут.
Каждой дан один лишь миг,
С каждой есть волна-двойник.

Можно только раз любить,
Только раз блаженным быть,
Впить в себя восторг и свет, —
Только раз, а больше — нет.

Камень падает на дно,
Дважды жить нам не дано.
Кто ж придет к тебе во мгле,
Белый призрак Джамиле?

7

Вот уж с яркою звездой
Гаснет месяц молодой.
Меркнет жадный свет его,
Исчезает колдовство.

Скучным утром дышит даль,
Старой башне ночи жаль,
Камни серые глядят,
Неподвижен мертвый взгляд.

Ветер в пропасти встает,
Песню скучную поет.
Между скал, под влагой мглы,
Просыпаются орлы.

* * *

Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все кругом мертво.

Можно жить, безмолвно холодея,
Не считая гаснущих минут,
Как живет осенний лес, редея,
Как мечты поблекшие живут.

Можно все заветное покинуть,
Можно все бесследно разлюбить.
Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Стараясь выбирать тенистые места,
Я ехал по лесу, и эта красота
Деревьев, дремлющих в полуденном покое,
Как бы недвижимо купающихся в зное,
Меня баюкала, и в душу мне проник
Дремотных помыслов мерцающий родник.
Я вспомнил молодость... Обычные мгновенья
Надежд, наивности, влюбленности, забвенья,
Что светит пламенем воздушно-голубым
И превращается внезапно в черный дым.

Зачем так памятно, немою пеленою,
Виденья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мне нельзя вернуться к чистоте,
И я уже не тот, и вы уже не те.
Вы только призраки, вы горькие упреки,
Терзанья совести, просроченные сроки.
А я — двойник себя, я всадник на коне,
Бесцельно едущий — куда? Кто скажет мне!
Все помню... Старый сад... Цветы... Чуть дышат ветки...
Там счастье плакало в заброшенной беседке,
Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим — увы — моим в шестнадцать лет.
Неподражаемо-стыдливые свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющие в душе лишь в те года:
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый», «Навсегда».
Как сладко вместе быть! Как страшно сесть с ней рядом!

Как можно выразить всю душу быстрым взглядом!
О, сказкой ставшая поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Темней ложится тень, сокрыт густым навесом
Родной мой старый сад, смененный диким лесом.
Невинный шепот снов, ты сердцем позабыт,
Я слышу грубый звук, я слышу стук копыт.
То голос города, то гул глухих страданий,
Рожденных сумраком немых и тяжких зданий,
То голос призраков, замученных тобой,
Кошмар, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающих скелетов
С гнилым роскошеством заученных ответов,
Очаг, в чью пасть идут хлеба с кровавых нив,
Где слабым места нет, где силен тот, кто лжив.
Но там есть счастие — уйти бесповоротно,
Душой своей души, к тому, что мимолетно,
Что светит радостью иного бытия,
Мечтать, искать и ждать — как сделал это я.
Мне грезились миры, рожденные мечтою,
Я землю осенял своею красотою,
Я всех любил, на все склонял свой чуткий взор,
Но мрак уж двинулся — и шел ко мне, как вор.

Мне стыдно плоскости печальных приключений.
Вселенной жаждал я, а мой вампирный гений
Был просто женщиной, познавшей лишь одно, —
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она так медленно раскидывала сети,
Мы веселились с ней, мы были с ней как дети,
Пронизан солнцем был ласкающий туман,
И я на шее вдруг почувствовал аркан.

И пьянство дикое, чумной порок России,
С непобедимостью властительной стихии
Меня низринуло с лазурной высоты
В провалы низости, тоски и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшат воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознанье.
Что пользы вспоминать теперь, перед концом,
Что я случайно был и мужем и отцом,
Что хоронил детей, что иногда, случайно...
О нет, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умрет в тебе самом, как умерло давно,
Что было так светло судьбой тебе дано.
Но где я? Что со мной? Вокруг меня завеса
Непроницаемо-запутанного леса,
Повсюду — острые и цепкие концы
Ветвей, изогнутых и сжатых как щипцы;
Они назойливо царапают и ранят,
Дорогу застят мне, глаза мои туманят,
Встают преградою смутившемуся дню,
Ложатся под ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они следят за мной, мигают мне глазами,
С кривой улыбкою. Последний луч исчез.
Враждебным ропотом и смехом полон лес.
Вершины шорохом окутались растущим,
Как бы предчувствием пред сумрачным грядущим.
И тучи зыбкие на небе голубом
С змеистой молнией рождают гул и гром.
Удар, еще удар — и вот вблизи, налево,
Исполнен ярости и мстительного гнева,
Взметнулся огненный пылающий язык.
В сухом валежнике как будто чей-то крик,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье

И замер. И кругом, везде — огонь, шипенье,
Деревьев-факелов кипящий дымный ад
И бури бешеной раскатистый набат.
Порвавши повода, средь чадного тумана,
Как бы охваченный прибоем океана,
Мой конь несет меня, и странно-жутко мне
На этом взмыленном испуганном коне.
Лесной пожар гудит. Я понял предвещанье.
Перед душой моей вы встали на прощанье,
О тени прошлого! — Простите же меня
На страшном рубеже, средь дыма и огня!

В ДУШАХ ЕСТЬ ВСЁ

I

В душах есть всё, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создалось первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла усладой певучей,
Совесть, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, —
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо — не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, —
Пламенный знак моего постоянства.
Небо — в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко — уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,

Страшно — в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность —
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искаженные черты, —
И это всё твои видения,
И это — новый — страшный — ты?

В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,
Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.

Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь все могильное
И всюду сеешь смерть одну?

И в равнодушии надменности,
Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту — рабу самой себя?

Ты — блеск, ты — гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой — страшный символ вечности —
Кольцеобразная змея!

Зачем чудовище — над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звездною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить!
Душою — там, я сердцем — здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг —
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнию своей,
И не могу не быть — никак —
Вплоть до исхода дней.

Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развеется, как дым.
А буду смел — замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы —
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов.

Забытый раненый солдат,
И стая хищных птиц,
Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц.

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?

От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум —
Как стук кладбищенских костей,
В душе зловещий шум, —
И я бегу, бегу людей,
Среди людей — самум.

В ТЮРЬМЕ

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись — качнулись — слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о солнце, звездах и луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

ИЗБРАННЫЙ

О да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сын солнца, я — поэт, сын разума, я — царь.
Но — предки за спиной, и дух мой искаженный —
Татуированный своим отцом дикарь.

Узоры пестрые прорезаны глубоко.
Хочу их смыть — нельзя. Ум шепчет: перестань.
И с диким бешенством я в омуты порока
Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань.

Но, рынку дань отдав, его божбе и давкам,
Я снова чувствую всю близость к божеству.
Кого-то раздробив тяжелым томагавком,
Я мной убитого с отчаяньем зову.

РАНЕНЫЙ

Я насмерть поражен своим сознаньем,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданьем,
Я создал мир со всем его страданьем.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех, и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон —
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но, видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданьем не любим.
И, весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен насмерть разумом моим.

ПРОКЛЯТИЕ ГЛУПОСТИ

Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц — водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.

На всем своя — для взора — позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!

УРОДЫ

Сонет

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Ладьи, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,—
Кривые кактусы, побеги белены
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, —

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

КУЗНЕЦ

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг,
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,
Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, —
Все в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запылившимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, —
Я — кую!

ПРОПОВЕДНИКАМ

Сонет

Есть много струй в подлунном этом мире,
Ключи поют в пещерах, где темно,
Звеня, как дух, на семиструнной лире,
О том, что духам пенье суждено.

Нам в звонах наслаждение одно,
Мы духи струн мирских на шумном пире,
Но вам, врагам, понять нас не дано,
Для рек в разливе надо русла шире.

Жрецы элементарных теорем,
Проповедей вы ждете от поэта?
Я проповедь скажу на благо света, —

Не скукой слов, давно известных всем,
А звучной полногласностью сонета,
Не найденной пока еще никем!

ХВАЛА СОНЕТУ

Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой.

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Я НЕ ИЗ ТЕХ

Сонет

Я не из тех, чье имя легион,
Я не из царства духов безымянных.
Пройдя пути среди равнин туманных,
Я увидал безбрежный небосклон.

В моих зрачках — лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон.

Ты думаешь, что в тающих покровах
Застыл едва один-другой утес?
Гляди: покров раскрыт дыханьем гроз.

И в цепи гор, для глаза вечно новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах!

ОЖЕСТОЧЕННОМУ

Я знаю ненависть, и, может быть, сильней,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая и полная огней
Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.

Но, мучимый, как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами — дерзкий враг, с тобой — я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, исступленный!

РАЗЛУКА

Сонет

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любит,
Как мать — сыра земля.

Песня бродяги

Есть люди, присужденные к скитаньям,
Где б ни был я, — я всем чужой, всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села с их глухим страданьем,
Но никогда, о сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.

Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны — к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

АРОМАТ СОЛНЦА

Запах солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной,

Нежно-светлотканными
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат,
Есть у солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЧЕРЕ В АМСТЕРДАМЕ

Медленные строки

О тихий Амстердам
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь — не там,
Зачем уйти не волен,
О тихий Амстердам,

К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрезившим каналам
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О тихий Амстердам!
О тихий Амстердам!

ИСЛАНДИЯ

Валуны и равнины, залитые лавой,
Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей.
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.

Тени чахлых деревьев и море... О, море!
Волны, пена и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды на влажном просторе
Пели песни при свете вечерней звезды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для угрюмой, томительной песни своей.

И в строках перепевных доныне хранится
Ропот бури, и гром, и ворчанье волны, —
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.

* * *

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас,
Священные предметы,
Дабы украсить час —

Волшебный час величья,
Когда, себя сильней,
Мы ценим без различья
Сверканья всех огней, —

Цветы с любым узором,
Расцветы всех начал,
Лишь только б нашим взорам
Их пламень отвечал, —

Лишь только б с нашей бурей
Сливался он в одно,
От неба или фурий —
Не все ли нам равно!

К БОДЛЕРУ

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудишься, о царственный Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный демон ты!

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящийся, рожденный царством льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты — дух блуждающий в разрушенных мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты — черный, призрачный, отверженный монах!

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

К ЛЕРМОНТОВУ

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл

Ни с кем не разделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям,
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жестким блеском этих темных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне средь вас!»

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты —
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

ОТТУДА

Я обещаю вам сады.

Коран

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.

Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.

Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.

Идите все на зов звезды,
Глядите: я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

ЛУНА

O, sovereign mistress of true melancholy.

Shakespeare[1]

Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье,
Но этот призрак дышит не случайно».

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

[1] О, верховная владычица истинной печали. *Шекспир (англ.).*

Своим ущербом, смертью двухнедельной
И новым полновластным воссияньем
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.

Но, нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

* * *

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих,
Красоту позабытых могил
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал,
Но губами он к ним не приник.

Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней:
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

И ДА И НЕТ

1

И *да* и *нет* — здесь все мое,
Приемлю боль — как благостыню,
Благословляю бытие,
И если создал *я* пустыню,
Ее величие — мое!

2

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых — лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть частию красив.

Он может мне сказать живое слово,
Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое счастье думать, что сознаньем
Над смутой гор, морей, лесов и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем
Царит непобедимый человек.

О, верю! Мы повсюду бросим сети,
Средь мировых неистощимых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он — наш, он — наш, лазурный небосвод!

3

Страшны мне звери, и черви, и птицы,
Душу томит мне животный их сон.
Нет, я люблю только беглость зарницы,
Ветер и моря глухой перезвон.

Нет, я люблю только мертвые горы,
Листья и вечно-немые цветы,
И человеческой мысли узоры,
И человека родные черты.

4

Лишь демоны, да гении, да люди
Со временем заполнят все миры
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не снившейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии:
Земля, Огонь, и Воздух, и Вода.

5

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Всё — тонкие штрихи законченной картины,
Всё — тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума — широкие дороги,
Все вспышки страстные — подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь
туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И, цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к нему.

6

То будет таинственный миг примирения,
Все в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Все в мире воспримет восторг обаяния —
И воздух, и солнце, и звезды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрет никогда, никогда!

МАЙЯ

Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветущий в столетие раз,
Пряный, дышал между гор, на вершинах.
Месяц за скалы проплыл и погас.

В темной пещере задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мертвеца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читал он, святое моленье;
Только прочел — и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине.

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина, и цель,
Пышность восторга, и сумрак потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпаденья от вечного Брамы,
Ужас мучительный, сон бытия.

К самому небу возносятся горы,
Рушится с гулом утес на утес,
Топот и ропот, мольбы и укоры,
Тысячи быстрых и звонких колес.

Бешено мчатся и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан!»

Скрылись виденья. На горных вершинах
Ветер в узорах ветвей трепетал.
Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветок вековой, отцветал.

ИНДИЙСКИЙ МОТИВ

Как красный цвет небес, которые не красны,
Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вкруг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна, —
Так жизнь с восторгами и блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

ИНДИЙСКИЙ МУДРЕЦ

Как золотистый плод, в осенний день дозревший,
На землю падает среди стеблей травы,
Так я, как бы глухой, слепой и онемевший,
Иду, не поднимая головы.

Одно — в моих зрачках, одно — в замкнутом слухе;
Как бы изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи
Не возмутят недвижных черт моих.

Сперва я, как мудрец, беседовал с веками,
Потом свой дух вернул к первичной простоте,
Потом, молчальником, я приобщился в Браме —
И утонул в бессмертной красоте.

Четыре радуги над бурною вселенной,
Четыре степени возвышенных надежд,
Чтоб воссоздать кристалл из влаги переменной,
Чтоб видеть мир, не подымая вежд.

АЛЬБАТРОС

Над пустыней ночною морей альбатрос одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,
Любовался, как царством своим, этой бездной
широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним океан.

И порой омрачаясь, далеко на небе холодном,
Одиноко плыла, одиноко горела луна.
О, блаженство быть сильным, и гордым, и вечно
свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

Книга символов

1902. Весна

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.

Анаксагор

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

* * *

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном!

Будем, как солнце всегда — молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижном покое,

Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно — молодое.
В этом завет красоты!

ГОЛОС ЗАКАТА

1

Вот и солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рекой.
И последний блеск по воздуху разлит,
Золотой пожар за липами горит.

А развесистые липы, все в цвету,
Затаили многоцветную мечту.
Льют пленительно медвяный аромат,
Этой пряностью приветствуют закат.

Золотой пожар за тканями ветвей
Изменяется в нарядности своей.
Он горит, как пламя новых пышных чар,
Лиловато-желто-розовый пожар.

2

Я — отошедший день, каких немного было
На памяти твоей, мечтающий мой брат.
Я — предвечернее светило,
Победно-огненный закат.

Все краски, сколько их сокрыто в силе света,
Я в мысль одну вложил, которая горит,
В огонь рубиновый одета
И в нежно-дымный хризолит.

Многоразличные созвучия сиянья
По небу разбросав, я все их слил в одно:
В восторг предсмертного сознанья,
Что мне блаженство суждено.

Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозя,
Что быть прекрасней — невозможно,
И быть блаженнее — нельзя.

Гляди же на меня, о дух мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блеск бездонности зеркальной
Роскошно гаснущего дня.

Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

ГИМН ОГНЮ

I

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцанье церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоликий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что, когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты, —
О красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду — другой.
Ты красный и дымный
В клокотанье костра.
Ты как страшный цветок с лепестками из пламени,
Ты как вставшие дыбом блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основаньем.
Ты являешься в быстром сиянье зарниц.
Ты, застывши, горишь в грозовых облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты средь шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.
Ты — в хрустальности звезд и в порыве комет.
Ты от солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательно входишь в растенья

И, будя и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешь, как колос пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!
Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильней, нет странней, нет светлей красоты!

4

Не устану тебя восхвалять,
О внезапный, о страшный, о вкрадчивый!
На тебе расплавляют металлы.
Близ тебя создают и куют
Много тяжких подков,
Много кос легкозвонных,
Чтоб косить, чтоб косить,
Много колец для пальцев лилейных,
Много колец, чтоб жизни сковать,
Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть
И устами остывшими слово «любить»
Повторять.
Много можешь ты странных вещей создавать,
Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
Чтобы ценное золото в безднах добыть,
И отточенный нож, чтоб убить!

5

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты,
Я такой же, как ты.
О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,

Ты живешь, ты живешь!
В старину ты, как Змей, прилетал без конца
И невест похищал от венца.
И, как огненный гость, много раз, в старину,
Ты утешил чужую жену.
О блестящий, о жгучий, о яростный!
В ярком пламени несколько разных слоев.
Ты горишь, как багряный, как темный, как
желтый,
Весь согретый изменчивым золотом, праздник
осенних листов.
Ты блестишь — как двенадцатицветный алмаз,
Как кошачья ласкательность женских
влюбляющих глаз,
Как восторг изумрудной волны океана
В тот миг, как она преломляется,
Как весенний листок, на котором росинка дрожит
и качается,
Как дрожанье зеленой мечты светляков,
Как мерцанье бродячих огней,
Как зажженные светом вечерним края облаков,
Распростерших свой траур над ликом сожженных
и гаснущих дней!

6

Я помню, Огонь,
Как сжигал ты меня
Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки Огня.
Нас терзали за то, что мы видели тайное,
Сожигали за радость полночного шабаша, —
Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое: горящие здания,

Где сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные — мы.
И при звуках молитв, с исступленными воплями
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя полюбил!

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для нас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знанье, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне — смерть!

ВОЗЗВАНЬЕ К ОКЕАНУ

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший небосклон!

Зеркало предвечных начинаний,
Видевшее первую зарю,
Знающее больше наших знаний,
Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Ты никем не скованная цельность.
Мир земли для сердца мертв и пуст, —

Ты же вечно дышишь в беспредельность
Тысячами юно-жадных уст!

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты — как жизнь: и правда и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан!

ЛЬДИНЫ

На льдине холодной
Плыву я один.
Угрюмый, свободный,
Средь царственых льдин.

И ветер чуть дышит,
Как смолкнувший зов.
Но сердце не слышит
Родных голосов.

Но сердце не хочет
Отраду найти.
И ветер пророчит
О вечном пути.

Плывут властелины
Угрюмых глубин,
Свободные льдины,
Я в море — один.

Любил я когда-то,
Но смех и печаль
Ушли без возврата
В туманную даль.

Далеко, далеко
Создания сна.
Как мертвое око,
Мне светит луна.

Над водной равниной
Лишь ветер один,
Да льдина за льдиной
Встает из-за льдин.

С МОРСКОГО ДНА

I

На темном влажном дне морском,
Где царство бледных дев,
Неясно носится кругом
Безжизненный напев.
В нем нет дрожания страстей,
Ни стона прошлых лет.
Здесь нет цветов и нет людей,
Воспоминаний нет.
На этом темном влажном дне
Нет волн и нет лучей.
И песня дев звучит во сне,
И тот напев ничей.
Ничей, ничей и вместе — всех,
Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
И безразличны сны.
На тихом дне, среди камней,
И влажно-светлых рыб,
Никто, в мельканье ровных дней,
Из бледных не погиб.

У всех прозрачный взор красив,
Поют они меж трав,
Души страданьем не купив,
Души не потеряв.
Меж трав прозрачных и прямых,
Бескровных, как они,
Тот звук поет о снах немых:
«Усни — усни — усни».
Тот звук поет: «Прекрасно дно
Бесстрастной глубины.
Прекрасно то, что все равно,
Что здесь мы все равны».

2

Но тихо, так тихо, меж дев, задремавших вокруг,
Послышался новый, дотоле неведомый звук.
И нежно, так нежно, как вздох неподводной травы,
Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы.
О бледные сестры, простите, что я не молчу,
Но я не такая, и я не такого хочу.
Я так же воздушна, я дева морской глубины,
Но странное чувство мои затуманило сны.
Я между прекрасных прекрасна, стройна и бледна.
Но хочется знать мне, одна ли нам правда дана.
Мы дышим во влаге, среди самоцветных камней.
Но что́, если в мире и любят и дышат полней,
Но что́, если, выйдя до волн, где бегут корабли,
Увижу я дали и жгучее солнце вдали!»
И, точно понявши, что́ понятным быть не должно,
Все девы умолкли, и стало в их сердце темно.
И вдруг, побледневши, исчезли, дрожа и скользя,
Как будто услышав, что слышать им было нельзя.

3

А та, которая осталась,
Бледна и холодна?
Ей стало страшно, сердце сжалось,
Она была одна?
Она любила хороводы
Меж искристых камней,
Она любила эти воды
В мельканье ровных дней.
Она любила этих бледных
Исчезнувших сестер,
Мечту их сказок заповедных
И призрачный их взор.
Куда она идет отсюда?
Быть может, там темно?
Быть может, нет прекрасней чуда,
Как это — это дно?
И как пробиться ей, воздушной,
Сквозь безразличность вод?
Но мысль ее, как друг послушный,
Уже зовет, зовет.

4

Ей вдруг припомнилось так ясно,
Что место есть, где зыбко дно.
Там все так странно, страшно, красно,
И всем там быть запрещено.
Там есть заветная пещера,
И кто-то чудный там живет.
Колдун? Колдунья? Зверь? Химера?
Владыка жизни? Гений вод?
Она не знала, но хотела
На запрещенье посягнуть.
И вот у тайного предела

Она уж молит: «Где мой путь?»
Из этой мглы, так странно-красной
В безлично-бледной глубине,
Раздался чей-то голос властный:
«Теперь и ты пришла ко мне!
Их было много, пожелавших
Покинуть царство глубины
И в неизвестном мире ставших,
Чем все, кто в мире, стать должны.
Сюда оттуда нет возврата,
Вернуться может только труп,
Чтоб рассказать свое «Когда-то»
Усмешкой горькой мертвых губ.
И что́ в том мире неизвестном —
Мне рассказать тебе нельзя.
Но чрез меня, путем чудесным,
Тебя ведет твоя стезя».
И вот колдун, или колдунья,
Вещает деве глубины:
«Сегодня в мире новолунье,
Сегодня царствие луны.
Есть в море скрытые теченья,
И ты войдешь в одно из них,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь от вод морских.
Ты минешь море голубое,
В моря зеленые войдешь,
И в море алое, живое,
И в вольном воздухе вздохнешь.
Но, прежде чем в безвестность глянешь,
Ты будешь в образе другом.
Не бледной девой ты предстанешь,
А торжествующим цветком.
И нежно-женственной богиней

С душою, полной глубины,
Простишься с водною пустыней,
Достигнув уровня волны.
И после таинств лунной ночи,
На этой вкрадчивой волне,
Ты широко раскроешь очи,
Увидев солнце в вышине!»

5

Прекрасны воздушные ночи
Для тех, кто любил и погас,
Кто знал, что короче, короче
Единственный сказочный час.
Прекрасно влиянье чуть зримой,
Едва нарожденной луны,
Для женских сердец ощутимой
Сильней, чем пышнейшие сны.
Но то, что всего полновластней
Во мгле торжества своего, —
Цветок нераскрытый — прекрасней,
Он лучше, нежнее всего.
Да будет бессмертно отныне
Безумство души неземной,
Явившейся в водной пустыне
С едва нарожденной луной.
Она выплывала к теченью
Той вкрадчивой зыбкой волны,
Незримому веря влеченью,
В безвестные веруя сны.
И ночи себя предавая,
Расцветший цветок на волне,
Она засветилась, живая,
Она возродилась вдвойне.

И утро на небо вступило,
Ей было так странно-тепло,
И солнце ее ослепило,
И солнце ей очи сожгло.

6

И целый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была меж волн, как призрак дыма,
Бездушна и бела.
По плоскости, изломанной волненьем,
Носилась без конца.
И не следил никто за измененьем
Страдавшего лица.
Не видел ни один, что там живая
Как мертвая была, —
И как она тонула, выплывая,
И как она плыла.
А к вечеру, когда в холодной дали
Сверкнули маяки,
Ее совсем случайно подобрали,
Всю в пене, рыбаки.
Был мертвен свет в глазах ее застывших,
Но сердце билось в ней.
Был долог гул приливов, отступивших
С береговых камней.

7

Весной, в новолунье, в прозрачный тот час,
Что двойственно вечен и нов
И сладко волнует и радует нас,
Колеблясь на грани миров,
Я вздрогнул от взора двух призрачных глаз
В одном из больших городов.

Глаза отражали застывшие сны
Под тенью безжизненных век,
В них не было чар уходящей весны,
Огней убегающих рек, —
Глаза были полны морской глубины
И были слепыми навек.
У темного дома стояла она,
Виденье тяжелых потерь,
И я из высокого видел окна,
Как замкнута черная дверь
Пред бледною девой с глубокого дна,
Что нищею ходит теперь.
В том сумрачном доме большой вышины
Балладу о море я пел,
О деве, которую мучили сны,
Что есть неподводный предел,
Что, может быть, в мире две правды даны —
Для душ и для жаждущих тел.
И с болью я медлил и ждал у окна
И явственно слышал в окно
Два слова, что молвила дева со дна, —
Мне вам передать их дано:
«Я видела солнце, — сказала она, —
Что́ после — не все ли равно!»

ВЕТЕР

Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный ветер, ветер, ветер,
Пред тобой дрожит камыш.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты душу мне томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спешишь скорей заснуть.
Чуть уснул — и, пробужденный,
Ты готов опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неугомонный?
Вечно — прямо, снова — в путь.

Все места тебе знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябью входишь в водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы —
И опять уходишь в тишь.

О неверный! Ветер, ветер,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мне забвенья, ветер,
Дай стремленья твоего.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Ты прекраснее всего!

ЗАВЕТ БЫТИЯ

Я спросил у свободного ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило солнце,
Но душа услыхала: «Гори!»

ТОЛЕДО

Город-крепость на горе,
Город-храм,
Где молились торжествующим богам,—
Я тебя хотел бы видеть на заре!

В час, когда поет свирель
И зовет, —
В час, когда как будто ласковый апрель
Дышит в зеркале дремотствующих вод.

В дни, когда ты был одним
Из живых
И разбрасывал кругом огонь и дым
Вместе с криками призывов боевых.

Город, зримый в высоте,
Между скал,
Безупречный в совершенной красоте,
Ты явил свой гордый лик — и задремал.

Ты, сказав свое, затих
Навсегда, —
Но поют в тебе отшедшие года,
Ты — иссеченный на камне мощный стих.

К ЮНОМУ СХИМНИКУ

Схимник юный, узник бледный,
Почему за мглой страстей
Мир печали заповедной
Ты отторгнул от людей?

По своей ли ты охоте
Иль веленьем вражьих сил
Умерщвленье грешной плоти
Выше счастья полюбил?

Кто, властительный и смелый,
Так жестоко восхотел,
Чтоб, навеки онемелый,
Перешёл ты за предел?

За предел миров, где струны
Так узывчиво звенят
И смеются: «Схимник юный!
Ты невольник! — говорят. —

Ты невольник, и жестоки
Испытания твои.
Мы свободны, мы глубоки,
Как потоки и ручьи.

И в жестокости мы кротки,
И расстались мы с тоской,
И меняемся, как четки, —
Но под смелою рукой!»

СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть может, вся природа — мозаика цветов?
Быть может, вся природа — различность голосов?
Быть может, вся природа — лишь числа и черты?
Быть может, вся природа — желанье красоты?

У мысли нет орудья измерить глубину,
Нет сил, чтобы замедлить бегущую весну.
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью:
стой!
Разбив оковы мысли, быть скованным — мечтой.

Тогда нам вдруг понятна стозвучность голосов,
Мы видим все богатство и музыку цветов,
А если и мечтою не смерить глубину, —
Мечтою в самых безднàх мы создаем весну.

* * *

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей.
Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.

МОИ ПЕСНОПЕНЬЯ

В моих песнопеньях — журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них — женственно-страстные шепоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях — застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них — белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песни не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

Воздушные песни с мерцаньем страстей
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий снег
Подглядел в сочетаньях планет.

И я в человеческом — нечеловек,
Я захвачен разливами рек.
И, в море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою.

Что достойно, что бесчестно,
Что умам людским известно,
Что идет из рода в род,
Все, чему в цепях не тесно,
Смертью тусклою умрет.
Мне людское незнакомо,
Мне понятней голос грома,
Мне понятней звуки волн,
Одинокий темный челн
И далекий парус белый
Над равниной поседелой,
Над пустыней мертвых вод,
Мне понятен гордый, смелый,
Безотчетный крик: «Вперед!»

ВОЛЯ

Валерию Брюсову

Неужели же я буду так зависеть от людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мне велело в неизвестное идти?

Нет, не буду, нет, не буду я обманывать звезду,
Чей огонь мне ярко светит и к которой я иду.

Высшим знаком я отмечен и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если море повстречаю, в глубине я утону,
Видя воздух, полный света, и прозрачную волну.

Если горные вершины развернутся предо мной,
В снежном царстве я застыну под серебряной луной.

Если к пропасти приду я, заглядевшись на звезду,
Буду падать, не жалея, что на камни упаду.

Но повсюду вечно чуду буду верить я мечтой,
Буду вольным и красивым, буду сказкой золотой.

Если ж кто-нибудь захочет изменить мою судьбу,
Он в раю со мною будет — или в замкнутом гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дам,
Или вместе будет тесно, слишком тесно будет нам.

Так и знайте, понимайте звонкий голос этих струн:
Влага может быть прозрачной — и возникнуть как бурун.

Солнце ландыши ласкает, их сплетает в хоровод,
А захочет — и зардеет — и пожар в степи зажжет.

Но согрею ль я другого, или я его убью,
Неизменной сохраню я душу вольную мою.

ГЛАЗА

Когда я к другому в упор подхожу,
Я знаю: нам общее нечто дано.
И я напряженно и зорко гляжу
Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленных слов,
Убийств, совершенных в зловещей тиши,
Обрывов, провалов, огня, облаков,
Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу,
Он вдруг закрывает глаза.

СКВОЗЬ СТРОЙ

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: «Удвой и утрой,
В десять раз, во сто раз горячей,
Пусть узнает удар палачей».

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловещей горой,
И, горячею кровью облит,
Я еще и еще был избит.

Но, идя, как игрушка, меж вас,
Я горел, я сгорал и не гас.
И сознаньем был каждый смущен,
Что я кровью своей освящен.

И сильней, все сильней каждый раз
Вы пугались блистающих глаз.
И вы дрогнули все предо мной,
Увидав, что меж вас — я иной.

В ДОМАХ

М. Горькому

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бледные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.

Всё скучно в их жизни. Полюбят кого,
Сейчас же наложат тяжелые цепи.
«Ну, что же, ты счастлив?» — «Да что ж... Ничего...»
О да, ничего нет нелепей!

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы.

Всё цельно в просторах безлюдных пустынь,
Желанье свободно уходит к желанью.
Там нет заподозренных чувством святынь,
Там нет пригвождений к преданью.

Свобода! Свобода! Кто понял тебя,
Тот знает, как вольны разливные реки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навеки.

Кто близок был к смерти и видел ее,
Тот знает, что жизнь глубока и прекрасна.
О люди, я вслушался в сердце свое,
И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вот предо мною захлопнулись двери,
И в клеточках гномы застыли опять,
Лепечут: «Мы люди, не звери».

Я проклял вас, люди. Живите впотьмах.
Тоскуйте в размеренной чинной боязни.
Бледнейте в мучительных ваших домах.
Вы к казни идете от казни!

ЛОМАНЫЕ ЛИНИИ

Ломаные линии, острые углы.
Да, мы здесь — мы прячемся в дымном царстве
мглы.

Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.

Глянем и захватим вас, вбросим в наши сны.
Мы еще покажем вам свежесть новизны.

Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только *нет* и *да*.

Будет откровение, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! кричат орлы!

ГАРМОНИЯ СЛОВ

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей —
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед, —
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

ДРУГУ

Милый друг, почему бесконечная боль
Затаилась в душе огорченной твоей?
Быть счастливым себя хоть на миг приневоль,
Будь как царь водяной и как горный король,
Будь со мною в дрожанье бессвязных ветвей.

Посмотри, как воздушно сиянье луны,
Как проходит она — не дыша, не спеша.
Все виденья в застывшей тиши сплетены,
Всюду свет и восторг, всюду сон, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

SIN MIEDO

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», —
Будь всегда бесстрашным, — властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблистали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.

ТРИЛИСТНИК

Дагни Кристенсен

1. ИЗ РОДА КОРОЛЕЙ

Да, тебя я знаю, знаю. Ты из рода королей.
Ты из расы гордых скальдов древней родины твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многих звуков, многих слов,
Оттого что в них не слышно дуновения веков.

Ты не видишь и не знаешь многих красок и картин,
Оттого что в них не светит мощь родных морских глубин.

Но едва перед тобою молвишь беглый вещий звук,
Тотчас мы с тобою вместе, мы в один замкнуты круг.

И когда во взоре можешь силу моря отразить,
Между мною и тобою тотчас ласковая нить.

Нить признанья, ожиданья, бесконечности мечты,
Долгих песен без названья, откровений красоты.

Между мною и тобою веет возглас: «Навсегда». «Ты забудешь?» — «Невозможно». — «Ты ко мне вернешься?» — «Да».

Да, тебя я знаю, счастье. Ты — рожденная волной. Вот я связан царским словом. Помни. Помни! Будь со мной!

2. В МОЕМ САДУ

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.

Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается,
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные,
В глазах твоих — признанье потемневшее,
И губы, губы красные.

С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется, —
О тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь — пьяна, как гроздья спелые,
В моей душе — звучат призывы страстные,
В моем саду — сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные.

3. СОЛНЦЕ УДАЛИЛОСЬ

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд.

Воздух цепенеет, властно скован мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышит над землей.
Тайно стынут волны меркнущих морей.
— Уходи от ночи, уходи скорей.

— Где ж твой тихий угол? — Нет его нигде.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где солнце. Только там, где ты.

Нет дня, чтоб я не думал о тебе,
Нет часа, чтоб тебя я не желал.
Проклятие невидящей судьбе,
Мудрец сказал, что мир постыдно мал.

Постыдно мал и тесен для мечты,
И все же ты далеко от меня.
О, боль моя! Желанна мне лишь ты,
Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спеши!

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

ПРИДОРОЖНЫЕ ТРАВЫ

Спите, полумертвые увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близ путей заезженных взращенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась заклятая стезя.

Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли,
Вы, что в небо дальнее светло глядеть могли,
Вы, что встретить счастие могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девической красе.

Спите же, взглянувшие на страшный пыльный путь,
Вашим равным — царствовать, а вам — навек
уснуть,
Богом обделенные на празднике мечты,
Спите, не видавшие расцвета красоты.

МУДРОСТЬ СЕРДЦА

Ты видал ли, как вздыхает вешний ветер меж цветов,
Их целует и качает, ими прян и сладко-нов.

Ты видал ли, как лелеют волны лотос голубой,
Как они цветок ласкают, окружив его собой.

Ты видал ли, как воздушно светит в сумерках
звезда,
Как пред нею, вместе с нею, дышит вечером вода.

В этом мудрость, в этом счастье — увлекаясь,
увлекать.
Зажигать и в то же время самому светло сверкать.

Увлекая, увлекаться — мудрость сердца моего,
Этим я могу достигнуть слишком многого — всего!

СРАЗУ

Ты мне понравилась так сразу оттого,
Что ты так девственно-стыдлива и прекрасна,
Но за стыдливостью, и сдержанно и страстно,
Коснулось что-то сердца твоего.

В твои глаза взглянув, я вижу в зыбком взоре,
Что страсть была тебе знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая в море,
Ты тонкий стебель нежного цветка.

Дыханьем ветерка, в заветное мгновенье,
Нарушена была твоя немая тишь,
Но было так легко его прикосновенье,
Что ты его едва-едва таишь.

Мне все же чудится, что ласки поцелуя
Ты ясно слышала и знаешь сладость их,
И я, увидя зыбь глубоких глаз твоих,
Тебя люблю, желая и ревнуя.

ЧЕРЕМУХА

Черемухой душистой с тобой опьянены,
Мы вдруг забыли утро и вдруг вступили в сны.

И утро превратилось в моря без берегов,
Моря плавучих тучек, ветвей, кустов, цветов.

Цветы, деревья, травы, и травы, и цветы,
Моря цветов и красок, любовь, и я, и ты.

Лицо к лицу склонивши и руку в руку взяв,
Мы вдруг прониклись счастьем легко дрожащих трав.

Безмерным светом солнце светило с высоты,
И было изумленье, восторг, и я, и ты.

В нас царствовала вечность, в нас был короткий час,
И утро вырастало для нас, для нас, для нас.

Мы были два сиянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

ЗАМАРАШКА

Уличной испанке

Бедная ты замарашка,
Серенький робкий зверок,
Ты полевая ромашка,
Никем не любимый цветок.

Ты и не знаешь, как манит
Прелесть незнатных полей,
Вид твой души не обманет,
Ты всех мне красавиц милей.

МОРСКАЯ ДУША

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончанья лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильней всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее — зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Все твердит, взволнованно дыша,
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

СЕМИЦВЕТНИК

Люси Савицкой

Нежнее, чем польская панна,
И, значит, нежнее всего.

Бальмонт

*

Лесной ручей поет, не зная почему,
Но он светло журчит и нарушает тьму.
А в трепете лучей поет еще звончей,
Как будто говоря, что он ничей, ничей.

Так ты всегда светла, не зная почему,
И быть такой должна наперекор всему.
Твоя душа — напев звенящего ручья,
Который говорит, что ты ничья, ничья.

*

Смотри, как звезды в вышине
Светло горят тебе и мне.
Они не думают о нас,
Но светят нам в полночный час.

Прекрасен ими небосклон,
В них вечен свет и вечен сон.
И кто их видит — жизни рад,
Чужою жизнию богат.

Моя любовь, моя звезда,
Такой, как звезды, будь всегда.
Горя, не думай обо мне,
Но дай побыть мне в звездном сне.

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
Как сладко снова жить и видеть солнце вновь.
Я был в глубокой тьме, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгом стала боль, ответом стал вопрос
От смеха губ твоих и золота волос.
И тонкий стан ко мне прильнул в воздушном сне,
И предал я свой дух чарующей весне.

О, стройная мечта, не разлучусь я с ней!
Кто в мире может быть моей Люси нежней?
Кто лучше всех? Люси, спроси ручей, цветы:
Лучи, ручей, цветы мне говорят, что — ты!

КРЕСТОНОСЕЦ

Сонет

Ни ревности, ни скуке, ни злословью
Моей души живой я не предам.
Блуждая по несчетным городам,
Одним я услажден всегда — любовью.

Мой ум увлек меня к средневековью,
Ко дням служенья тающим мечтам.
И, крестоносец, годы я отдам,
Чтоб розы снов зарделись алой кровью.

Моей! Моей! Неверных больше нет.
В пустыне — все смешавших — долгих лет
Сравнялись все молитвы и проклятья.

И в верность дней не верю я один.
Во имя жертвы, счастья без объятья,
Я сумрачный, я гордый паладин.

«Мой милый! — ты сказала мне. —
Зачем в душевной глубине
Ты будишь бурные желанья?
Все, что в тебе, влечет меня.
И вот в душе моей, звеня,
Растет, растет очарованье!»

Тебя люблю я столько лет,
И нежен я, и я поэт.
Так как же это, совершенство,
Что я тебя своей не звал,
Что я тебя не целовал,
Не задыхался от блаженства?

Скажи мне, счастье, почему?
Пойми: никак я не пойму,
Зачем мы стали у предела?
Зачем не хочешь ты любить,
Себя в восторге позабыть,
Отдать и душу мне и тело?

Пойми, о нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь — весна, когда пою,
Я — светлый бог, когда целую!

АНИТА

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами,
Далеким заревом жила ночная мгла,
Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьем слов своих она меня зажгла,
Испанка смуглая с глубокими глазами.

Альков раздвинулся воздушно-кружевной,
Она не стала мне шептать: «Пусти...
Не надо...»
Не деве Севера, не нимфе ледяной
Твердил я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»[1]
Тигрица жадная дрожала предо мной, —
И кроме глаз ее мне ничего не надо.

[1] Обожаемая! *(исп.)*

РУСАЛКА

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я — с глубокого, тихого, темного дна.

Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая луна. Вот, ты видишь? Зажглась!
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же! Ты мой?
Здесь. И здесь. Так. И здесь... Ах, как сладко
с тобой!

ИГРАЮЩЕЙ В ИГРЫ ЛЮБОВНЫЕ

Есть поцелуи — как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи — как снег холодные.
Есть поцелуи — как оскорбление.

О, поцелуи — насильно данные,
О, поцелуи — во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастия и отвращения!

Беги же с трепетом от исступленности,
Нет меры снам и нет названия.
Я силен — волею моей влюбленности,
Я силен — дерзостью негодования!

ХОЧУ

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем!

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

Я ненавижу всех святых, —
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.

За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,
И ядовитую змею
Они казнят без сострадания.

Мне ненавистен был бы рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.

Я не хотел бы жить в раю,
Казня находчивость змеиную,
От детских дней люблю змею
И ей любуюсь, как картиною.

Я не хотел бы жить в раю,
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.

ВЕДЬМА

Я встретил ведьму старую в задумчивом лесу.
Спросил ее: «Ты знаешь ли, какой я грех несу?»
Смеется ведьма старая, смеется что есть сил:
«Тебя ль не знать? Не первый ты, что молодость убил.

Отверг живые радости и стал себе врагом
И тащишься в дремучий лес убогим стариком».
Я вижу, ведьма старая все знает про меня,
Смеется смехом дьявола, мечту мою кляня,
Мечту мою о праведном, безгрешном житии, —
И молвил ей: «А знаешь ли ты чаянья мои?
Я в лес вошел, но лес пройду, прозрачен, как ручей,
И выйду к морю ясному божественных лучей».
Смеется ведьма старая: «Куда тебе идти?
Зашел сюда — конец тебе: зачахнешь на пути.
Сии леса — дремучие, от века здесь темно,
Блуждать вам здесь дозволено, а выйти не дано.
Ишь, выйду к морю светлому! Ты думаешь: легко?
И что в нем за корысть тебе! Темно и глубоко».
И ведьма рассмеялася своим беззубым ртом:
«На море жить нельзя тебе, а здесь твой верный дом».
И ведьма рассмеялася, как дьявол, егозя:
«Вода морская — горькая, и пить ее — нельзя».

* * *

Я не знаю, что такое — презрение,
Презирать никого не могу.
У самого слабого были минуты рокового горения,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо — врагу.

Я не знаю, как можно быть гордым
Пред другим. Я горд — пред собой.
О струны мои, прозвените небывалым аккордом,
Чтоб враг мой был, как я, во мгле голубой!

* * *

Я не могу понять, как можно ненавидеть
Остывшего к тебе обидчика, врага.
Я радости не знал — сознательно обидеть,
Свобода ясности мне вечно дорога.

Я всех люблю равно, любовью равнодушной,
Я весь душой с другим, когда он тут, со мной,
Но чуть он отойдет, как, светлый и воздушный,
Забвеньем я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рок случайно сделал гневным,
О, смейся надо мной, приди, ударь меня:
Ты для моей души не станешь ежедневным,
Не сможешь затемнить — мне вспыхнувшего —
дня.

Я всех люблю равно, любовью безучастной,
Как слушают волну, как любят облака.
Но есть и для меня источник боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью болен,
И тот — другой — как вещь, берет всю жизнь мою
Я ненависть в душе тогда сдержать не волен,
И хоть в душе своей, но я его убью.

* * *

Жемчужные тона картин венецианских
Мне так же нравятся, как темные цвета
Богинь египетских, видений африканских,
И так же, как ночей норвежских чернота.

Но там, в Норвегии, еще есть ночь иная,
Когда в полночный час горит светило дня.
И яркие цвета, вся сила их земная,
В кровавых кактусах так радуют меня.

Что в мире я ценю — различность сочетаний:
Люблю Звезду морей, люблю Змеиный грех.
И в дикой музыке отчаянных рыданий
Я слышу дьявольский неумолимый смех.

УБИЙЦА ГЛЕБА И БОРИСА

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Пушкин

Едва Владимир отошел,
Беды великие стряслися.
Обманно захватил престол
Убийца Глеба и Бориса.

Он их зарезал, жадный волк,
Услал блуждать в краях загробных,
Богопротивный Святополк,
Какому в мире нет подобных.

Но, этим дух не напитав,
Не кончил он деяний адских,
И князь древлянский Святослав
Был умерщвлен близ гор Карпатских.

Свершил он много черных дел,
Не снисходя и не прощая.
И звон над Киевом гудел,
О славе зверя возвещая.

Его ничей не тронул стон,
И крулю Польши, Болеславу,
Сестру родную отдал он
На посрамленье и забаву.

Но бог с высот своих глядел,
В своем вниманье не скудея.
И беспощаден был удел
Бесчеловечного злодея.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенеги,
Его как мертвого несли,
Он позабыл свои набеги.

Не мог держаться на коне
И всюду чуял шум погони.
За ним в полночной тишине
Неслись разгневанные кони.

Пред ним в полночной тишине
Вставали тени позабытых.
Он с криком вскакивал во сне,
И дальше, дальше от убитых.

Но от убитых не уйти,
Они врага везде нагонят,
Они — как тени на пути,
Ничьи их силы не схоронят.

И тщетно мчался он от них,
Тоской терзался несказанной.
И умер он в степях чужих,
Оставив кличку: Окаянный.

СЛЕПЕЦ

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Сам себя слепым я сделал, как Эдип,
Мудрым будучи, от мудрости погиб.

Я смотрел на землю, полную цветов,
И в земле увидел сонмы мертвецов.

Я смотрел на белый месяц без конца,
Выпил кровь он, кровь из бледного лица.

Я на солнце глянул, солнце разгадал,
День казаться мне прекрасным перестал.

И, увидев тайный облик всех вещей,
Страх я принял в глубину своих очей.

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Может рок и вас застигнуть слепотой,
Пожалейте соблазненного мечтой.

ПРЕД ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ

Как же должны быть наивно-надменны
Эти плененные верой своей!
Помнишь, они говорят: «Неизменны
Наши пути за пределами дней!»

Помнишь, они говорят: «До свиданья,
Брат во Христе! До свиданья — в раю!»
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущего темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокие горы,
Низко над ними висят небеса,
Чистеньких рощиц мелькают узоры, —
Это, конечно, не наши леса.

Видишь тот край, где отсутствуют грозы?
Здесь пребывает святой Иероним;
Льва исцелил он от острой занозы,
Сделал служителем верным своим.

Львы к ним являлись просить врачеванья!
Брат мой, как я, истомленный во мгле,
Где же достать нам с тобой упованья
На измененной земле?

ФРА АНДЖЕЛИКО

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурым,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.

РИБЕЙРА

Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов,
Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятья основ.

Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в любви.

Ты выразил ужас неволи
И бросил в беззвездный предел
Кошмары исполненных боли,
Тобою разорванных тел.

Сказав нам, что ужасы пыток
В созданьях мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.

И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил к красоте,
Ты — брат своего Прометея,
Который всегда в темноте.

ВЕЛАСКЕС

Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевший таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безмолвствует Солнце, всегда молодое!
С каким униженьем, и с болью и в страхе,
Тобою — бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряхи
В величье рабочей своей красоты!

И этот распятый, над всеми христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!
И эти инфанты с Филиппом Четвертым,
Так чувственно-ярким поэтом-царем, —
Во всем этом блеске, для нас распростертом,
Мы пыль золотую, как пчелы, берем!

Мы черпаем силу для наших созданий,
В живом роднике, не иссякшем доныне,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.
Мы так и не знаем, какою же властью
Ты был — и оазис и вместе мираж, —
Судьбой ли, мечтой ли, умом или страстью,
Ты вечно — прошедший, грядущий и наш!

СКОРБЬ АГУРАМАЗДЫ[1]

Мотив из Зенд-Авесты[2]

Я царственный создатель многих стран,
Я светлый бог миров, Агурамазда.
Зачем же лик мой тьмою повторен
И Анграмайни встал противовесом?
Я создал земли, полные расцвета,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
Родил змею в воде и в землях зиму.
И десять зим в году, и два лишь лета,
И холодеют воды и деревья,
И худший бич, зима, лежит на всем.
Я создал Сугдху, мирные равнины,
Но Анграмайни создал саранчу,
И смерть пришла на хлеб и на животных.
И я, Агурамазда, создал Маргу,
Чтоб в ней царили дни труда и счастья,
Но Анграмайни создал зло и грех.
И создал я Нисайю, что за Бахдги,
Чтоб не было в людских сердцах сомненья,
Но Анграмайни веру умертвил.
Я создал Урву, пышность тучных пастбищ,
Но Анграмайни гордость людям дал.
Я создал красоту Гараваити,
Но Анграмайни выстроил гроба.
И создал я оплот, святую Кахру,
Но Анграмайни трупы есть велел,
И люди стали есть убитых ими.
И я, Агурамазда, создал много

---

[1] Агурамазда (Ахурмазда, Ормузд) — божество древней восточной религии — зороастризма, олицетворение сил добра.

[2] Зенд-Авеста — священные книги зороастризма.

Других прекрасных стран, Гаэтуманту,
Варэну, и Рангха, и Семиречье,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
На все набросил зиму, зиму, зиму.
И много стран глубоких и прекрасных,
Томясь без света, ждут моих лучей,
И я, Агурамазда, создал солнце,
Но Анграмайни, темный, создал ночь.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО[1]

1

Моя душа — глухой всебожный храм,
Там дышат тени, смутно нарастая.
Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.
Дракон, владыка солнца и весны,
Единорог, эмблема совершенства,
И феникс, образ царственной жены,
Слиянье власти, блеска и блаженства.
Люблю однообразную мечту
В созданиях художников Китая,
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что искрится, не тая.
Симметрия — их основной закон,
Они рисуют даль — как восхожденье,
И сладко мне, что страшный их дракон
Не адский дух, а символ наслажденья.
А дивная утонченность тонов,
Дробящихся в различии согласном,

[1] Великое Ничто (тайсуй, Великая Пустота) — понятие китайской философии эпохи Сун (960—1279).

Проникновенье в таинство основ,
Лазурь в лазури, красное на красном!
А равнодушье к образу людей,
Пристрастье к разновидностям звериным,
Сплетенье в строгий узел всех страстей,
Огонь ума, скользящий по картинам!
Но более, чем это все, у них
Люблю пробел лирического зноя.
Люблю постичь сквозь легкий нежный стих
Безбрежное отчаянье покоя.

2

К старинным манускриптам в поздний час
Почувствовав обычное призванье,
Я рылся между свитков — и как раз
Чванг-Санга прочитал повествованье.
Там смутный кто-то, — я не знаю кто, —
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно Великое Ничто,
В нем я и ты — мелькаем на мгновенье.
Проходит ночь, и в роще дышит свет,
Две птички, тесно сжавшись, спали рядом,
Но с блеском дня той дружбы больше нет,
И каждая летит к своим усладам.
За тьмою — жизнь, за холодом — апрель,
И снова темный холод ожиданья.
Я разобью певучую свирель,
Иду на запад, умерли мечтанья.
Бесчувственно Великое Ничто,
Земля и небо — свод немого храма.
Я тихо сплю, — я тот же и никто,
Моя душа — воздушность фимиама».

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

Семицветник

1903

Я всему молюсь.

Достоевский

ГИМН СОЛНЦУ

I

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и создатель,
Страшный сжигающий свет!
Дай мне — на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в мире
Счастия нет!

2

О, как, должно быть, было это утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге перламутра
Зажглось ты первым творческим лучом.

Над хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полносложность,
Все было «Да», не возникало «Нет».

В ликующем и пьяном океане
Тьмы тем очей глубоких ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотою,
Не надо было в них влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то утро ты соткало свой наряд.

Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,
Но в каждый взор вливало блеск огней.

И много раз лик мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.

«О, дети солнца, как они прекрасны!», —
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.

То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы, —
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты, —

То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,
И, с ним любя бесстрашною любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду, —

То между снов пластической Эллады,
Где Дионис царил и Аполлон, —
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум мира в солнце был влюблен.

Как не любить светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы —
Гвоздики алые, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают — они и мы, глядят — и я и ты,
Растет, поет, сверкает и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.

Без солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, — нам зримы свет и тень.

Без солнца облака — тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь — воздушно-золотые,
Они воздушней детских грез,
Нежней, чем мысли молодые.

Ты не взойдешь еще, а мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер мая,
И влагой синею поишь ты небосвод,
Всю мглу безбрежности лучами обнимая.

И вот твой яркий диск на небеса взошел,
Превыше вечных гор — горишь ты над богами,
И люди солнце пьют, ты льешь вино струями,

Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол, —
На солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками.

Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке,
Когда желанный нам услышим звонкий смех,
Когда увидим луч средь чащи, на тропинке.

Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд
И в глыбах темных туч, разорванных грозою,
Когда меж них горит манящей полосою
Воздушный семицветный мост.

Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной.
Без солнца наша жизнь была б однообразной,—
Теперь же мы живем мечтою вечно-разной,
Но более всего ласкаешь ты — весной.

4

Свежей весной
Все-озаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной,
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее,
Ты пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое в радостно-грустном апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем июле,

Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.

Ты жгучее в Африке; свет твой горит
Смертельно — в час полдня — вблизи пирамид
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары.
Ты в отблесках мертвых — в пределах тех стран,
Где белою смертью одет океан,
Что люди зовут Ледовитым,
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льды,
Белея под ветром сердитым.
В Норвегии бледной — полночное ты;
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях нежда́нных.
Ты тусклое там, где взрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи
В краях для тебя нежеланных.
Но солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловещий твой свет,
И если есть черные страны,
Где люди в бреду и в виденьях весь год, —
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы.
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды — богаче избранников дней.

5

Я тебя воспеваю, о яркое, жаркое солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,

И хоть струны поэта звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару
твою.

Если б я родился не певцом, истомленным тоскою,
Если б был я звенящей, блестящей, свободной
волной,
Я украсил бы берег жемчужиной — искрой
морскою,
Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех
глубиной.

Если б я родился не стремящимся жадным поэтом,
Я расцвел бы, как ландыш, как белый влюбленный
цветок,
Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается
летом,
И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.

Так, тебя воспевая, о счастье, о солнце святое,
Я лишь частию слышу ликующий жизненный
смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда — молодое,
Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты —
для всех.

6

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
Воспевшего тебя, как я пою,
Ласкаешь тем же светом василиска,
Лелеешь нежных птичек и змею.

Меняешь бесконечно сочетанья
Людей, зверей, планет, ночей и дней
И нас ведешь дорогами страданья,
Но нас ведешь к Бессмертию Огней.

Люблю, что тот же самый свет могучий,
Что нас ведет к немеркнущему Дню,
Струит дожди, порвавши сумрак тучи,
И приобщает нежных дев к огню.

Но если, озаряя и целуя,
Касаешься ты мыслей, губ и плеч,
В тебе всего сильнее то люблю я,
Что можешь ты своим сияньем — сжечь.

Ты явственно на стоны отвечаешь,
Что выбор есть меж сумраком и днем,
И ты невесту с пламенем венчаешь,
Когда в душе горишь своим огнем.

В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,
Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен, —

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на солнце, про себя сказала:
«Еще теперь я победить могу!»

И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол, взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф — несбывшийся позор.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильней, чем мир, —
В любовниках, чьи жаркие лобзанья
Через века почувствовал Шекспир.

Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови;
Пленителен пред этой Змейкой Нила
Антоний, сжегший ум в огне любви.

Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.

Ты их сожгло. Но в светлой мгле забвенья
Земле сказало: «Снова жизнь готовь!» —
Над их могилой — легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.

И как в великой грезе Македонца
Царил над всей землею ум один,
Так ты одно царишь над миром, солнце,
О мировой закатный наш рубин!

И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

7

О мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной

Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и создатель,
Мудро сжигающий — свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в мире
Счастия нет!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Свой мозг пронзил я солнечным лучом.
Гляжу на мир. Не помню ни о чем.
Я вижу свет и цветовой туман.
Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.

Как луч горит на пальцах у меня!
Как сладко мне присутствие огня!
Смешалось все. Людское я забыл.
Я в мировом. Я в центре вечных сил.

Как радостно быть жарким и сверкать!
Как весело мгновения сжигать!
Со светлыми я светом говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

МОИ ЗВЕРИ

Мой зверь — не лев, излюбленный толпою, —
Мне кажется, что он лишь крупный пес.
Нет, желтый тигр, с бесшумною стопою,
Во мне рождает больше странных грез.

И символ Вакха, быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард;
Он весь — как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядит перед собой
В какую-то внежизненную сферу,
Как страшный сфинкс в пустыне голубой.

Но если от азийских, африканских
Святых пустынь мечту я оторву,
Средь наших дней, и плоских и мещанских,
Моей желанной — кошку назову.

Она в себе, в изящной миньятюре,
Соединила этих трех зверей.
Есть искры у нее в лоснистой шкуре,
У ней в крови — бродячий хмель страстей.

Она проходит в комнатах бесшумно,
Всегда свою преследуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любит ведьм, и любит темноту.

В ее зрачках — непознанная чара,
В них фосфор и круги нездешних сфер,
Она пленила страшного Эдгара[1],
Ей был пленен трагический Бодлер, —

Два гения, влюбленные в мечтанья,
Мои два брата в бездне мировой,
Где нам даны безмерные страданья
И беспредельность музыки живой.

ЖАР-ПТИЦА

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью,
Эту чудную Жар-птицу я в руках своих держу,
Как поймать ее — я знаю, но другим не расскажу.

Что другие, что мне люди! Пусть они идут по краю,
Я за край взглянуть умею и свою бездонность знаю.
То, что в пропастях и безднах, мне известно навсегда,
Мне смеется там блаженство, где другим грозит беда.

День мой ярче дня земного, ночь моя — не ночь людская,
Мысль моя дрожит безбрежно, в запредельность убегая.
И меня поймут лишь души, что похожи на меня, —
Люди с волей, люди с кровью, духи страсти и огня!

[1] Имеется в виду Эдгар По.

ЗВЕЗДНЫЙ ХОРОВОД

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз
И не любил — когда?

Как тот севильский Дон-Жуан,
Я — Вечный Жид, минутный муж.
Я знаю сказки многих стран
И тайну многих душ.

Мгновенья нежной красоты
Соткал я в звездный хоровод.
Но неисчерпанность мечты
Меня зовет — вперед.

Что было раз, то было раз.
Душе любить запрета нет,
Хочу я блеска новых глаз,
Непознанных планет.

Волненье́ сладостной тоски
Меня уносит вновь и вновь.
И я всегда гляжу в зрачки,
Чтоб в них читать — любовь.

КОЛДУНЬЯ

She who must be obeyed.
R. Haggard[1]

— Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живешь — беспощадно живое губя,

[1] Та, кому нужно подчиняться. *Р. Хаггард (англ.).*

Что старые страшны черты:
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты.

«Кто так говорил, может, был он и прав.
Жила я не годы, — всегда.
И много безумцев, свой ум потеряв,
Узнали все пытки, — о да!
Но я как цветок расцветаю меж трав,
И я навсегда — молода».

— Колдунья, Колдунья, твой взор так глубок,
Я вижу столетья в зрачках.
Но ты мне желанна. Твой зыбкий намек
В душе пробуждает не страх.
Дай счастье с тобой хоть на малый мне срок,
А там — пусть терзаюсь в веках.

«Вот это откроет блаженство для нас.
Такие слова я люблю.
И если ты будешь бессмертным в наш час,
Я счастие наше продлю.
Но если увижу, что взор твой погас,
Я тотчас тебя утоплю».

Я слился с Колдуньей, всегда-молодой,
С ней счастлив был счастьем богов.
Часы ли, века ли прошли чередой?
Не знаю, я в бездне был снов.
Но как рассказать мне о сладости той?
Не в силах. Нет власти. Нет слов.

— Колдунья, Колдунья, ты ярко-светла,
Но видишь, я светел, как ты.
Мне ведомы таинства Блага и Зла,

Не знаю лишь тайн Красоты.
Скажи мне, как ткани свои ты сплела
И как ты зажгла в них цветы?

Колдунья взглянула так страшно-светло.
«Гляди в этот полный стакан».
И что-то как будто пред нами прошло.
Прозрачный и быстрый туман.
Вино золотое картины зажгло,
Правдивый возник в нем обман.

Как в зеркале мертвом, в стакане вина
Возник упоительный зал.
Колдунья была в нем так четко видна,
На ткани весь мир оживал.
Сидела она за станком у окна,
Узор за узором вставал.

Не знаю, что было мне страшного в том,
Но только я вдруг побледнел.
И страшно хотелось войти мне в тот дом,
Где зал этот пышный блестел,
И быть, как Колдунья, за странным станком
И тот же изведать удел.

Узор за узором живой Красоты
Менялся все снова и вновь.
Слагались, горели, качались цветы,
Был страх в них, была в них любовь.
И между мгновеньями в ткань с высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдруг я увидел в том светлом вине,
Что в зале ковры по стенам.
Они изменялись, почудилось мне,

Подобно причудливым снам.
И жизнь всем владела на левой стене,
Мир справа был дан мертвецам.

Но что это, что там за сон бытия?
Войною захваченный стан.
Я думал, и мысль задрожала моя,
Рой смертных был гибели дан.
Там были и звери, и люди, и я! —
И я опрокинул стакан.

Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать никому никогда
Во всей этой жизни земной.
Колдунья, как прежде, всегда-молода,
И разум мой — вечно с весной.

Колдунья, Колдунья, раскрыл твой обман
Мне страшную тайну твою.
И, красные ткани средь призрачных стран
Сплетая, узоры я вью.
И весело полный шипящий стакан
За жизнь, за Колдунью я пью!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне хочется снова дрожаний качели
В той липовой роще, в деревне родной,
Где утром фиалки во мгле голубели,
Где мысли робели так странно весной.

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
Но только б упиться бездонным, безбрежным
В раю белоснежном, в раю голубом.

И если любил я безумные ласки,
Я к ним остываю — совсем, навсегда,
Мне нравится вечер, и детские глазки,
И тихие сказки, и снова звезда.

РАННИМ УТРОМ

Ранним утром я видал,
Как белеют маргаритки.
Я видал меж тяжких скал
Золотые слитки.

В раннем детстве я любил
Тихий зал и шум на воле,
Полночь в безднах из светил
И росинки в поле.

В раннем детстве я проник
В тишь планет и в здешний ропот.
Я люблю — безумный крик
И нежнейший шепот.

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны.
Есть люди: их мечты — как тихие невесты,
Они непознанно-прекрасны.

Есть люди — с голосом противным,
Как резкий жесткий крик шакала.
Есть люди — с голосом глубоким и призывным,
В котором Вечность задремала.

О, жалок тот, кто носит крики
В своей душе, всегда смущенной.
Блажен, с кем говорят негаснущие лики,
Его душа — как лебедь сонный.

ГОЛУБАЯ РОЗА

Фирвальдштетское озеро [1] — Роза Ветров,
Под ветрами колышутся семь лепестков.
Эта роза сложилась меж царственных гор
В изумрудно-лазурный узор.

[1] Немецкое название озера Люцерн в Швейцарии.

Широки лепестки из блистающих вод,
Голубая мечта в них, качаясь, живет.
Под ветрами встает цветовая игра,
Принимая налет серебра.

Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы никто никогда не сорвет.
В водяной лепесток — лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой.

Горы встали кругом, в снеге рады цветам,
Юной Девой одна называется там.
С этой Девой далекой ты слита судьбой,
Роза-влага, цветок голубой.

Вы равно замечтались о горной весне,
Ваша мысль — в голубом, ваша жизнь — в белизне.
Дева белых снегов, голубых ледников,
Как идет к тебе Роза Ветров!

КОРОМЫСЛО

Коромысло, коромысло
С нежными крылами,
Как оно легко повисло
В воздухе над нами.

Прилетает, улетает
В ласковой лазури.
Для него она рождает
Блески, а не бури.

Коромысло, коромысло,
Почему мы пленны?
Если б знать, какие числа
Для тебя священны.

Наши числа приковали
Нас к земле угрюмой,
И в просторах вольной дали
Мы скользим лишь думой.

Но и в думах мало смысла,
Тяжесть в них земная.
Ты же грезишь, коромысло,
В воздухе летая.

СНЕЖИНКА

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взметается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьяненные весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздается.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеется.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

ЛИНИИ СВЕТА

Длинные линии света
Ласковой дальней луны.
Дымкою море одето.
Дымка — рожденье волны.

Волны, лелея, сплетают
Светлые пряди руна.
Хлопья плывут — и растают,
Новая встанет волна.

Новую линию блеска
Вытянет ласка луны.
Сказка сверканий и плеска
Зыбью дойдет с глубины.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.

Есть полногласность ответа,
Только желай и зови.
Длинные линии света
Тянутся к нам от любви.

К ЕЛЕНЕ [1]

О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных луною морей.

---

[1] Елена — героиня древнегреческого эпоса, покровительница моряков.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
И во тьме ты мерцаешь, как свет,
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я — твой раб, я — твой брат — и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

ПЕСНЯ АРАБА

Есть странная песня араба, чье имя — ничто.
Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен.
Не каждый из нас так правдив, и спокоен, и честен,
Нам хочется жить — ну хоть тысячу лет, ну хоть сто.

А он, сладкозвучный, одну только песню пропел
И, выразив тайно свою одинокую душу,
Как вал океана, домчался на бледную сушу —
И умер, как пена, в иной удаляясь предел.

Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том никогда я не знал, никогда не узнаю.
За первою встречей к иному умчался я краю, —
Так небо хотело, и так повелела луна.

Прекрасная дева на лютне играла, как дух,
Прекрасная дева смотрела глазами газели.
Ни слова друг другу мы с нею сказать не успели,
Но слышало сердце, как был зачарован мой слух.

И взгляд мой унес отраженье блистающих глаз.
Я прожил пять лет близ мечетей Валата-Могита,
Но сердцем владычица дум не была позабыта.
И волей созвездий второй мы увиделись раз.

Я встретил другую. Я должен спросить был тогда,
Она ли вот эта. Все ж сердце ее разглядело.
И счастлив я был бы, когда бы она захотела,
Но, слова не молвив, она отошла навсегда.

Мне не в чем ее упрекнуть. Мы не встретимся вновь.
Но мне никогда обещанья она не давала.
Она не лгала мне. Так разве же это так мало?
Я счастлив. Я счастлив. Я знал, что такое любовь!»

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной,
И я тебя любил, и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой... бледнеющий... неясный...
О, в этот лунный час я о тебе скорблю!

Мне хочется, чтоб ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила нас.
Мне хочется, чтоб я, исполненный бессилья,
В твои глаза струил огонь влюбленных глаз.

Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся — твоя!»

Я знаю, все цветы для нас могли возникнуть,
Во мне дрожит любовь, как лунный луч в волне.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»

РАЗЛУЧЕННЫЕ

Прозвенит ли вдали колокольчик,
Колокольчик, во мгле убегающий, —
Догорает ли месяц за тучкой,
Там за тучкой, бледнеющей, тающей, —

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! —
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной, —

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, —
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабытая, горько-любимая.

Когда я был мальчиком, маленьким, нежным,
Был кроток мой взор и глубок.
Ты знаешь, что утром, пред морем безбрежным,
Горит золотистый песок?

Когда я был юношей, робким и странным,
Я вечной был полон тоской.
Ты знаешь, что вечером, в свете туманном,
Русалки поют над рекой?

Когда я стал страстным, желанным и властным,
Целую я всех на пути.
Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?

МАСКИРОВАННЫЙ БАЛ

No vivas en flor[1].

Испанская поговорка

О цветы красоты! Вы с какой высоты?
В вас — неясная страстная чара.
Пышный зал заблистал, и ликуют мечты,

[1] Не живи как цветок *(исп.)*.

И воздушная кружится пара.
«Не живи как цветок. Он живет краткий срок,
От утра и до вечера только.
Так прожить — много ль жить? Жизнь его — лишь намек,
О красивая нежная полька!»

«Лишь намек? — говоришь. — Но и сам ты горишь.
Закружил ты свой бешеный танец.
Ты минуту живешь, и ты ложь мне твердишь,
На минуту влюбленный испанец.
Я живу как цветок, я дневной мотылек,
Я красивая нежная полька.
Я хоть час, но живу, и глубок мой намек,
Ты мгновение кружишься только!»

«Что мгновенье и час для тебя и для нас, —
Раз цветок, для чего ж ты считаешь?
Ты цвети и гори. Если ж вечер погас,
Говори, что как тучка растаешь.
О, живи как цветок! Мне отдай свой намек.
Мы продлим наш ликующий танец.
Не ропщи, трепещи, золотой мотылек:
Я — безумно-влюбленный испанец!»

ОТРЕЧЕНИЕ

Красивы сочетания светил,
Пленительна зеленая планета,
Где человек свой первый миг вкусил.

В пространстве много воздуха и света,
И каждый день, в определенный час,
Земля огнем рубиновым одета.

Источник новых мыслей не погас,
Источник новых чувств горит всечасно,
И тот, кто любит, любит в первый раз.

Цветы цветут, их чаши дышат страстно,
Желанны их цветные лепестки,
И роскошь их оттенков полновластна.

Безгласное течение реки
И призрачно-зеркальные озера
Внушают больше неги, чем тоски.

Вершины гор — пьянящий пир для взора,
Бессмертно-свеж безбрежный океан,
И что нежнее пенного узора?

Прекрасна разность всех различных стран,
Просторны и равнины и провалы,
В мираже обольстителен обман.

И губы женщин ласковы и алы,
И ярки мысли избранных мужчин.
Но так как все в свой смертный час усталы,

И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, —
Всю смену дней, всю красочность картин,

Всю роскошь солнц и лун — я проклинаю!

Он был из тех, на ком лежит печать
Непогасимо-яркого страданья,
Кто должен проклинать или молчать,
Когда звучат аккорды мирозданья.

Средь ликов, где прозрачен каждый взгляд,
Средь ангелов, поющих светлым хором
И вторящих свой вечный «Свят, свят, свят», —
Он вспыхнул бы и гневом и укором.

Нет, в нем сверкал иной, зловещий свет,
Как факел он горел на мрачном пире:
Где есть печаль, где стон, там правды нет,
Хотя бы красота дышала в мире.

«Ответа — сердцу, сердцу моему!» —
Молил он, задыхаясь от страданья,
И демоны являлися к нему,
Чтоб говорить о тайнах мирозданья.

Он проклял мир и, вечно одинок,
Замкнул в душе глубокие печали,
Но в песнях он их выразить не мог,
Хоть песни победительно звучали.

И полюбил он в мире только то,
Что замерло в отчаянье молчанья:
Вершины гор, где не дышал никто,
Безбрежность волшебства их без названья;

Ночных светил неговорящий свет,
И между них, с их правильным узором,
Падение стремительных комет,
Провал ночей, пронзенный метеором, —

Все то, что, молча выносив свой гнет,
Внезапной бурей грянет в миг единый,
Как чистый снег заоблачных высот
Стремится вниз — губительной лавиной.

* * *

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг — до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

ДАЛЕКИМ БЛИЗКИМ

Мне чужды ваши рассуждения:
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».
Я — нежный иней охлаждения,
Я — ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания:
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».
Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки — помышлением,
Вы так свирепы — на словах.
Я должен быть стихийным гением,
Я весь в себе — восторг и страх.

Вы разделяете, сливаете,
Не доходя до бытия.
Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я.

* * *

О да, молитвенна душа,
И я молюсь всему.
Картина мира хороша,
Люблю я свет и тьму.
Все, что приходит, то прошло,
В воспоминании светло
Живут добро и зло.

Но чтоб в душе была волна
Молитвенной мечты,
В явленье цельность быть должна,
Должны в нем жить черты.
Чем хочешь будь: будь добрый, злой,
Но будь же честен за игрой,
Явись — самим собой.

Пусть будет в смерть твоя игра,
Пусть ты меня убьешь, —
Пойму, что мне уйти пора,
Пойму я все, — не ложь.
Я только цельному молюсь,
И вечно мерзки мне, клянусь,
Ханжа, глупец и трус.

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Mamma, mamma! perchè lo dicesti?
— Figlia, figlia! perchè lo facesti? [1]

Из неумирающих разговоров

Жили в мире дочь и мать.
«Где бы денег нам достать?»
Говорила это дочь.
А сама — темней, чем ночь.

«Будь теперь я молода,
Не спросила б я тогда.
Я б сумела их достать».
Говорила это — мать.

Так промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на целый вечер прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

[1] Мама, мама! зачем ты так говоришь? — Дочка, дочка! зачем ты так поступаешь? *(ит.)*

«Дочка, дочка, — боже мой! —
Что ты делаешь со мной?»
Испугалась, плачет мать.
Долго будет дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро в мире ходит зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денег принесла.

Помертвела, смотрит мать.
«Хочешь деньги сосчитать?»
«Дочка, дочка, — боже мой! —
Что ты сделала с собой?»

«Ты сказала — я пошла».
«Я обмолвилась со зла».
«Ты обмолвилась, — а я
Оступилась, мать моя».

* * *

Чем выше образ твой был вознесен во мне,
Чем ярче ты жила как светлая мечта,
Тем ниже ты теперь в холодной глубине,
Где рой морских червей, где сон и темнота.

За то, что ты лгала сознанью моему,
За то, что ты была поддельная звезда,
Твой образ навсегда я заключил в тюрьму.
Тебе прощенья нет. Не будет. Никогда.

ТАК СКОРО

Так скоро ты сказала:
«Нет больше сил моих».
Мой милый друг, так мало?
Я только начал стих.

Мой стих, всегда победный,
Желает красоты.
О друг мой, друг мой бедный,
Не отстрадала ты.

Еще я буду в пытке
Терзаться и терзать.
Я должен в длинном свитке
Легенду рассказать.

Легенду яркой были,
О том, что я — любовь,
О том, как мы любили,
Как любим вновь и вновь.

И вот твоих мучений
Хочу я как моих.
Я жажду песнопений,
Я только начал стих.

ДОВОЛЬНО

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ

Когда я думаю, что рядом,
Вот здесь, кругом, передо мной,
Безмерным преданы отрадам,
Ликуют духи, мир иной, —

В той комнате, где дни и ночи,
Как каторжник, забыв про сон,
Так бьюсь я, не смыкая очи,
Все бьюсь, к работе присужден, —

Когда я думаю, что годы,
С печальной бледностью лица,
В окно все тот же лик природы
Я буду видеть без конца, —

И сердцем, более не юным,
Я буду, догорая, тлеть,
Внимать метелям и бурунам,
Слабеть, седеть и холодеть,—

Вдруг сам себе тогда я страшен,
Я содрогаюсь, как в бреду,
Как будто я с высоких башен
Вот-вот на землю упаду.

А между тем так близко, рядом,
Но не слиянные со мной,
Безбрежным преданы усладам,
Сплетают духи мир иной.

ТИШЕ, ТИШЕ

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет.
У развенчанных великих, как и прежде, горды вежды,
И слагатель вещих песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзорен, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец — и царь.

Дети солнца, не забудьте голос меркнущего брата
Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлажденья и заката, —
В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.

Расцветайте, отцветайте, многоцветно,
полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных
сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь,
прекрасна
И что царственно величье холодеющих могил.

БОЛОТО

Прерывистые строки

Miles and miles and miles of desolation,
Leagues on leagues on leagues without a change.
Swinburne[1]

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой обманною травой.
Каждый миг в нем шепчет, словно плачет, кто-то,
Как будто безнадежно тоскует над собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли в изумрудной тиши.

На самом зеленом изумрудном месте
Кто-то когда-то погиб навсегда.
Шел жених влюбленный к любящей невесте, —
Болото заманило, в болоте нет следа.

---

[1] Мили, и мили, и мили одиночества, // Лье, и лье, и лье без перемен. *Суинберн (англ.)*.

И многих манит к обманным изумрудам,
Каждому хочется над бездонностью побыть.
Каждый, утомившись, ярко грезит чудом,
И только тот живет, кто может все забыть.

О, как грустно шепчут камыши без счета,
Шелестящими, шуршащими стеблями говорят.
Болото, болото, ты мне нравишься, болото,
Я верю, что божественен предсмертный взгляд.

Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?
Я совсем остываю к мечте.
Дни мои равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.

Только шаг остается, только миг быстрокрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?

Я не прежний веселый, полубог вдохновенный,
Я не гений певучей мечты.
Я угрюмый заложник, я тоскующий пленный,
Я стою у последней черты.

Только миг быстрокрылый, и душа, альбатросом,
Унесется к неведомой мгле.
Я устал приближаться от вопросов к вопросам,
Я жалею, что жил на земле.

* * *

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, —
И если твой талант крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

Зимой ли кончается год,
Иль осенью, право, не знаю.
У сердца особенный счет,
Мгновенья я в годы вменяю.

И год я считаю за миг,
Раз только мечта мне прикажет,
Раз только мне тайный родник
Незримое что-то покажет.

Спросила ты, сколько мне лет,
И так усмехнулась мне тонко.
Но ты же ведь знаешь: поэт
Моложе, наивней ребенка.

Но также могла бы ты знать,
Что всю многозыблемость света
Привыкло в себе сохранять
Бездонное сердце поэта.

Я старше взметнувшихся гор, —
Кто вечности ближе, чем дети?
Гляди в ускользающий взор,
Там целое море столетий!

ПОХВАЛА УМУ

Безумие и разум равноценны,
Как равноценны в мире свет и тьма.
В них — два пути, пока мы в мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский — и светлый и туманный,
Как море вкруг несчетных островов.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий —
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский — исступленно-молодецкий,
Ум скандинавский — вещий и слепой.

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик,
Ум итальянский — сладкий, как обманы,
Утонченный, как у мадонны лик.

Как меч, как властный голос — ум латинский,
Ум эллинский — язык полубогов,
Индийский ум, кошмарно-исполинский, —
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу: волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем — и брату и врагу.

БОГ И ДЬЯВОЛ

Я люблю тебя, дьявол, я люблю тебя, бог,
Одному — мои стоны, и другому — мой вздох,
Одному — мои крики, а другому — мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на север иду я, то откинусь на юг,
То далеко, с востока, поплыву на закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет земля,
И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный дьявол, о, единственный бог!

К ЛЮДЯМ

О люди, я к вам обращаюсь, ко всем,
Узнайте, что был я несчастен и нем,
Но раз полюбил я возвышенность гор,
И всё полюбил я и понял с тех пор.

Я понял, но сердцем, — о нет, не умом,
Я знаю, что радостен царственный гром,
Что молния губит людей и зверей,
Но мир наш вдвойне обольстителен с ней.

Мне нравится все, что земля мне дала,
Все сложные ткани и блага и зла,
Всего я касался, всему я молюсь,
Ручьем я смеялся, но с морем сольюсь.

И снова под властью горячих лучей
С высот оборвется звенящий ручей.
Есть мудрость, но жизнь не распутал никто,
Всем мудрым, всем мертвым скажу я: «Не то!»

Есть что-то, что выше всех знаний и слов,
И я отвергаю слова мудрецов,
Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, мировое вино.

Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым,
И буду я с юными утренним вновь...
О люди, я чувствую только любовь!

ИЗ КНИГИ

ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ

Стихийные гимны

1905

* * *

Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть,
Свет Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.

Развенчав Царицу-Воду, отрекаясь от Огня,
Изменили всю Природу, замок Ночи, праздник Дня.

В тюрьмах дум своих, в сцепленье зданий-склепов,
слов-могил
Позабыли о теченье Чисел, Вечности, Светил.

Но качнулось коромысло золотое в Небесах,
Мысли Неба, Звезды-Числа, брызнув, светят здесь
в словах.

Здесь мои избрали строки, пали в мой журчащий
стих,
Чтоб звенели в нем намеки всех колодцев неземных.

Чтоб к Стихиям людям бледным показал я светлый
путь,
Чтобы вновь стихом победным в царство Солнца
всех вернуть.

МИРОВАЯ ТЮРЬМА

Когда я думаю, как много есть вселенных,
Как много было их и будет вновь и вновь, —
Мне небо кажется тюрьмой несчетных пленных,
Где свет закатности есть жертвенная кровь.

Опять разрушатся все спайки, склейки, скрепы,
Все связи рушатся, — и снова будет тьма,
Пляс жадных атомов, чудовищно-свирепый,
Циклон незримостей, стихийная чума.

И вновь сомкнет, скует водоворот спиральный
Звено упорное сложившихся планет,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
В эфирных пропастях польется звездный свет.

И как в былые дни, чтоб прочным было зданье,
Под основание бывал живой зарыт, —
В блестящих звездностях есть бешенство
страданья,
Лучист дворец небес, но он из тяжких плит.

ТЕНЬ ОТ ДЫМА

Мое несчастье несравнимо
Ни с чьим. О, подлинно! Ни с чьим.
Другие — дым, я — тень от дыма,
Я всем завидую, кто — дым.

Они горели, догорели
И, все отдавши ярким снам,
Спешат к назначенной им цели,
Стремятся к синим небесам.

Великим схвачены законом,
Покорно тают в светлой мгле.
А я, как змей, ползу по склонам,
Я опрокинут на земле.

И я хотел бы на вершины
Хоть бледным призраком дойти,
Они — для всех, они едины,
Но я цепляюсь по пути.

Увы, я сам себя не знаю,
И от себя того я жду,
Что преградит дорогу к раю,
Куда так зыбко я иду.

ЧИТАТЕЛЬ ДУШ

Читатель душ людских, скажи нам, что прочел ты?
Страницы Юности? Поэмы Красоты?
— О нет, затасканы, истерты, темны, желты
В томах людской души несчетные листы.

Я долго их читал и в разные наречья
Упорно проникал внимательной мечтой,
Все думал в их строках нежданность подстеречь я,
Искал я тайны тайн за каждою чертой.

Я родился чтецом, и призрачные строки
Полуослепший взор волнуют, как всегда,
Я жажду островов, ищу, люблю намеки,
Их мало, и горька в морях души вода.

За днями странствия, усталый, истомленный,
В книгохранилище случайное зайду,
Перед чужой душой встаю, как дух бессонный,
И укоризненно беседы с ней веду.

Зачем так бледны вы, несмелые стремленья?
Зачем так гордости в вас мало, сны людей?
Я иногда хочу вам всем уничтоженья,
Во имя свежести нетронутых полей.

Не потому ль, храня незримую обиду,
Природа вольная замыслила потоп,
Прияла гневный лик и стерла Атлантиду,
Чтоб все повторности нашли свой верный гроб?

Нам быстрый час грозит. Есть мера повторенья.
Природа стережет и утра ждет от нас.
Сожжемте ж прошлое, сплетем в венок мгновенья,
Начнем свою весну, скорей, теперь, сейчас!

ОГОНЬ

Не устану тебя восхвалять,
О внезапный, о страшный, о вкрадчивый,
На тебе расплавляют металлы,
Близ тебя создают и куют.

«Будем как солнце»

*

Огнепоклонником я прежде был когда-то,
Огнепоклонником останусь я всегда.
Мое индийское мышление богато
Разнообразием рассвета и заката,
Я между смертными — падучая звезда.

Средь человеческих бесцветных привидений,
Меж этих будничных безжизненных теней,
Я вспышка яркая, блаженство исступлений,
Игрою красочной светло венчанный гений,
Я праздник радости, расцвета и огней.

Как обольстительна в провалах тьмы комета!
Она пугает мысль и радует мечту.
На всем моем пути есть светлая примета,
Мой взор — блестящий круг, за мною — вихри
света,
Из тьмы и пламени узоры я плету.

При разрешенности стихийного мечтанья,
В начальном хаосе, еще не знавшем дня,
Не гномом роющим я был средь мирозданья
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящего Огня.

Под Гималаями, чьи выси — в блесках рая,
Я понял яркость дум, среди долинной мглы;
Горела в темноте моя душа живая,
И людям я светил, костры им зажигая,
И Агни светлому слагал свои хвалы.

С тех пор, как миг один, прошли тысячелетья,
Смешались языки, содвинулись моря,
Но все еще на свет не в силах не глядеть я,
И знаю явственно, пройдут еще столетья,
Я буду все светить, сжигая и горя.

О да, мне нравится, что бело так и ало
Горенье вечное земных и горних стран.
Молиться пламени сознанье не устало,
И для блестящего мне служат ритуала
Уста горячие, и солнце, и вулкан.

Как убедительна лучей растущих чара,
Когда нам солнце вновь бросает жаркий взгляд,
Неисчерпаемость блистательного дара!
И в красном зареве победного пожара
Как убедителен, в оправе тьмы, закат!

И в страшных кратерах — молитвенные взрывы:
Качаясь в пропастях, рождаются на дне
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдруг взметаются пылающие нивы,
Устав скрывать свой блеск в могучей глубине.

Бегут колосья ввысь из творческого горна,
И шелестенья их слагаются в напев,
И стебли жгучие сплетаются узорно,
И с свистом падают пурпуровые зерна,
Для сна отдельности в той слитности созрев.

Не то же ль творчество, не то же ли горенье,
Не те же ль ужасы, не та же красота
Кидают любящих в безумные сплетенья,
И заставляют их кричать от наслажденья,
И замыкают им безмолвием уста.

В порыве бешенства в себя принявши вечность,
В блаженстве сладостном истомной слепоты,
Они вдруг чувствуют, как дышит бесконечность,
И в их сокрытостях, сквозь ласковую млечность,
Молниеносные рождаются цветы.

Огнепоклонником судьба мне быть велела,
Мечте молитвенной ни в чем преграды нет.
Единым пламенем горят душа и тело,
Глядим в бездонность мы в узорностях предела,
На вечный праздник снов зовет безбрежный свет.

ВОДА

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство — небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.

«Только любовь»

От капли росы, что трепещет, играя
Огнем драгоценных камней,
До бледных просторов, где, вдаль убегая,
Венчается пеною влага морская
На глади бездонных морей,
Ты — всюду, всегда неизменно живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красных и желтых лучей,
Оранжевых, белых, зеленых и синих
И тех, что рождаются только в пустынях,

В волненье и пенье безмерных зыбей,
Оттенков, что видны лишь избранным взорам,
Дрожаний, сверканий, мельканий, которым
Нельзя подыскать отражающих слов,
Хоть в слове бездонность оттенков блистает,
Хоть в слове красивом всегда расцветает
Весна многоцветных цветов.

Вода бесконечные лики вмещает
В безмерность своей глубины,
Мечтанье на зыбях различных качает,
Молчаньем и пеньем душе отвечает,
Уводит сознание в сны.
Богатыми были, богаты и ныне
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей мир островной.
И море — все море, но в вольном просторе
Различно оно в человеческом взоре
Качается грезой-волной.

В различных скитаньях,
В иных сочетаньях,
Я слышал сказания бурь —
И знаю, есть разность в мечтаньях.

Я видел Индийское море, лазурь,
В нем волн голубые извивы,
И Красное море, где ласков коралл,
Где розовой краскою зыбится вал,
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидский залив,
И Черное море, где буен прилив,
И Белое, призрак красивый.
И всюду я думал, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна вода.

ЗЕМЛЯ

Цвет расцветшей жизни, нежный изумруд.

«Горящие здания»

Звезда, на которой сквозь небо мерцает трава.

«Фата Моргана»

Земля, я неземной, но я с тобою скован
На много долгих дней, на бездну быстрых лет.
Зеленый твой простор мечтою облюбован,
Земною красотой я сладко заколдован,
Ты мне позволила, чтоб жил я как поэт.

Меж тысячи умов мой мозг образовала
В таких причудливых сплетеньях и узлах,
Что все мне хочется, «Еще» твержу я, «Мало»,
И пытку я люблю, как упоенье бала,
Я быстрый альбатрос в безбрежных облаках.

Не страшны смелому безмерные усилья,
Шутя перелечу я из страны в страну,
Но в том весь ужас мой, что, если эти крылья
Во влаге омочу, исполненный бессилья,
Воздушный, неземной, я в море утону.

Я должен издали глядеть на эти воды,
В которых жадный клюв добычу может взять,
Я должен над землей летать не дни, а годы,
Но я блаженствую, я лучший сон природы,
Хоть как я мучаюсь — мне некому сказать.

И рыбы бледные, немые черепахи,
Быть может, знают мир, безвестный для меня,
Но мне так радостно застыть в воздушном взмахе,
В ненасытимости, в поспешности и страхе,
Над пропастью ночей и над провалом дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велела ты, чтоб здесь я был таким,
Ты в пропастях летишь, и я лечу, послушный,
Я страшен, как и ты, я чуткий и бездушный,
Хотя и весь — душа, и мне не быть другим.

Зеленая звезда, планета изумруда,
Я так в тебе люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нет, ты ужас, блеск и чудо,
И ты спешишь — туда, хотя идешь — оттуда,
И я тебя люблю, и я тебя пою.

В раскинутой твоей роскошной панораме,
В твоей, не стынущей и в декабрях, весне,
В вертепе, в мастерской, в тюрьме, в семье и в храме
Мне вечно чудится картина в дивной раме,
Я с нею, в ней и вне, и этот сон — во мне.

Сказал, и более я повторять не стану,
Быть может, повторю, я властен повторить:
Я предал жизнь мою лучистому обману,
Я в безднах мировых нашел свою Светлану
И для нее кручу блистающую нить.

Моя любовь — земля, я с ней сплетен — для пира,
Легенду мы поем из звуковых примет.
В кошмарных зведностях, в безмерных безднах
мира,
В алмазной плотности бессмертного эфира —
Сон Жизни, Изумруд, Весна, Зеленый Свет!

*

Земля, ты так любви достойна за то, что ты всегда иная,
Как убедительно и стройно все в глуби глаз, вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы и леса,
Болота, прерии, мареммы, пустыни, море, небеса.
Улыбки, шепоты и ласки, шуршанье, шелест, шорох, травы,
Хребты безмерных гор во мраке, как исполинские удавы,
Кошмарность ходов под землею, расселин, впадин и пещер,
И храмы в страшных подземельях, чей странен сказочный размер.
Дремотный блеск зарытых кладов, целебный ключ в тюрьме гранита,
И слитков золота сокрытость, что будет смелыми отрыта.
Паденье в пропасть, в мрак и ужас, в рудник, где раб — как властелин,
И горло горного потока, и ряд оврагов меж стремнин.
В глубоких безднах океана — дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа — вновь под солнцем — ковчег Атлантов, пирамиды,
Землетрясения, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханных полей.

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ

Детские песенки

1905. Осень

ПОСВЯЩЕНИЕ [1]

Солнечной Нинике, с светлыми глазками —
Этот букетик из тонких былинок.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После — блеснешь мне зелеными глазками, —
В них не хочу я росинок.

[1] Обращено к Нине Константиновне Бальмонт-Бруни (род. в 1901 г.), дочери поэта.

Вечер далек, и до вечера встретится
Много нам: гномы, и страхи, и змеи.
Чур, не пугаться, — а если засветятся
Слезки, пожалуюсь Фее.

Sillamäggi, Estl.
1905 Sept. 7

ФЕЯ

Говорили мне, что Фея,
Если даже и богата,
Если ей дарит лилея
Много снов и аромата, —
Все ж, чтоб в замке приютиться,
Нужен ей один листок,
Им же может нарядиться
С головы до ног.

Да, иначе быть не может,
Потому что все в ней нежно,
Ей сама луна поможет,
Ткань паук сплетет прилежно.
Так как в мире я не знаю
Ничего нежнее фей,
Ныне Фею выбираю
Музою моей.

ФЕЯ ЗА ДЕЛОМ

К Фее в замок собрались
Мошки и букашки.
Перед этим напились
Капелек с ромашки.

И давай жужжать, галдеть
В зале паутинной,
Точно выискали клеть,
А не замок чинный.

Стали жаловаться все
С самого начала,
Что ромашка им в росе
Яду подмешала.

А потом на комара
Жаловалась муха:
Говорит, мол, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала их вздор
И сказала: «Верьте,
Мне ваш гам и этот сор
Надоел до смерти».

И велела пауку, —
Встав с воздушных кресел, —
Чтобы тотчас на суку
Сети он развесил.

И немедля стал паук
Вешать паутинки.
А она пошла на луг
Проверять росинки.

РЕШЕНИЕ ФЕИ

Солнце жаворонку силу петь дает,
Он до солнца долетает и поет.
Птичка жаворонок — певчим птичкам царь,
На совете птиц давно решили, встарь.

Но решенье птиц не принял соловей,
Он с обидой дожидается ночей.
И как только означается луна,
Соловьиная баллада всем слышна.

Фея молвила: «Чего же спорить им?
Ну и глупые с решением своим.
После утра есть вечерняя заря,
В дне и ночи пусть нам будут два царя».

ТРУДНО ФЕЕ

«Фея», — шепнули сирени,
«Фея», — призыв был стрижа,
«Фея», — шепнули сквозь тени
Ландыши, очи смежа.

«Фея», — сквозя изумрудно,
Травки промолвила нить.
Фея вздохнула: «Как трудно!
Всех-то должна я любить».

ФЕЙНАЯ ВОЙНА

Царь муравейный
С свитою фейной
Вздумал войну воевать.
Всех он букашек,
С кашек, с ромашек,
Хочет теперь убивать.

Фея вздыхает,
Фея не знает,
Как же теперь поступить.
В Фее все нежно,
Все безмятежно,
Страшное слово — убить.

Но на защиту
Легкую свиту
Фея скорей созывать.
Мир комариный,
Царь муравьиный
Выслал опасную рать.

Мошки жужжали
И верезжали
Тонким своим голоском.
О, муравейник,
Это — репейник
Там, где все гладко кругом.

С войском мушиным
Шел по долинам
В пламени грозном Светляк.
Каждый толкачик
Прыгал как мячик,
Каждый толкачик был враг.

Враг муравейный
Выстрел ружейный
Делал, тряся хоботком.
Путь с колеями,
Весь с муравьями,
Был как траншеи кругом.

Небо затмилось,
Солнце укрылось,
В туче стал гром грохотать.
Каждая сила
Прочь отступила,
Вспугнута каждая рать.

Стяг муравьиный
Лист был рябины,
Он совершенно промок.
Знаменем Феи
Цвет был лилеи,
Весь его смял ветерок.

Спор тот жестокий
Тьмой черноокой
Кончен был прямо ни в чью.
Выясним, право,
Мошкам ли слава,
Слава ль в войне Муравью?

ВОЛК ФЕИ

Странный Волк у этой Феи.
Я спросил его: «Ты злой?»
Он лизнул цветок лилеи
И мотнул мне головой.

«Это прежде, мол, случалось,
В старине былых годов.
Злость моя тогда встречалась
С Красной Шапочкой лесов.

Но когда Охотник рьяный
Распорол мне мой живот,
Вдруг исчезли все обманы,
Все пошло наоборот.

Стал я кроткий, стал я мирный,
Здесь при Фее состою,
На балах, под рокот лирный,
Подвываю и пою.

В животе же, плотно сшитом,
Не убитые теперь.
Я кормлюсь травой и житом,
Я хоть Волк, но я не зверь».

Так прошамкал Волк мне серый
И в амбар с овсом залез.
Я ж, дивясь ему без меры,
Поскорей в дремучий лес.

Может, там другой найдется
Серый Волк и злющий Волк.
Порох праздника дождется,
И курок ружейный — щелк.

А уж этот Волк, лилейный,
Лирный, мирный и с овсом,
Пусть он будет в сказке фейной
И на «ты» с дворовым псом.

У ЧУДИЩ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал ведьму и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею,
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны — и был таков.

СКАЗОЧКИ

Помнишь, миленький дружок,
Помнишь, деточка моя:
«Петушок, да петушок,
Золотой он гребешок», —
Сказку сказывал я.

Засмеялась ты в ответ,
Засмеялась: «Ха, ха, ха!
Вот какой смешной поэт!
Не хочу я, нет, нет, нет,
Говорить про петуха».

Я про козлика тогда
Начал сказку говорить,
И журчала нам вода.
Если б, если б нам всегда
В этих сказочках быть!

КОШКИН ДОМ

Мышка спичками играла,
Загорелся кошкин дом.
Нет, давай начну сначала;
Мышка спичками играла
Перед Васькой, пред котом.

Промяукал он на мышку,
А она ему: «Кис-кис».
«Нет, — сказал он, — это — лишку», —
И за хвостик хвать плутишку,
Вдруг усы его зажглись.

Кот мяукать, кот метаться,
Загорелся кошкин дом.
Тут бы кошке догадаться,
А она давай считаться,
Все поставила вверх дном.

Погубила ревность злая.
Кошкин дом сгорел дотла.
«Этой мышке помогла я», —
Спичка молвила, пылая.
Мышка до сих пор цела.

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Одуванчик вздумал взять
Замуж маргаритку.
А червяк, чтоб не отстать,
Замуж взял улитку.

И ликуют два цветка,
Счастливы друг другом.
И улитка червяка
Назвала супругом.

Но мгновенно улетел
Одуванчик белый.
Маргаритке был удел
Стать вдовой несмелой.

А с улиткой каблуком
Вмиг была расправа,
Что же стало с червяком,
Я не знаю, право.

ТРЯСОГУЗКА

Трясогузка возле лужи,
Хвост тряся исподтишка,
Говорила: «Почему же
Всем стихи, — мне нет стишка?

Я ли бегаю не прытко?
Я ли мошек не ловлю?
Иль стихам нужна улитка?
Вот уж гадость. Не терплю».

Трясогузка, чудо-птица,
Ты милей мне ярких звезд.
Ты... Но скрылась баловница,
Повернув свой быстрый хвост.

РУСАЛОЧКА

Русалка с звонким хохотком,
Таким хрустально-чистым
И в этом воздухе ночном
Так лунно-серебристом,

Меня звала и мне плела
Такие небылицы,
Моя разумность вдруг прошла,
И стал я легче птицы.

И в воду, прямо в воду к ней,—
Удержат ли обрывы!
Но, горе храбрости моей,
Русалочки смешливы.

Я захлебнулся, чуть дышу,
Они меня щекочут,
Как лягушонок, я пляшу,
А им-то что, хохочут.

И надавали мне шлепков
Таких, сказать обидно.
Мелькнул их рой, и был таков.
Я — мокрый! Как мне стыдно!

РАКОВИНКИ

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки в зеркале реки.
Жил старик и говорит старушке:
«Мы с тобой зачахнем от тоски».

Говорит старушка: «Что же, старый,
Создавай ты море для людей.
Я создам ручьи, лесные чары,
Жить тогда нам будет веселей.

Люди кораблей себе настроят,
Будут петь, браниться и кричать.
Если ж мысли их забеспокоят,
Ключ лесной им будет отвечать.

Дети прибегут играть на взморье,
Море что и бросит для детей.
Им забава, нам, седым, подспорье,
Будет старым в мире веселей».

Зашумело море кругземное,
Притаились по лесам ручьи.
Помолчат — и разольются вдвое,
Парус забелел, бегут ладьи.

И живет старик, легко старушке,
По ручьям проходят огоньки.
Светят травки, малые подружки,
Раковинки, камешки, пески.

КАК Я ПИШУ СТИХИ

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья ей издалека,
Четвертая смеется, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда — не сочиняю.

БЕРЕЗА

Береза родная, со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал.
Я скучал о сирени в цвету и о нем, соловье
голосистом,
Обо всем, что я в детстве с мечтой обвенчал.
Я был там, далеко,
В многокрасочной пряности пышных ликующих
стран.
Там зловещая пума враждебно так щурила око,
И пред быстрой грозой оглушал меня рев обезьян,
Но, тихонько качаясь
На тяжелом, чужом, мексиканском седле,
Я душою дремал, и, воздушно во мне расцвечаясь,
Восставали родимые тени в серебряной мгле.
О, весенние грозы!
Детство с веткой сирени, в вечерней тиши —
соловей,
Зыбь и шепот листвы этой милой плакучей березы,
Зачарованность снов — только раз расцветающих
дней!

БАБОЧКА

Помню я, бабочка билась в окно.
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно.
Но отделяет от дали.

В мае то было. Мне было пять лет.
В нашей усадьбе старинной.
Узнице воздух вернул я и свет.
Выпустил в сад наш пустынный.

Если умру я и спросят меня:
«В чем твое доброе дело?» —
Молвлю я: «Мысль моя майского дня
Бабочке зла не хотела».

ОСЕНЬ

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают,
Прочь, за синее море,
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

ИЗ КНИГИ

ЗЛЫЕ ЧАРЫ

Книга заклятий

1906. Весна

ЗОВ

Я овеян дыханьями многих морей,
Я склонялся над срывами гор,
Я молился ветрам: «О, скорее, скорей!»,
Я во всем уходил на простор.

Я не знаю цепей, я не ведаю слов
Возбранить чьи б то ни было сны,
Я для злейших врагов не хотел бы оков,
А желал бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнее скорбей
На разгульном пиру бытия,
Я овеян дыханьями вольных морей,
Будьте вольными, братья, как я!

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

Кто найдет Одолень-траву, тот вельми себе талант обрящет на земли.

Народный травник

Одолень-трава,
Я среди чужих,
Стынут все слова,
Замирает стих.
Я среди людей,
Нет житья от них,
Помоги скорей,
Дай мне спеть мой стих.
Ты, как я, взросла
Меж полей, в лесах,
Под луной светла
На немых волнах.
Ты печальница,
Нежный цвет твой бел,
Ты купальница,
Водяной прострел.
Пала молния
В безглагольность вод,
Пала молния,
И цветок цветет.
Одолень-трава,
Уж который год

Ты светло-жива
Меж зеркальных вод.
Я блуждал, скорбя,
Меж пустых полей,
Я нашел тебя,
Помоги скорей.
Одолей ты мне
Не обрывы гор,
Где на темном дне
Шепчет темный бор.
О, не мрак лесной,
И не тьму ночей,
И не омут злой,
И не ширь степей.
Одолень-трава,
Одолей ты мне
Тех, в ком жизнь едва
Тлеет в тусклом сне.
Кто, как мертвый гнет,
Тяготит мечты,
Меж зеркальных вод
Не узнав цветы.
Ты всегда жива,
Талисман лучей,
Одолень-трава,
Одолей людей.

ПРИ МОРЕ ЧЕРНОМ

При море черном стоят столбы.
Столбы из камня. Число их восемь.
Приходят часто сюда рабы.
И сонмы юных несут гробы.
Бледнеют зимы. И шепчет осень.

Порой и звери сюда дойдут.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуют: «Что делать тут?»
Пойдут, забродят и упадут,
Устав стремиться, устав кружиться.

При море черном стоят столбы.
От дней додневных. Число их грозно.
Число их веще меж числ судьбы.
И их значенья на крик мольбы:
Навек. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ТЕТЕНЬКА ИЗ СЕЛА

— Тетенька, тетенька, миленькая,
Что ты такая уныленькая?
Или не рада, что к нам из села
В город пошла ты и в город пришла?

— Эк ты, девчонка, горазда болтать.
Чуть подросла, от земли не видать,
Только и знаешь — шуршишь, словно мышь.
Что же ты тетку свою тормошишь?

— Тетенька, может, мой разум и мал,
Только вот вижу — наш смех замолчал.
Тетенька, право, мне страшно с тобой,
Точно здесь кто-то еще есть другой.

— Девонька, эти ты глупости брось,
К ночи нельзя так болтать на авось.
Лучше давай про село расскажу,
После помолимся, спать уложу.

В городе, девонька, все бы вам смех,
В городе много забав и утех.
Наши избенки-то, наше село
Лесом, потемками все облегло.

В лес за дровами — а там лесовик,
Вон за стволом притаился, приник.
Чур меня, крикнешь, — он вытянет нос,
Так захохочет — по коже мороз.

Ночью, как это так выйдешь на двор,
Звери какие-то смотрят из нор,
Совы на крыше усядутся в ряд,
Углем глаза, как у ведьмы, горят.

В избу назад — а в клети домовой,
Ты на полати — а он уж с тобой,
Вот навалился — и стонешь во сне,
Душно так, тяжко так, страшно так мне.

Нежити ходят, бормочут во тьму,
Шепчут, скривясь, — ничего не пойму.
Словно они балалаечники,
Баешники, перебаешники.

Тетка умолкла. Девчонка спала.
Тетки дослушать она не могла.
Обе застыли, и в комнате той
Явно, что кто-то еще был другой.

К ПЕРУНУ

Бог ветров и бурных гроз,
Бог славян, Перун,
Ты мне дал волну волос,
Золотистых струн.

Струн курчавых, не прямых,
Светлых завитков,
Золотистый дал мне стих,
Много дал стихов.

Бог пожаров между туч,
Грезы огневой,
Ты велел мне: «Будь певуч,
В жизни — будь живой».

Влил ты молнии в мой стих
И сказал мне: «Жги».
Бог пожаров грозовых,
Предо мной — враги.

Бог зиждительных дождей,
Влаги и огня,
В ярком пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мне, дай мне взрывов злых
Для журчанья струн,
Местью сделай ты мой стих
За моих, Перун!

СТИХОТВОРЕНИЯ

1906

ПОЭТ — РАБОЧЕМУ

Я поэт, и был поэт,
И поэтом я умру.
Но видал я с детских лет
В окнах фабрик поздний свет,—
Он в уме оставил след,
Этот след я не сотру.

Также я слыхал гудок —
В полдень, в полночь, поутру,

Хорошо я знаю срок,
Как велик такой урок,
Я гудок забыть не мог,
Вот — я звук его беру.

Почему теперь пою?
Почему ты раньше пел?
Пел и раньше песнь мою,
Я литейщик — формы лью,
Я кузнец — я стих кую,
Пел, что молод я и смел.

Был я занят сам собой,
Что ж — я это не таю.
Час прошел. Вот — час другой.
Предо мною вал морской,
О рабочий, я с тобой,
Бурю я твою — пою.

К РАБОЧЕМУ

Рабочий, странно мне с тобою говорить:
По виду — я другой. О, верь мне, лишь по виду.
В фабричном грохоте свою ты крутишь нить,
Я в нить свою, мой брат, вкручу твою обиду.

Оторван, как и ты, от тишины полей,
Которая душе казалася могильной,
Я в шумном городе, среди чужих людей,
Не раз изнемогал в работе непосильной.

Я был как бы чумой в своей родной семье,
Меж торгашами слов я был чужой бесспорно.
По морю вольному я плыл в своей ладье —
И море ширилось безбрежно, кругозорно.

Мне думать радостно, что прадеды мои
Блуждали по морям на Севере туманном.
В моей душе всегда поют, журчат ручьи,
Растут, чтоб в море впасть в стремленье
необманном.

В болотных низостях ликующих мещан
Тоскует вольный дух, безумствует, мятется.
Но тот отмеченный, кто помнит — океан,
Освобожденья ждет — и бури он дождется.

Она скорей пришла, чем я бы думать мог,
Ты встал — и грянул гром, все вышли
из преддверья.
На перекрестке всех скрестившихся дорог
Лишь к одному тебе я чувствую доверье.

Я знаю, что в тебе стальная воля есть,—
Недаром ты стоишь близ пламени и стали.
Ты в судьбах родины сумел слова прочесть,
Которых мудрые, читая, не видали.

Я знаю, можешь ты соткать красиво ткань,
Раз что задумаешь — так выполнишь, что надо.
Ты мирных пробудил, ты трупу молвил: «Встань»,—
Труп — жив, идут борцы, встает, растет громада.

Кругами мощными растет водоворот,
Напрасны лепеты, напрасны вопли страха,—
Теперь уж он в себя все, что кругом, вберет,
Осуществит себя всей силою размаха.

НАЧИСТОТУ

Кто не верит в победу сознательных смелых
рабочих,
Тот играет в бесчестно-двойную игру.
Он чужое берет, — на чужое довольно охочих,—
Он свободу берет, обагренную кровью рабочих,—
Что ж, бери, всем она, но скажи: «Я чужое беру».

Да, свобода — для всех, навсегда, и, однако ж,
вот эта свобода,
И, однако ж, вот эта минута — не комнатных душ,
Не болтливых, трусливых, а смелых из бездны
народа,
Эта воля ухвачена с бою, и эта свобода —
Не застольная речь краснобая, не жалкий
извилистый уж.

Это кровь, говорю я, посмевших и вставших
рабочих,
И теперь — кто не с нами, тот шулер продажный
и трус.
Этих мирных, облыжно-культурных, мишурных и
прочих
Я зову: «Старый сор!» И во имя восставших
рабочих
Вас сметут! В этом вам я, как голос прилива,
клянусь!

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

«Земля и воля» — крик народа,
«Земля и воля» — клич крестьян.
«Всё — заново, и всем — свобода»,—
Рабочий крикнул сквозь туман.

«Всё — заново, и всем — свобода»,—
Как будто вторит океан.

Мне чудится, что бурным ходом
Идет приливная волна.
Конец — тюремным низким сводам,
В тюрьме разрушена стена.
Судьба России всем народом
Теперь должна быть решена.

Крепчает, воет непогода,
Но ум рабочего — маяк.
В Земле и Воле — жизнь народа,
Опять душить не сможет мрак.
Всё — заново, и всем — свобода.
Да будет так! Да будет так!

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!

Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.

Тебя желают обмануть
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь — на грудь,—
То — зов сторожевого.

Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты!
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, рабочий!

СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА И ЛУНЫ

Песня миров

1917

Слово песни — капля меда,
Что пролился через край
Переполненного сердца.

Испанская песня

ЧЕРТОГ

Из пламеней и лепестков червонных,
Из быстрых искр от скока конских ног,
Их тех боев, где бьется рог о рог,
Из рева бурь и гласа гудов звонных,—

Из фимиамов сине-благовонных,
Из слов, которых вымолвить не мог,
Я принял весть и выстроил чертог
Из тайновестей этих раскаленных.

В чертоге, где прядет моя мечта,
Сплетаются несчетные покои.
В намек скрестилась в нем с чертой черта.

Огнями созревает темнота.
В углах сосуды, где в густом настое
Хмелеет сказка и цветет алоэ.

ПОЭТ

Решает миг, но предрешает час,
Три дня, неделя, месяцы и годы.
Художник в миге — взрыв в жерле природы,
Просветный взор вовнутрь господних глаз.

Поэты. Братья. Увенчали нас
Не люди. Мы древней людей. Мы своды
Иных планет. Мы Духа переходы.
И грань — секунда, там, где наш алмаз.

Но если я поэт, да не забуду,
Что в творчестве подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретено.

Чтоб вырваться возможно было чуду.
Чтоб дух цветка на версты лился всюду.
Чтоб в душу стих глядел и пал на дно.

КОТЛОВИНА

Пожар — мгновенье первое земли,
Пожар — ее последнее мгновенье.
Два кратера, в безумстве столкновенья,
Несясь в пустотах, новый мир зажгли.

В туманной и пылающей пыли
Размерных вихрей началось вращенье.
И волей притяженья-отторженья
Поплыли огневые корабли.

В безмерной яме жгучих средоточий
Главенствующих сил ядро легло,
И алым цветом солнце расцвело.

Планеты — дальше, с сменой дня и ночи.
Но будет час. Насмотрятся все очи.
И все планеты рушатся в жерло.

ЗВЕЗДНЫЕ ЗНАКИ

Творить из мглы, расцветов и лучей,
Включить в оправу стройную сонета
Две капельки росы, три брызга света
И помысел, что вот еще ничей.

Узнать в цветах огонь родных очей,
В журчанье птиц расслышать звук привета,
И так прожить весну, и грезить лето,
И в стужу целоваться горячей.

Не это ли веселая наука,
Которой полный круг, в расцвете лет,
Пройти повинен мыслящий поэт?

И вновь следить в духовных безднах звука,
Не вспыхнул ли еще не бывший след
От лёта сказок, духов и комет.

ЧТО СО МНОЙ

Что сделалось со мной? Я весь пою.
Свиваю мысли в тонкий строй сонета.
Ласкаю зорким взором то и это,
Всю вечность принимаю как мою.

Из черных глыб я белое кую.
И повесть чувства в сталь и свет одета.
Во всем я ощущаю только лето,
Ветров пьянящих теплую струю.

О, что со мной? Я счастлив непонятно.
Ведь боль я знаю так же, как и все.
Хожу босой по стеклам. И в росе

Ищу душой того, что невозвратно.
Я знаю. Это — солнце ароматно
Во мне поет. Я весь в его красе.

УМЕЙ ТВОРИТЬ

Умей творить из самых малых крох.
Иначе для чего же ты кудесник?
Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

В лугах расцвел кустом чертополох,
Он жесток, но в лиловом он — прелестник.
Один толкачик — знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камня и в обрывках тканей.
Умей хотеть — и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

СОНЕТЫ СОЛНЦА

Сонеты солнца, меда и луны.
В пылании томительных июлей
Бросали пчелы рано утром улей,
Заслыша дух цветущей крутизны.

Был гул в горах. От солнца ход струны.
И каменный баран упал с косулей,
Сраженные одной и той же пулей.
И кровью их расцвечивал я сны.

От плоти плоть питал я, не жалея
Зверей, которым смерть дала рука.
Тот мед, что пчелы собрали с цветка,—

Я взял. И вся пчелиная затея
Сказала мне, чтоб жил я не робея,
Что жизнь смела, безбрежна и сладка.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Любить — живых учила красногрудка.
Вся серая была она в раю.
Сидела на утесе, на краю.
А мир кругом был смех, и всклик, и шутка.

И думала крылатая малютка:
«О чем они? О чем и я пою?
Любить не нужно все. А лишь мою».
И в этот миг у ней зарделась грудка.

И птичка полетела по кустам.
Тогда впервые заалели розы,
Гвоздики, маки, целый алый храм.

И кровь любовью брызнула к сердцам.
И молния, узор небесной грезы,
Велела быть грозе и лить дождям.

ШЕСТВИЕ КАБАРГИ

Влюбленная проходит кабарга,
Средь диких коз колдунья аромата.
Вослед нее пахучая утрата,
Под ней душисты горные луга.

Пьянящий мускус. Смыты берега
Бесстрастия. Любовь здесь будет плата.
И любятся с рассвета до заката.
Но прежде — бой. В любви сразить врага.

Самец самцу противоставит бивни.
Алеют у сильнейшего клыки.
Сперва гроза. Лишь за грозою ливни.

Ждет самка. В мире бродят огоньки.
В одном любовном запахе и рае
Сибирь, Китай, Тибет и Гималаи.

ПЕЩЕРНИК

В пещере начертал он на стене
Быков, коней. И чаровали гривы.
Он был охотник смелый и счастливый.
Плясали тени сказок при огне.

Жена, смеясь, склонялася к жене.
Их было семь. Семьею говорливой,
Порою дружной, а порой бранчливой,
Все были только с ним в любовном сне.

Сидел поодаль он. И дух мечтанья
Его увел в безвестную страну.
Он был так бледен. И любил одну.

В том крае были сказочные зданья.
Он был в них царь. И вдруг в его сознанье
Мечта вонзила звонкую струну.

МЛАДШИЙ

Ватага наохотилась и ела.
Хрустели кости лошадей и коз
Вокруг костров. Там дальше был откос.
И он сидел у самого предела.

Он с краю был. Меньшой. Такое дело,
Как бить зверей, в нем не будило грез.
Он съел кусок добычи. Кость поднес.
Там дырка. Глянул. Дунул. Кость запела.

Обрадован, он повторял тот звук.
Журчащий свист. Он был похож на птицу.
Кругом смеялись. Но уж он цевницу

Почувствовал. Движенье ловких рук.
Отверстья умножали голос мук.
Всклик счастья. Он зажег свою зарницу.

НАУКА

Я ласково учусь зеленой тишине,
Смотря, как царственны, сто лет проживши, ели.
Они хранят свой цвет, приемля все метели,
И жалобы в них нет, и жалоб нет во мне.

Я голубой учусь у неба вышине,
У ветра в камышах учился я свирели.
От облаков узнал, как много снов в кудели,
Как вольно, сны создав, их в бурном сжечь огне.

Я красному учусь у пламенного мака,
Я золото беру у солнечных лучей,
Хрустальности мечты учил меня ручей.

И если мышь мелькнет, и в ней ищу я знака.
Зима скует порыв и сблизит берега,
И белый мне псалом споют без слов снега.

ЖУЖЖАНЬЕ МУХ

Жужжанье мух. О светлое стекло
Упрямое их тонкое биенье.
И странная прозрачность разделенья.
Все это вместе мысль мою влекло,—

В те дни, когда в полуверсте село
Являлось чем-то в дымке отдаленья,
Где буду вновь я только в воскресенье,
Когда звучат колокола светло.

С тех пор уж скоро минет полстолетья.
Но мне дано быть долго молодым.
Я в пламени. Меня не тронет дым.

Еще желаю целый мир пропеть я.
И не с людьми я в это лихолетье.
Я звезд, и птиц, и мошек — побратим.

ЛУЧШИЙ СТИХ

Прекрасно-тяжки золотые слитки,
Природою заброшенные к нам.
Прекрасен вихрь, бегущий по струнам,
Ручьистость звуков, льющихся в избытке.

Прекрасна мудрость в пожелтелом свитке,
Сверканья тайн, огонь по письменам.
Прекрасней — жизнь отдать бегущим снам
И расцветать с весной, как маргаритки.

Из всех, мечте дарованных, цветов,
Быть может, этот цветик самый скромный,
Такой простой, невинный, неизломный.

В нем не отыщешь орхидейных снов,
Ни тех, что ирис даст изящно-томный.
Но лучший стих — где очень мало слов.

ХУДОЖНИК

К сосцам могучей матери-земли,
Протянутым всем подлинным и сущим,
Припав, как сын, ты жадно пьешь сосущим
Лобзанием и мед и миндали.

И ландыши, что пьяно расцвели,
Как свечечки по многотенным кущам,
И яркий день, что жжет огнем нелгущим,
И громкий смех, и тихий звон вдали.

Ни раною, ни мыслью не отравлен,
В размерности ты все вбираешь в сон
Своих зрачков. Ты как бы сын племен,—

Которым первый миг земли был явлен.
Весь цельный луч в тебе сейчас прославлен,
Хоть радугой еще не преломлен.

ДАЛЕКОЕ

Когда весь мир как будто за горой,
Где все мечта и все недостоверно,
Подводный я любил роман Жюль Верна,
И Немо-капитан был мой герой.

Когда пред фортепьяно, за игрой,
Он тосковал, хоть несколько манерно,
Я в океане с ним качался мерно —
И помню, слезы хлынули струей.

Потом я страстно полюбил Майн Рида,
Но был ручной отвергнут Вальтер Скотт.
Прошли года. Быть может, только год?

Мне грезится Египет, Атлантида.
Далекое. И мой сиамский кот
«Плыви в Сиам!», мурлыча, мне поет.

СИЛА БРЕТАНИ

В таинственной, как лунный свет, Бретани,
В узорной и упрямой старине,
Упорствующей в этом скудном дне,
И только в давних днях берущей дани

Обычаев, уборов и преданий,
Есть до сих пор друиды, в тишине,
От солнца отделенной, там — на дне,
В Атлантике, в загадке, в океане.

В те ночи, как колдует здесь луна,
С Утеса Чаек видно глубь залива.
В воде — дубравы, храмы, глыбы срыва.

Проходят привиденья, духи сна.
Вся древность словно в зеркале видна,
Пока ее не смоет мощь прилива.

СИБИРЬ

Страна, где мчит теченье Енисей,
Где на горах червонного Алтая
Белеют орхидеи, расцветая,
И вольный дух вбираешь грудью всей.

Там есть кабан. Медведь. Стада лосей.
За кабаргой струится мускус, тая.
И льется к солнцу песня молодая.
И есть поля. Чем хочешь, тем засей.

Там на утес, где чары все не наши,
Не из низин, взошел я в мир такой,
Что не был смят ничьей еще ногой.

Во влагу, что в природной древней чаше
Мерцала, не смотрел никто другой.
Я заглянул. Тот миг всех мигов краше.

ПЛЯСКА КОЛДУНА

Один, ничьи не ощущая взоры,
В ложбине горной, вкруг огня кружась,
Он в пляске шел, волшебный Папуас,
Изображая танцем чьи-то споры.

Он вел с огнем дрожавшим разговоры.
Курчавый, темный, с блеском черных глаз,
Сплетал руками длительный рассказ,
Ловил себя, качал свои уборы.

Хвост райской птицы в пышности волос
Взметался как султан незримой битвы.
Опять кружась, он длил свои ловитвы.

Я видел все, припавши за утес.
И колдовские возмогли молитвы —
Как жезл любви, огонь до туч возрос.

ВОСПОМИНАНИЕ

Голубоватое кольцо, все кольца дыма
Моих египетских душистых папирос,
Как очертанья сна, как таяние грез,
Создавши легкое, уйдут неисследимо.

Я мыслью далеко. Я в самом сердце Рима.
Там об Антонии поставлен вновь вопрос.
И разрешен сполна. Как остриями кос
Обрезан стебель трав, и жизнь невозвратима.

Я знаю, римлянин не должен был любить,
Так пламенно любить, как любят только птицы,
Очарования египетской царицы.

Но Парки нам плетут, и нам обрежут, нить.
Я ведал в жизни все. Вся жизнь лишь блеск
зарницы.
Я счастлив в гибели. Я мог, любя, любить.

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ

Звучало море в грани берегов.
Когда все вещи мира были юны,
Слагались многопевные буруны,
В них был и гуд струны, и рев рогов.

Был музыкою лес и каждый ров.
Цвели цветы, огромные, как луны,
Когда в сознанье прозвучали струны.
Но звон иной был первым в ладе снов.

Повеял ветер в тростники напевно,
Чрез их отверстья ожили луга.
Так первая свирель была царевна

Ветров и воли, смывшей берега.
Еще, чтоб месть и меч запели гневно,
Я сделал флейты из костей врага.

ЛЮБИ

«Люби!» — поют шуршащие березы,
Когда на них сережки расцвели.
«Люби!» — поет сирень в цветной пыли.
«Люби! Люби!» — поют, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг — вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.

Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.

ОН

Он проточил и пробуравил горы.
Разрезал исполинский материк,
И корабельный караван возник
Там, где лесные ширились просторы.

Он звезды разместил в ряды и хоры.
Он мысль свою, как мчащийся двойник,
Пошлет в пространство искрой, искра — крик,
Чрез океан ведет переговоры.

Задачи нет, которую бы он
Не разрешил повторностью усилья.
Он захотел — и он имеет крылья.

До Марса досягнуть — надменный сон.
И сбудется. Но в безднах изобилья
Он должен гнаться до конца времен.

ОНА ПОКОИТСЯ

Она покоится. Две белых чаши — груди.
Два неба голубых — закрытые глаза.
Ее ли в том вина, что в высях бирюза
То дремлет в тишине, то в грозном рдеет гуде.

Через нее в борьбе с богами равны люди.
И станет сказкою, свой миг прожив, гроза,
Бессмертным жемчугом — минутная слеза.
И дикая резня — в напевном будет чуде.

Она покоится. До нежного бедра
Точеная рука чуть льнет в изгибе стройном.
Ей суждено пребыть видением спокойным,—

В веках оправданной, вне зла и вне добра.
Она покоится меж звезд, где дышит мера,
И в несмолкающих гекзаметрах Гомера.

ОНА

Когда пред нею старцы, стражи лона,
Склонились друг до друга, говоря:
«Смотрите, розоперстая заря!» —
Она возникла в мире вне закона.

Как сладкий звук, превыше вихрей стона,
Как царская добыча для царя,
Как песнь весны, как пламя алтаря,
Как лунный серп в опале небосклона.

Как миг любви, что сам себе закон,
Как звон оков законченного плена,
Как в ливне быстрых радуг перемена.

Как в сне веков единый верный сон,
Дочь лебедя, волны вскипевшей пена,
Грань торжества, звезда средь жен, Елена.

КАМЕЯ

Она из тех, к кому идут камеи,
Медлительность, старинная эмаль,
Окошко в сад, жасмин, луна, печаль,
Нить жемчугов вкруг лебединой шеи.

Ей даровали царство чародеи,
В нем близь всегда причудлива, как даль.
И времени разрушить сказку жаль.
Тот сад минуют снежные завеи.

Я подошел к полночному окну.
Она сидела молча у постели.
Газелий взор любил свою весну.

И липы ворожили старину.
Роняли полог бархатные ели.
Ей было жаль идти одной ко сну.

СТОЛЕПЕСТКОВАЯ

Безукоризненный в изяществе наряд.
Все одноцветное, в рассветно-сером, платье.
Зеленоватость в нем всесветна без изъятья.
У пояса костер приковывает взгляд.

Столепестковая таит душистый яд.
Меняет ясность чувств. Внушает мысль объятья.
О, если б мог тебя всю, всю в себя вобрать я.
Но губы алые безгласно не велят.

И пепельных волос волна, упав на плечи,
Змеино поднялась к тяжелой голове.
Уму не верится, что кос здесь только две.

Светясь, вокруг нее поют немые речи.
Вся говорит она. И вот не говорит.
Лишь в перстне явственно играет хризолит.

БОЙ

Вся сильная и нежная Севилья
Собралась в круг, в рядах, как на собор.
Лучей, и лиц, и лент цветистый хор.
И голубей над цирком снежны крылья.

Тяжелой двери сдвиг. Швырок усилья.
Засов отдвинут. Дик ослепший взор.
Тяжелый бык скакнул во весь опор
И замер. Мощный образ изобилья.

В лосненье крутоемные бока.
Втянули ноздри воздух. Изумленье
Сковало силу в самый миг движенья.

Глаза — шары, где в черном нет зрачка.
Тогда, чтоб рушить тяжкого в боренье,
Я поднял алый пламень лоскутка.

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЕН

Заклятый дух на отмели времен,
Средь маленьких, среди непрозорливых,
На уводящих задержался срывах,
От страшных ведьм приявши гордый сон.

Гламисский тан, могучий вождь племен,
Кавдорский тан — в змеиных переливах
Своей мечты — лишился снов счастливых
И дьявольским был сглазом ослеплен.

Но потому, что мир тебе был тесен,
Ты сгромоздил такую груду тел,
Что о тебе Эвонский лебедь[1] спел

Звучнейшую из лебединых песен.
Он, кто сердец изведал глубь и цвет,
Тебя в веках нам передал, Макбет.

---

[1] Имеется в виду Шекспир, который был родом из Страсбурга-на-Эвоне.

ШАЛАЯ

О шалая! Ты белыми клубами
Несешь и мечешь вздутые снега.
Льешь океан, где скрыты берега,
И вьешься, пляшешь, помыкаешь нами.

Смеешься диким свистом над конями,
Велишь им всюду чувствовать врага.
И страшны им оглобли и дуга,
Они храпят дрожащими ноздрями.

Ты сеешь снег воронкою, как пыль.
Мороз крепчает. Сжался лед упруго.
Как будто холод расцветил ковыль.

И цвет его взлюбил верченье круга.
Дорожный посох — сломанный костыль,
Коль забавляться пожелает — вьюга!

УСПОКОЕННАЯ

Ненарушимые положены покровы.
Не знать. Не чувствовать. Не видеть. Не жалеть.
Дворец ли вкруг меня, убогая ли клеть,
Безгласной все равно. Я в таинстве основы.

Поднять уснувшую ничьи не властны ковы.
Чтоб веки сжать плотней и больше не смотреть —
На нежные глаза мне положили медь.
И образок на грудь. В нем светы бирюзовы.

Еще последнее — все сущности земли
Доносит, изменив — обратных токов мленье,
Звук переходит в свет. Как дым доходит пенье.

Снежинки падают. Растаяли вдали
Лазурные слова над тайною успенья.
Снега. Завеи снов. Последний луч. Забвенье.

КОЛЬЦА

Ты спишь в земле, любимый мой отец,
Ты спишь, моя родная, непробудно.
И как без вас мне часто в жизни трудно,
Хоть много знаю близких мне сердец.

Я в мире вами. Через вас певец.
Мне ваша правда светит изумрудно.
Однажды духом слившись обоюдно,
Вы уронили звонкий дождь колец.

Они горят. В них золото — оправа.
Они поют. И из страны в страну
Иду, вещая солнце и весну.

Но для чего без вас мне эта слава?
Я у реки. Когда же переправа?
И я с любовью кольца вам верну.

ПАНТЕРА

Она пестра, стройна и горяча.
Насытится — и на три дня дремота.
Проснется — и предчувствует. Охота
Ее зовет. Она встает, рыча.

Идет, лениво длинный хвост влача.
А мех ее — пятнистый. Позолота
Мерцает в нем. И говорил мне кто-то,
Что взор ее — волшебная свеча.

Дух от нее идет весьма приятный.
Ее воспел средь острых гор грузин[1],
Всех любящих призывный муэззин,—

Чей стих — алоэ густо-ароматный.
Как барс, ее он понял лишь один,
Горя зарей кроваво-беззакатной.

БЛЕСК БОЛИ

«Дай сердце мне твое неразделенным»,—
Сказала Тариэлю Нэстан-Джар.
И столько было в ней глубоких чар,
Что только ею он пребыл зажженным.

Лишь ей он был растерзанным, взметенным,
Лишь к Нэстан-Дарэджан был весь пожар.
Лишь молния стремит такой удар,
Что ей нельзя не быть испепеленным.

О Нэстан-Джар! О Нэстан-Дарэджан!
Любовь твоя была как вихрь безумий.
Твой милый был в огне, в жерле, в самуме.

Но высшей боли — блеск сильнейший дан.
Ее пропел, как никогда не пели,
Пронзенным сердцем Шота Руставели.

[1] Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре».

ДВА ЦВЕТА

Прекрасен рот, как роза, припадая
К другому рту. Прекрасен дар богов.
Румяность крови в рденье лепестков,
Страсть смотрит в вечность,
в сердце расцветая.

Из капли счастья — океан без края,
Огонь залил все грани берегов.
Но есть костры, чей огнь белей снегов,
Где дух поет, в отъятости сгорая.

Красив в веках тот звонкий сазандар,
Что сплел ковер из облачной кудели,
Струна любви, пронзенный Руставели.

Красив расцвет лилейно-белых чар,
Снежистый лотос в водной колыбели.
Луна — вдали, как далека — Тамар.

НЕРАЗДЕЛЕННОСТЬ

Приходит миг раздумья. Истомленный,
Вникаешь в полнозвучные слова
Канцон медвяных, где едва-едва
Вздыхает голос плоти уязвленной.

Виттория Колонна и влюбленный
В нее Буонарроти. Эти два
Сияния, чья огненность жива
Через столетья, в дали отдаленной.

Любить неразделенно, лишь мечтой.
Любить без поцелуя и объятья.
В благословенье чувствовать заклятье.

Творец сибилл, конечно, был святой.
И как бы мог сполна его понять я?
Звезда в мирах постигнута — звездой.

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО

Всклик «Кто как бог!» есть имя Михаила.
И ангелом здесь звался. Меж людей
Он был запечатленностью страстей.
В попранье их его острилась сила.

В деснице божьей тяжкое кадило,
Гнетущий воздух ладанных огней
Излил душой он сжатою своей.
Она, светясь, себя не осветила.

Стремясь с земли и от земного прочь,
В суровости он изменил предметы,
И женщины его — с другой планеты.

Он возлюбил молчание и ночь.
И, лунно погасив дневные шумы,
Сибилл и вещих бросил он в самумы.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости — лукавая змея.
Во всех его созданьях есть струя —
Дух белладонны, ладана и нарда.

В нем зодчий снов любил певучесть барда,
И маг — о каждой тайне бытия
Шептал, ее качая: «Ты моя».
Не тщетно он зовется Леонардо.

Крылатый был он человеколев.
Еще немного — и, глазами рыси
Полеты птиц небесных подсмотрев,

Он должен был парить и ведать выси.
Среди людских, текущих к Бездне рек
Им предугадан был сверхчеловек.

МАРЛО

С блестящей мыслью вышел в путь он рано,
Учуяв сочетание примет.
Преобразил в зарю седой рассвет
Повторной чарой зоркого шамана.

Величием в нем сердце было пьяно.
Он прочитал влияние планет
В судьбе людей. И пламенный поэт
Безбрежный путь увидел Тамерлана.

В нем бывший Фауст более велик,
Чем позднее его изображенье.
Борец, что в самом миге низверженья

Хранит в ночи огнем зажженный лик.
И смерть его — пустынно-страстный крик
В безумный век безмерного хотенья.

ШЕКСПИР

Средь инструментов всех волшебней лира:
В пьянящий звон схватив текучий дым,
В столетьях мы мгновенье закрепим
И зеркало даем в стихе для мира.

И лучший час в живом веселье пира,
Когда поет певец, мечтой гоним, —
И есть такой, что вот мы вечно с ним,
Пленяясь звучным именем Шекспира.

Нагромоздив создания свои,
Как глыбы построений исполина,
Он взнес гнездо, которое орлино,

И показал все тайники змеи.
Гигант, чей дух — плавучая картина,
Ты — наш, чрез то, что здесь мы все — твои.

КАЛЬДЕРОН

La Vida es Sueño. Жизнь есть сон.
Нет истины иной такой объемной.
От грезы к грезе в сказке полутемной.
Он понял мир, глубокий Кальдерон.

Когда любил, он жарко был влюблен.
В стране, где пламень жизни не заемный,
Он весь был жгучий, солнечный и громный.
Он полюбил пред смертью долгий звон.

Царевич Сэхисмундо. Рассужденье
Земли и Неба, Сына и Отца.
И свет и тень господнего лица.

Да, жизнь есть сон. И сон — все сновиденья.
Но тот достоин высшего венца,
Кто и во сне не хочет заблужденья.

ЭДГАР ПО

В его глазах фиалкового цвета
Дремал в земном небесно-зоркий дух.
И так его был чуток острый слух,
Что слышал он передвиженья света.

Чу. Ночь идет. Мы только видим это.
Он — слышал. И шуршанья норн-старух.
И вздох цветка, что на луне потух.
Он ведал все, он — меж людей комета.

И вдруг безвестный полюбил того,
В ком знанье лада было в хаос влито,
Кто возводил земное в божество.

На смертный холм того, чья боль забыта,
Он положил, любя и чтя его,
Как верный знак, кусок метеорита.

ШЕЛЛИ

Из облачка, из воздуха, из грезы,
Из лепестков, лучей и волн морских
Он мог соткать такой дремотный стих,
Что до сих пор там дышит дух мимозы.

И в жизненные был он вброшен грозы,
Но этот вихрь промчался и затих.
А крылья духов, — да, он свеял их
В стихи с огнем столепестковой розы.

Но чаще он не алый — голубой,
Опаловый, зеленый, густо-синий,—
Пастух цветов, с изогнутой трубой.

Красивый дух, он шел — земной пустыней,
Но — к морю, зная сон, который дан
Вступившим в безграничный Океан.

ЛЕРМОНТОВ

1

Опальный ангел, с небом разлученный,
Узывный демон, разлюбивший ад,
Ветров и бурь бездомных странный брат,
Душой внимавший песне звезд всезвонной,

На празднике — как призрак похоронный,
В затишье дней — тревожащий набат,
Нет, не случайно он среди громад
Кавказских — миг узнал смертельно-сонный.

Где мог он так красиво умереть,
Как не в горах, где небо в час заката —
Расплавленное золото и медь.

Где ключ, пробившись, должен звонко петь,
Но также должен в плаче пасть со ската,
Чтоб гневно в узкой пропасти греметь.

2

Внимательны ли мы к великим славам,
В которых из миров нездешних свет?
Кольцов, Некрасов, Тютчев, звонкий Фет
За Пушкиным явились величавым.

Но раньше их, в сиянии кровавом,
В горенье зорь, в сверканье лучших лет,
Людьми был загнан пламенный поэт,
Не захотевший медлить в мире ржавом.

Внимательны ли мы хотя теперь,
Когда с тех пор прошло почти столетье,
И радость или горе должен петь я?

А если мы открыли к свету дверь,
Да будет дух наш солнечен и целен,
Чтоб не был мертвый вновь и вновь застрелен.

3

Он был один, когда душой алкал,
Как пенный конь в разбеге диких гонок.
Он был один, когда, полуребенок,
Он в Байроне своей тоски искал.

В разливе нив и в перстне серых скал,
В игре ручья, чей плеск блестящ и звонок,
В мечте цветочных ласковых коронок
Он видел мед, который отвергал.

Он был один, как смутная комета,
Что головней с пожарища летит,
Вне правила расчисленных орбит.

Нездешнего звала к себе примета
Нездешняя. И сжег свое он лето.
Однажды ли он в смерти был убит?

4

Мы убиваем гения стократно,
Когда, рукой его убивши раз,
Вновь затеваем скучный наш рассказ,
Что нам мечта чужда и непонятна.

Есть в мире розы. Дышат ароматно.
Цветут везде. Желают светлых глаз.
Но заняты собой мы каждый час,—
Миг встречи душ уходит безвозвратно.

За то, что он, кто был и горд и смел,
Блуждая сам над сумрачною бездной,
Нам в детстве в душу ангела напел,—

Свершим сейчас же сто прекрасных дел:
Он нам блеснет улыбкой многозвездной,
Не покидая вышний свой предел.

ДАР ЗЕМЛЕ

1921

ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ

Погаснет солнце в зримой вышине,
И звезд не будет в воздухе незримом,
Весь мир густым затянут будет дымом,
Все громы смолкнут в вечной тишине, —

На черной и невидимой луне
Внутри возникнет зной костром палимым,
И по тропам, вовек неисследимым,
Вся жизнь уйдет к безвестной стороне, —

Внезапно в пыль все обратятся травы,
И соловьи разучатся любить,
Как звук, растают войны и забавы, —

Вздохнув, исчезнет в мире дух лукавый,
И будет равным быть или не быть —
Скорей, чем я смогу тебя забыть.

ОЛЕНЬ

Полнеба взято северным сияньем,
Горящей ризой неба над землей.
Даль Севера полна молочной мглой,
Застыло море круглым очертаньем.

Нет счета снежно-льдяным созиданьям.
Скала звенит. И ветер над скалой
Из снега строит небу аналой,
Поет псалмы и тешится рыданьем.

От облака бежит проворно тень.
Мечтая о приснившемся обеде,
Лежат как груды белые медведи.

Не мрак. Не свет. Не час. Не ночь. Не день.
На вышнем небе ковш из желтой меди.
И смотрит в высь, подняв рога, олень.

ЗАВЕТ

Человек рожден из сгустка крови красной,
Четко возвестил нам вещий Магомет.
В этом знак признай для доли полновластной,
Возлюби в мечтах рубинно-алый цвет.

В колыбель твою уронено от бога
Две пригоршни снов и алых лепестков:

Разбросай одну, пусть вся цветет дорога,
А другую спрячь за рифмами стихов.

И когда в пути красивую ты встретишь,
И когда в пути, вздохнув, устанешь ты, —
Пламенем костра свою любовь отметишь,
Женщину стихом оденешь ты в цветы.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Я слушал дождь. Он перепевом звучным
Стучал во тьме о крышу и балкон,
И был всю ночь он духом неотлучным
С моей душой, не уходившей в сон.

Я вспоминал. Младенческие годы.
Деревня, где родился я и рос.
Мой старый сад. Речонки малой воды.
В огнях цветов береговой откос.

Я вспоминал. То первое свиданье.
Березовая роща. Ночь. Июнь.
Она пришла. Но страсть была страданье.
И страсть ушла, как отлетевший лунь.

Я вспоминал. Мой праздник сердца новый.
Еще, еще — улыбки губ и глаз.
С светловолосой, с нежной, с чернобровой
Волна любви и звездный пересказ.

Я вспоминал невозвратимость счастья,
К которому дороги больше нет.
А дождь стучал — и в музыке ненастья
Слагал на крыше мерный менуэт.

ЧЕРКЕШЕНКЕ

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей,
Что склоняет ветви к влаге, словно слыша звон
созвучий.

Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который,
Весь смолистый, в легкой зыби к небесам уводит
взоры.

Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой лилией, что стебель клонит вправо,
клонит влево.

Я тебя сравнить хотел бы с той индусской баядерой,
Что сейчас-сейчас запляшет, чувства меря
звездной мерой.

Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений
тленна,
Ибо слишком очевидно: ты средь женщин
несравненна.

МИНУТА

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.

Хороша эта дикая вольная воля;
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих — на мгновенье, не боле, —
Та минута любви, что продлится века.

НИНИКА

Ты нашла кусочек янтаря,
Он тебе дороже был червонца,
И вскричала, радостью горя:
«Я нашла, смотри, кусочек солнца!»

Затаив желание свое,
Ты вбежала в море прочь от няни
И вскричала: «Море все мое!»
И была как птица в океане.

Ты схватила красный карандаш
И проворно на клочке бумаги
Начертила огненный мираж
Солнечной молниеносной саги.

Ты взросла, как тополь молодой,
От смолистых капель благовонный,
И пошел, — как путник за звездой, —
За тобой — путем судьбы — влюбленный.

Я не знаю, в чем твой час теперь,
Между нами — реки, горы, степи,
Но везде в тюрьме ты сломишь дверь
И, играя, разорвешь ты цепи.

КАТЕРИНА [1]

За то, что ты всегда меня любила,
За то, что я тебя всегда любил,
Твой лик мечте невыразимо мил,
Ты власть души и огненная сила.

[1] Обращено к жене поэта Е. А. Андреевой-Бальмонт (1867—1950).

Над жизнью реешь ты ширококрыло,
Тебе напев и ладан всех кадил,
И тем твой дух меня освободил,
Что ты, любовь ревнуя, ревность скрыла.

Пронзенный, пред тобой склоняюсь в прах.
Лобзаю долго милые колени.
На образе единственном ни тени.

Расцветы дышат в розовых кустах,
Движенью чувства нет ограничений.
Я храм тебе построю на холмах.

ПРИМИРЕНЬЕ

От тебя труднейшую обиду
Принял я, родимая страна,
И о том пропел я панихиду,
Чем всегда в душе была весна.

Слово этой пытки повторю ли?
Боль была. Я боль в себе храню.
Но в набатном бешенстве и гуле
Все, не дрогнув, отдал я огню.

Слава жизни. Есть прорывы злого,
Долгие страницы слепоты.
Но нельзя отречься от родного,
Светишь мне, Россия, только ты.

МАРЕВО

1922

ПРОЩАНИЕ С ДРЕВОМ

Я любил вознесенное сказками древо,
На котором звенели всегда соловьи,
А под древом раскинулось море посева,
И шумели колосья, и пели ручьи.

Я любил переклички, от ветки до ветки,
Легкокрылых, цветистых, играющих птиц.
Были древние горы ему однолетки,
И ровесницы степи, и пряжа зарниц.

Я любил в этом древе тот говор вершинный,
Что вещает пришествие близкой грозы,
И шуршанье листвы перекатно-лавинной,
И паденье заоблачной первой слезы.

Я любил в этом древе с ресницами Вия,
Между мхами, старинного лешего взор,
Это древо в веках называлось Россия,
И на ствол его — острый наточен топор.

7 сентября 1917
Москва

В СИНЕМ ХРАМЕ

И снова осень с чарой листьев ржавых,
Румяных, алых, желтых, золотых,
Немая синь озер, их вод густых,
Проворный свист и взлет синиц в дубравах.

Верблюжьи груды облак величавых,
Увядшая лазурь небес литых,
Весь кругоем, размерность черт крутых,
Взнесенный свод, ночами в звездных славах.

Кто грезой изумрудно-голубой
Упился в летний час, тоскует ночью.
Все прошлое встает пред ним воочью.

В потоке Млечном тихий бьет прибой.
И стыну я, припавши к средоточью,
Чрез мглу разлук, любимая, с тобой.

1 октября 1920
Париж

УЗНИК

В соседнем доме
Такой же узник,
Как я, утративший
Родимый край,
Крылатый в клетке,
Сердитый, громкий,
Весь изумрудный,
Попугай.

Он был далеко,
В просторном царстве
Лесов тропических,
Среди лиан,
Любил, качался,
Летал, резвился,
Зеленый житель
Зеленых стран.

Он бы уловлен,
Свершил дорогу —
От мест сияющих
К чужой стране.
В Париже дымном
Свой клюв острит он
В железной клетке
На окне.

И о себе ли,
И обо мне ли
Он в размышлении, —
Зеленый знак.

Но только резко
От дома к дому
Доходит возглас:
«Дурак! Дурак!»

9 октября

ЗВУК

Тончайший звук, откуда ты со мной?
Ты создан птицей? Женщиной? Струной?
Быть может, солнцем? Или тишиной?

От сердца ли до сердца свеян луч?
Поэт ли спал, и был тот сон певуч?
Иль нежный с нежной заперся на ключ?

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

Быть может, за преградою морей
Промчался ветер вдоль родных полей
И прошептал: «Вернись. Приди скорей».

Быть может, там, в родимой стороне,
Желанная томится обо мне,
И я пою в ее душе на дне?

И тот берущий кажущийся звук
Ручается, как призрак милых рук,
Что верен я за мглою всех разлук.

9 октября

ТОЛЬКО

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэззин,
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира,

Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин, —
Ни все места, где пела счастью лира, —

Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук — услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, —

Мне не поют заветные слова, —
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

15 октября

ПО ВСХОДАМ

Я не верю в черное начало,
Пусть праматерь нашей жизни ночь,
Только солнцу сердце отвечало
И всегда бежит от тени прочь.

Я не верю. Нет закона веры.
Если верю, знает вся душа,
Что бессильны всякие примеры
И что жизнь в основе хороша.

И сегодня будет час заката,
И сегодня ночь меня скует,
Но красивы волны аромата,
И цветок в ночи готовит мед.

Если камень вижу я случайно,
И его окраска холодна,
Знаю я, что волшебствует тайна,
Лишь ударь, и искра в нем красна.

Если скажут: солнцу быть не вечно,
Есть конец и солнечной игры,
Я взгляну, полнеба светит млечно,
Там миры баюкают миры.

Нам даны ступени темных лестниц,
Чтоб всходить к горнилу всех лучей,
Все минуты мчатся с ликом вестниц,
В новом всходе будешь петь звончей.

Снова будем в ласковом тумане,
В радости узнать начальный час,
И нашепчет голос старой няни
Вечно-торжествующий рассказ.

16 октября

ЧАСЫ

I

Мне говорила мать моя,
Что в том едином первочасье
Не закричал, родившись, я,
А был в таинственном безгласье.

Мой первый час — не первый крик,
А первый долгий миг молчанья,
Как будто слушал я родник,
Напев нездешнего звучанья.

И мать сказала: «Он умрет».
Она заплакала невольно.
Но жив, живет певучим тот,
Кто тайну слушал безглагольно.

2

В саду многоцветном, в смиренной деревне,
Я рос без особых затей.
Не видел я снов о волшебной царевне,
И чужд был я играм детей.
Я помню, любил я под солнцем палящим
Один приютиться в саду.
Один по лесным пробирался я чащам,
Один я смотрел на звезду.
За ласточкой быстрой, воробушком, славкой
Следил я, прищурив глаза.
Был каждой утешен зеленою травкой,
И близкой была стрекоза.
И счастье большое — смотреть у забора,
Как ящериц серых семья
Купается в солнце, не видя дозора,
Любил и не трогал их я.
И радость большая — увидеть, как утки
Ныряют в пруду пред грозой.
Услышать, что вот в грозовом первопутке
Громовый разносится вой.
Под первые брызги дождя золотого
Подставить так жадно лицо.
Искать под березой неверного крова,
Хоть вон оно, близко крыльцо.
Часы голубые в лазоревой шири
Скопили минуты гурьбой.
Им молнии — стрелки, и тучи им — гири,
И гром был им — радостный бой.

3

Лежать в траве, когда цветет гвоздика
И липкая качается дрема.

Смотреть, как в небе сумрачно и дико
Растут из шаткой дымки терема.

Узнать, что в юном сердце есть хотенье,
Истома, быстрой крови бьется жгут.
Она. Она. С ней праздник, полный рденья,
Безумный танец бешеных минут.

Жестокость золотого циферблата.
О солнце! Заходи. Придет она.
Весь разум взят, все сердце жаждой взято.
Секунды бьются в пропасти без дна.

Они поют, и в каждой — боль пронзенья.
Хочу. Люблю. Где солнце? Ночь уж тут.
Луна горит. В ней правда вознесенья.
Я сжат кольцом томительных минут.

Он острый, край серебряного круга.
И мгла кругом. В цвету небесный куст.
Я царь всего от севера до юга.
Огонь в огонь. Уста до алых уст.

4

Тик-так. Тик-так. Часов карманных
Проверен лепет близ постели.
Красива сказка снов желанных,
Красив и вой слепой метели.

Не так, не так правдивы струи,
И все цветные ткани жизни,
И все немые поцелуи,
Как всплеск рыдания на тризне.

Тик-так. Тик-так. Храни ребенка,
Который в сердце помнит детство.
Но хаос жив и кличет звонко,
Что вечно темное наследство.

Не так, не так тебя ласкало
Твое мечтанье и желанье,
Как жалит, в полночь жизни, жало.
Тик-так. Тик-так. Люби изгнанье.

5

Полночь бьет. Один я в целом мире.
Некому тоску мою жалеть.
Все грозней, протяжнее и шире
Бой часов, решающая медь.

Безвозвратно кончен день вчерашний.
Воплотился в яви жуткий сон.
С вечевой высокой грозной башни
Бьет набат, в пожаре небосклон.

Полночь ли, набат ли, я не знаю.
Прозвучал двенадцатый удар.
Бьют часы. И я к родному краю
Рвусь, но не порвать враждебных чар.

Кровь моя — секунда в этом бое.
Кровь моя, пролейся в свет зари.
Мать моя, открой лицо родное.
Мать моя, молю, заговори.

29 декабря

ПРОСВЕТЫ

Блеснув мгновенным серебром,
В реке плотица в миг опаски
Сплетет серебряные сказки.

Телега грянет за холмом,
Домчится песня, улетая,
И в сердце радость молодая.

И грусть. И отчий манит дом.
В душе растает много снега,
Ручьем заплачет в сердце нега.

И луч пройдет душевным дном,
И будешь грезить об одном,
О несравненном, о родном.

30 декабря

СНЫ

Закрыв глаза, я вижу сон,
Там все не так, там все другое,
Иным исполнен небосклон,
Иное, глубже дно морское.

Я прохожу по тем местам,
Где никогда я не бываю,
Но сонно помню — был уж там,
Иду по туче прямо к краю.

Рожденье молний вижу я,
Преображенье молний в звуки,
И вновь любимая моя
Ко мне протягивает руки.

Я понимаю, почему
В ее глазах такая мука,
Мне видно, только одному,
Что значит самый всклик — разлука.

В желанном платье, что на ней,
В одной, едва заметной, складке
Вся тайна мира, сказка дней,
Невыразимые загадки.

Я в ярком свете подхожу,
Сейчас исчезнет вся забота.
Но бесконечную межу
Передо мной раскинул кто-то.

Желанной нет. Безбрежность нив.
Лишь василек один, мерцая,
Поет чрез золотой разлив
Там, где была моя родная.

31 декабря

НАБАТ

Лишенный родины, меж призраков бездушных,
Не понимающих, что мерный мудрый стих
Всемирный благовест средь сумраков густых,
Один любуюсь я на звенья строк послушных.

Они журчащий ключ во днях пустынно-душных.
В них сговор солнц и лун для праздников святых,
Веселый хоровод из всплесков золотых,
В них грозный колокол для духов двоедушных.

От звуковой волны порвется злая сеть.
Качнувшись, побегут в пространство привиденья.
Все дальше, дальше, прочь от грозового рденья.

А бронза гулкая и стонущая медь,
Возникши в воздухе глаголом осужденья,
Продлят свой долгий гуд, веля судьбе — греметь.
12 августа

КТО?

Кто качнет завесу гробовую,
Подойдя, раскроет мне глаза?
Я не умер. Нет. Я жив. Тоскую.
Слушаю, как носится гроза.

Закрутилась, дикая, пожаром,
Завертелась огненным дождем.
Кто велит порваться темным чарам?
Кто мне скажет: «Встань. Проснись. Пойдем»?

И, поняв, что выгорела злоба,
Вновь я буду миру не чужой.
И, дивясь, привстану я из гроба,
Чтоб идти родимою межой.
26 августа

ПОЕДИНОК

Долго я лежу на льду зеркальном,
Меряю терпением своим,
Что сильнее в сне многострадальном,
Мой ли жар иль холод-нелюдим.

Льдяный холод ночи предполярной,
Острый ветер, бьющий снежной мглой.
Но, как душный дух избы угарной,
Я упрям и весь в мечте былой.

Думаю на льду о том горенье,
Что зажгло меня в веках костром,
Выявилось в страсти, в звонком пенье,
Сделало напев мой серебром.

Велика пустыня ледяная,
Никого со мною в зорком сне.
Только там, средь звезд, одна, родная,
Говорит со мною в вышине.

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит
И велит мне: «Сердце сбереги».

И, внимая тайным алым пляскам,
Что во мне свершаются внутри,
К синим льдам, как в царстве топей вязком,
Пригвожден, хоть стыну, жду зари.

Ходит ветер. Холит вьюгу, лютый.
Льды хрустят. Но вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты
И звезде слагаю мерный стих.

10 сентября

В ПРЕИСПОДНЕЙ

Сорвавшись в горную ложбину,
Лежу на каменистом дне.
Молчу. Гляжу на небо. Стыну.
И синий выем виден мне.

Я сознаю, что невозможно
Опять взойти на высоту,
И без надежд, но бестревожно,
Я нити грез в узор плету.

Пока в моем разбитом теле
Размерно кровь свершает ток,
Я буду думать, пусть без цели,
Я буду звук — каких-то строк.

О, дайте мне топор чудесный —
Я в камне вырублю ступень
И по стене скалы отвесной
Взойду туда, где светит день.

О, бросьте с горного мне края
Веревку длинную сюда,
И, к камню телом припадая,
Взнесусь я к выси без труда.

О, дайте мне хоть знак оттуда,
Где есть улыбки и цветы,
Я в преисподней жажду чуда,
Я верю в благость высоты.

Но кто поймет? И кто услышит?
Я в темной пропасти забыт.
Там где-то конь мой тяжко дышит,
Там где-то звонок стук копыт.

Но это враг мой, враг веселый,
Несется на моем коне.
И мед ему готовят пчелы,
И хлеб ему в моем зерне.

А я, как сдавленный тисками,
Прикован к каменному дну
И с перебитыми руками
В оцепенении тону.

12 сентября

МОЕ—ЕЙ

Россия

Стихи 1923

ОНА

В мгновенной прорези зарниц,
В крыле перелетевшей птицы,
В чуть слышном шелесте страницы,
В немом лице, склоненном ниц,

В глазке лазурном незабудки,
В веселом всклике ямщика,
Когда качель саней легка
На свеже-белом первопутке,

В мерцанье восковой свечи,
Зажженной трепетной рукою,
В простых словах «Христос с тобою»,
Струящих кроткие лучи,

В глухой ночи, в зеленоватом
Рассвете, истончившем мрак,
И в петухах, понявших знак,
Чтоб перепеться перекатом,

В лесах, где папоротник, взвив
Свой веер, манит к тайне клада, —
Она одна, другой не надо,
Лишь ей, жар-птицей, дух мой жив.

И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное: Россия.

МОЕ — ЕЙ

Приветствую тебя, старинный крепкий стих,
Не мною созданный, но мною расцвеченный,
Весь переплавленный огнем души влюбленной,
Обрызганный росой и пеной волн морских.

Ты в россыпи цветов горишь, внезапно тих,
Мгновенно мчишься вдаль метелью разъяренной,
И снова всходишь в высь размерною колонной,
Полдневный обелиск, псалом сердец людских.

Ты полон прихотей лесного аромата,
Весенних щебетов и сговора зарниц.
Мной пересозданный, ты весь из крыльев птиц.

И рифма, завязь грез, в тебе рукой не смята.
От Фета к Пушкину сверкни путем возврата
И брызни в даль времен дорогой огневиц.

РОССИЯ

Есть слово — и оно едино.
Россия. Этот звук — свирель.
В нем воркованье голубино.
Я чую поле, в сердце хмель,
Позвавший птиц к весне апрель.
На иве распустились почки,
Береза слабые листочки
Раскрыла — больше снег не враг.
Трава взошла на каждой кочке,
Заизумрудился овраг.
Тоска ли в сердце медлит злая?
Гони. Свой дух утихомирь.
Вновь с нами ласточка живая,
Заморского отвергшись края,
В родимую влюбилась ширь.
И сердце, ничего не зная,
Вновь знает нежно, как она,
Что луговая и лесная
Зовет к раскрытости весна.
От солнца — ласка властелина,
Весь мир — одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина,
О чем томлюсь? Чего хочу?

Всегда родимого взыскую,
Люблю разбег родных полей,
Вхожу в прогалину лесную —
Нет в мире ничего милей.
Ручьи, луга, болота, склоны,
В кустах для зайца уголок.
В пастушью дудку вдунул звоны,
Качнув подснежник, ветерок.
Весенним дождиком омочен,
Весенним солнцем разогрет,
Мой край, в покров весны одет,
Нерукотворно беспорочен.
Другого в мире счастья нет.

ВСЮ ЖИЗНЬ

Всю жизнь служил я богу сил,
Проплыл моря и океаны,
Окрасил солнцем звон кадил,
Молитв расчислил караваны.

Под серполикою луной,
В бессмертных жатвах соприсущей,
Я обручился с тишиной,
Всегда безмолвием поющей.

Я предпочел средь всяких стран
Одну — где все мы кровью верим.
Весна в ней — яркий сарафан,
А осень — многоцветный терем.

В ней лето — пламенный пожар,
Душа в ней — песня, даль разбега.
В ней разгадал я тайну чар,
Внимая белой сказке снега.

Поняв, что лучше не найти,
Чем мне дарованная богом,
Примкнул я пыльные пути
К речным серебряным дорогам.

Прошел я древние леса,
Псалмы расслышал в птичьем гаме,
Пропел, как дышит полоса
Земли, где кашка с васильками.

Часами медля близ межи,
Не сыть и белозернь пшеницы,
А чернохлебный колос ржи
Я полюбил в игре зарницы.

Пустил пастись табун коней
В луга, где свежая прохлада,
По всей округе светлых дней
Берег разбродливое стадо.

Я ничего не потерял
Из воспринятого наследства
И ныне возношу фиал
За правду юности и детства.

Всю жизнь я славлю бога сил,
Отца, и мать, и край родимый,
И я костер не погасил,
Чей к небу огнь и к небу дымы.

ПОЛДЕНЬ

Высокий полдень. Небо голубое.
Лик ястреба, застывшего вверху.
Вода ручья в журчащем перебое,
Как бисер, нижет звонкий стих к стиху.

Среди листвы умолк малейший шепот.
Мир — солнечный, а будто неживой.
Лишь издали я слышу спешный топот,
Куда-то мчится вестник верховой.

Откуда весть? Из памяти давнишней?
Быть может, час — обратный начал ток?
Я сплю. Я мертв. Я в этой жизни лишний.
В гробу сплетаю четки мерных строк.

Но если я навек живыми, ныне,
На дальней грани жизни позабыт,
Ко мне стремится тень былой святыни,
И ближе-ближе звонкий стук копыт.

Я СЛЫШУ

Я слышу гуд тяжелого шмеля,
Медлительный полет пчелы, несущей
Добычу, приготовленную пущей,
И веет ветер, травы шевеля.

Я вижу урожайные поля,
Чем дальше глянь, тем всходы видишь гуще.
Идет прохожий, взор его нелгущий,
Благой, как плодородная земля.

Я чую, надо мною реют крылья.
Как хорошо в родимой стороне!
Но вдруг душа срывается в бессилье.

Я слышу, вижу, чувствую — во сне.
И только брызг соленых изобилье
Чужое море мчит и плещет мне.

СЕНТЯБРЬ

За утром преждевременно студеным
Июльский полдень в полдень сентября.
В лесах цветет древесная заря
Рубиново-топазным перезвоном.

Чу! Гончие бегут лесистым склоном,
Разливным лаем зайцу говоря,
Что косвенным прыжком метаться зря,
Что смерть прошла над тайником зеленым

Обрызган охрой редкий изумруд.
Шафранные ковры затрепетали,
И лисьим мехом выкрасились дали.

Излом всех линий в сети веток крут.
«Туда! Туда! Ото всего, что тут!» —
Отчаливая, птицы прокричали.

ПЕРВОЗИМЬЕ

Свертелся заяц в поле чистом,
Беляк, на белом белый жгут,
Мигает хвостиком пушистым,
Сигает там, мелькает тут.

Он сказку заячью следами
На первом снеге начертил —
И шорк обмерзлыми кустами,
И прыг в свой терем что есть сил.

Кричали гуси на деревне:
«Окован пруд. Не плавать нам».
И крякал селезень напевней:
«Тепло в закутке. Там, там, там».

Свой голос не сгустив до лая,
Дворняжка тявкает на снег,
В нем зыбко лапы окуная,
Игривый зачинает бег.

На елке галка скоком шалым
Стряхнула с ветки бахрому
И глазом сине-полинялым
Глядит, что у людей в дому.

Горят все печи и печурки,
До неба всходит белый дым.
И бегом вещей сивки-бурки
Несусь я к далям голубым.

Тоски и мысли сверглась ноша,
Душа открыта и чиста.
Безгрешна первая пороша,
Как подвенечная фата.

МЕДВЯНАЯ ТИШЬ

Медвяная тишь от луны округлой и
желтоогромной
В сосновом лесу разлилась, дремотный
безмолвствует бор.
И только по самым верхам скользит ветерок
неуемный,
И между высоких вершин чуть слышный идет
разговор.

Далёко родимая Мать от Волги глядит до Урала,
От Белой волны на Закат, глядит чрез Алтай на
Восток.
Атлантика мне говорит, что ждать остается мне
мало,
К Родимой моей припаду, чуть только означится
срок.

ГОРЯЧИЙ ПОБРАТИМ

Я редко слышу тонкий стук копыт,
Конь осужден людьми на увяданье,
И, чтец времен, поэт и следопыт,

Я говорю: вам будет воздаянье
За осужденье таинства веков,
Из всех созданий — лучшего созданья.

О, дни безмерных конских косяков!
Простор степей, покрытых табунами.
О, час руды! Кование подков.

Когда мой дух глубинно схвачен снами,
Я вижу то, что было искони,
Я прохожу седыми временами.

Горят в пещерах дымные огни.
Впервые найден пламень человеком,
И пляшет мысль, дремавшая в тени.

Он будет ковачом и дровосеком,
Строителем крылатых кораблей,
Он поплывет к безвестному по рекам.

Река ведет к безбрежию морей.
Морская синь уводит в океаны.
Бежишь с горы, — чем дальше, тем скорей.

Из искры — весь цветной ковер Светланы.
Вся музыка — из пения огня.
В нем жизнь и завоеванные страны.

Но кто бежит, металлом ног звеня?
Кто смерил все открытые просторы?
Везде в реках увидишь лик коня.

Леса, луга, пустыни, степи, горы,
Охоты, битвы, все, чего хотим,
Где воля человека ткет узоры, —

Где замысел судьбы неисследим,
Везде твой бег и звонкий голос ржанья,
Горячий конь, наш вещий побратим.

Но не в одних играниях стяжанья
Испытан он, дарованный судьбой.
Услышь колосья. Вникни в их шуршанья.

Постой на ниве ночью голубой,
Когда перекликаются зарницы
Сказаньями из света над тобой.

Священна рожь. Светло зерно пшеницы.
Как сказка, взвихрен колос ячменя.
Слова одной божественной страницы.

Но в звон зерна чей звук взошел, звеня?
В нем за сто верст умчавшееся ржанье,
И храп, и вздох, и хруст, и ступь коня.

Взгляни на звезды. Сосчитай дрожанья
Всех желтых, всех зеленых, голубых,
Тех свеч тысячелетних обожанья.

Составь им лист и знай: не больше их,
Чем тайных несосчитанных внушений,
Чьей власти я слагаю ныне стих.

Наш мир внутри — дорога отражений.
Мы обручальным скованы кольцом
С звериным царством светлых наваждений.

О человек, ты с царским был венцом,
Когда умел, в сознанье вещей связи,
До конской шеи припадать лицом.

Кто был Кентавром в двойственном рассказе?
Не человек ли, скованный с конем?
Где ночь черней, чем в грозном конском глазе?

К кому в беде мы в дикой скачке льнем?
С кем в юность делим бурные восторги?
Топча змею, разившую огнем,

Не на коне ли был святой Георгий?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Слава доброму мышленью,
Слава доброму реченью,
Слава доброму деянью,
Вечность — ярким трем огням.
Кто к благой склонился мысли,
Он склонен к благому слову,
Он идет к благому делу,
Слава верным трем путям.
Мысль — зерно, а слово — стебель,
Дело — колос пышной жатвы,
В триединстве — завершенье,
Трижды слава трем лучам.
Троекратной скрепой света
Опоясан к битвам жизни,
Вопрошатель Заратустра
Стал о смерти размышлять.
Вопросил свое он сердце,
Но молчало грустно сердце,
Вопросил Агурамазду:
«Смерть возможно ль победить?»
Свет миров, создатель жизни,
Лунноликий, солнцеокий,
Отвечал Агурамазда,
К Заратустре говоря:
«Ночь — лишь краткий отдых солнца,

Ночь поит росой расцветы,
Воскресеньем человеков
Смерть вовек побеждена».
И упавши Заратустра
Пред лицом Агурамазды,
Ноги звездные целуя,
Сомневаясь, вопросил:
«Тело было, стало прахом,
Ветер пыль давно развеял.
Как возможно воскресенье
Праха спутанных путей?»
В гром и молнию одевшись,
Балдахин взнеся из радуг,
Отвечал Агурамазда,
К Заратустре говоря:
«В час, когда я строил небо,
Без стропил и без подпорок,
Лишь из сущности рубина
Изводя широкий свет, —
В час, когда моею волей,
Восприемница зачатий,
Прародительница жизней,
Встала круглая Земля, —
В час, когда зерно возникло,
Как продольный крепкий жемчуг,
Чтоб, рассыпанное в прахе,
Многократно стать живым, —
В час, когда в деревьях, в травах,
Силой духа волевого,
Сокровенно заиграли
Чары тайного огня, —
В час, когда из поцелуя
Там, во чреве материнском,
Стали в первый раз слагаться

Руки, ноги и глаза, —
В этих всех победах жизни
Над пустотами безличья,
В этих всех изводах ликов
Из глубин небытия
Было больше трудной тайны,
Чем в восторге воскресенья, —
В настоящем и в прошедшем
Есть грядущее всегда.
Не из прошлого ковал я
Настоящее мгновений,
Не из бывшего я вынул
Синь эмали верховой, —
Изумруды всех былинок
И рубины всех расцветов
Из небывшего исторг я
Волей творческой мечты.
Так настолько же мне легче,
Взяв металл отяжелевший,
Дунуть в горн и в плясках красных
Жидкость ковкую ваять.
Подниму тяжелый молот,
Опущу гремучий молот,
Пламя любит быть веселым,
Жизнь живет, и смерти нет.
Только помни три завета,
Мысль, и слово, и деянье,
Возрожденье — в недрах воли,
Воскресенье — не обман».
И, восставши, Заратустра
Услыхал, что гром уходит,
Увидал на небе синем
Семицветную дугу, —
Увидал под склоном горным

Нивы, пастбища и дом свой,
Услыхал в древесной чаще
Звонкий голос соловья.

ЗОЛОТОЙ ОБРУЧ

1

Красивы блески царственного злата,
Добытого в горах и руслах рек.
В нем силу солнца понял человек,
В нем страсть, любовь, и бой, и гуд набата.

Чтоб клад достать, утроба тьмы разъята,
Оплот гранита жаждущий рассек.
Подземный Вий, из-под тяжелых век,
Признал и в краткодневном смелом — брата.

Не говори о золоте слегка.
Колдуют долго солнечные чары
По руслам рек и там, где срывны яры.

Власть перстня обручального крепка.
Всесильны желто-алые пожары.
Изыскан огнь осеннего листка.

2

Изыскан огнь осеннего листка,
Когда, лиясь, внедряются рубины
В белесоватый страх в листве осины
И кровь сквозит в листве березняка.

В персидских шалях липы. Нет цветка
Краснее ягод вызревших калины.
В них бусы вспева пламенной былины.
По ржавым листьям пляска уголька.

Лесная глушь — расплесканное море.
От искры искра, зыбь и цепь огней,
Многорасцветный праздник головней.

Душа ликует в красочном просторе.
Что в дали той, что вовсе далека?
До моря путь — чрез три страны река.

3

До моря путь — чрез три страны река.
Поток весны — через пороги лета,
И осень, пред зимой, в огонь одета.
В тройном запястье тайна глубока.

Бездонный ров. Над ним лежит доска.
Пройди туда, где явь иного света,
Не торопя оправданность обета,
И, выпив радость, знай: нужна тоска.

К нам, в наших днях, должна прийти утрата.
У сердца с правдой мира договор.
Нам осенью поет о нем узор —

Кровавого разорванного плата.
И, эхом к нам идя сквозь гулкий бор,
Волнует зов минувшего «Когда-то».

4

Волнует зов минувшего «Когда-то»,
Кричит «Ау!» пустынею лесной,
И помним мы, как хорошо весной,
Как вся она открыта и богата.

Мы ценим утро только в час заката.
Мы красочною тешимся волной,
Настурций увидав цветочный зной,
Когда осенней грустью сердце сжато.

И благо. Радость в боль обрамлена.
Какие бы мы были, не тоскуя?
Мы недостойны были б поцелуя.

Привет тебе — в час осени — весна.
Как камень, в воду брошенный со ската,
Люблю в весне разливы аромата.

5

Люблю в весне разливы аромата,
Веселая, она не хочет тьмы,
Секирой льдяной сшибла рог с зимы,
Поет, хоть от сугробов даль горбата.

И рухнула — из льда и снега хата,
Просыпан снег последний из сумы,
Ручьи бегут на праздник кутерьмы,
И рой сорок стрекочет воровато.

От всей земли, из каждого куска,
Дыханье разогретой жадной хоти.
Путь к радости — на каждом повороте.

С Егорья доходи до семика.
В русальных торжествах святыня плоти.
Весна, как степь, светла и широка.

6

Весна, как степь, светла и широка.
Всегда, веснуя, дух наш весь веселье.
Весна — от солнца данное нам зелье.
Весна равняет с богом червяка.

Ко взору взор, к руке идет рука.
В веснянке — хмель, в весеннике —
похмелье.
Кто полюбил, тот принял ожерелье,
Где жемчуг — солнцелунные века.

О, стебель мая с завязью июня,
С июльской чашей мака! Жаркий сказ.
Весна и лето, как люблю я вас.

Но мил мне также лёт бесшумный луня.
Весна, как вспышка вещих снов, ярка.
Прекрасней осень. Смерть душе близка.

7

Прекрасней осень. Смерть душе близка.
Хотя б царем, безоблачно, беспечно,
Жить на земле я не хотел бы вечно.
На всем, что здесь, я вижу знак: «Пока».

Всегда ли мне смотреть из уголка?
Когда вверху, мостообразно, млечно,
Звездится Путь, он манит бесконечно
Туда, откуда наша глубь мелка.

Есть бег, есть взлет к иной лучистой цели,
Светлей того, что здесь светлей всего.
И тщетно ль наши свечи здесь горели?

Есть лучшее, и я найду его.
В часах, чья власть когтиста и рогата,
Что лиц милей, ушедших без возврата?

8

Что лиц милей, ушедших без возврата?
Мы были вместе. Память их жива.
Я помню каждый взгляд и все слова.
Они слышней громового раската.

Как запахом — раздавленная мята
Сильней, чем вся окрестная трава,
Так слышен некий голос божества
В том, что любил, в твоем, что смертью
смято.

Насмешкой был бы мир, все было б зря,
Когда бы жизнь сменялась пустотою.
Не на песке мою часовню строю, —

О правде воскресенья говоря.
И год, скруглившись, слушает со мною,
Как звонок светлый воздух сентября.

9

Как звонок светлый воздух сентября.
Благословеньем синего амвона
Какая тишь нисходит с небосклона,
В сознанье светят свечи алтаря.

Творец любил, творение творя.
Земля — неисчерпаемое лоно.
В селе, вдали, поплыли волны звона,
В душе поют бездонные моря.

Шуршанье листьев — музыка живая.
Спадает лист зажженный за листом,
Вещанье тихим шелестом свевая:

Разрушен дом, — в три дня восстанет дом.
И тонкий, как укол тончайшей спицы,
Хрустален свист мелькающей синицы.

10

Хрустален свист мелькающей синицы.
Он говорит, что, если мир лучист,
Он скоро будет хрупок, бел и льдист.
Ловите миг цветущей огневицы.

По зову этой милой птицы,
На ветке каждый яхонтовый лист,
Впивая луч, трепещет, пламенист.
И падают цветные вереницы.

Отдохновенье — мудрость бытия.
Но жизнь жива под мертвыми листами,
И пахнет крепким запахом, груздями.

Растет их головастая семья.
Богатство до весенней нам денницы.
В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.

11

В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.
В сарае столько сена, посмотри,
Что до весенней хватит нам зари,
Когда у ней раскроются ресницы.

Не покладали рук жнецы и жницы,
Точили косу звонко косари.
Земля богата. Хочешь, так бери.
И мед есть в ней, и воск есть для божницы.

И оттого, что там трудились мы,
Что сосчитали труд наш закромами,
Приятно нам пришествие зимы.

Нас тешит журавлиный крик над нами.
Желанен, как земная нам заря,
Весь лес, — в рубинах, в меде янтаря.

12

Весь лес, — в рубинах, в меде янтаря,
В расцветностях, которых не измерим, —
Нам выстроил, пред смертью года, терем,
Всю пышность в час прощания даря.

Не льстись своей клюкой поводыря.
Живи лишь вровень с древом, с птицей,
с зверем.
В людское наше мы чрезмерно верим,
Напрасно мир и смысл его коря.

Тяжелый жернов знает путь вращенья,
Он должен свой умол перемолоть.
И в куколке, до мига воплощенья,

Всю зиму мотылек лелеет плоть.
Не сетуй же, что белою зарницей
Уж скоро глянет иней бледнолицый.

13

Уж скоро глянет иней бледнолицый.
Из мглы болот всползет седой туман.
Стремясь от нас к теплу далеких стран,
Чу, журавли подвижною станицей.

Взревет метель забытой львами львицей.
Застынет облак белых караван.
Весь мир, как Ледовитый океан,
Раскинется безмерною гробницей.

Но в час, как с вихрем бьется снег в окно,
Как хорошо в тиши нагретой, дома,
Припоминать все бывшее давно.

Крутить мечту дорогой кругоема.
И ярки звезды в ночи декабря.
Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.

14

Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.
Не утаил себя, как раб лукавый, —
Лелея луч внутри светящей славы,
Постиг, что спор с творцом пустая пря.

Какое счастье — расточать, беря
Из житницы, где звери, птицы, травы,
И в миг свой — боль, и в час свой — все забавы.
В деснице быть Верховного Царя.

Лишь сам себе ты облик супостата,
Когда своею краткой волей в бой
Вступить ты хочешь с Волей мировой.

Твоя хоругвь до солнца в высь подъята,
Когда ты явишь цвет цветка собой,
В красивых блесках царственного злата.

15

Красивы блески царственного злата,
Изыскан огнь осеннего листка.
До моря путь — чрез три страны река.
Волнует зов минувшего «Когда-то».

Люблю в весне разливы аромата,
Весна, как степь, светла и широка.
Прекрасней осень. Смерть душе близка.
Что лиц милей, ушедших без возврата?

Как звонок светлый воздух сентября.
Хрустален свист мелькающей синицы.
В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.

Весь лес — в рубинах, в меде янтаря.
Уж скоро глянет иней бледнолицый.
Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.

В РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ

Поэма о России

1929

УЙТИ ТУДА

Уйти туда, где бьются струи,
В знакомый брег,
Где знал впервые поцелуи
И первый снег.
Где в первый раз взошел подснежник
На крутоем,
Где, под ногой хрустя, валежник
Пропел стихом.
Где звук жужжанья первой мухи

В конце зимы,
Как луч в дивующемся слухе,
Разъял все тьмы,
Где ярким сном былинной были
Нам громы вдруг
Молниеносно тучу взрыли,
Как черный луг.
Из тучевого луга книзу,
Решив: «Пора!»,
Метнули злата в божью ризу
И серебра.
Уйти — уйти — уйти — в забвенье.
В тот вспев святой,
Уйти туда — хоть на мгновенье,
Хотя мечтой.

ХОЧУ

Хочу густого духа
Сосны, берез и елей.
Хочу, чтоб пели глухо
Взвывания метелей.
Пастух пространств небесных,
О ветер далей русских,
Как здесь устал я в тесных
Чертах запашек узких.
Давно душа устала
Не видеть, как цветками
Дрема владеет ало
Безмерными лугами.
Пойти по косогору,
Рекою многоводной,
Молиться водам, бору,

Земле, ни с чем не сходной.
Узнай все страны в мире,
Измерь пути морские,
Но нет вольней и шире,
Но нет нежней — России.
Все славы — мне погудки.
В них душно мне и вязко.
Родные незабудки —
Единственная сказка.
Ребячьи мне игрушки —
Красоты, что не наши.
Напев родной кукушки —
Вино бездонной чаши.
Уютной, ветхой няни
Поет жужжанье прялки.
Цветут в лесном тумане
Ночные нам фиалки.
От севера до юга,
С востока до заката —
Икона пашни, луга,
Церковность аромата.
Пасхальной ночи верба —
Раскрывшаяся тайна,
Восстанье из ущерба
Для жизни, что бескрайна.
Лишь тот, кто знал морозы
И вьюжное круженье,
Войдет в такие грозы,
Где громы — откровенье.
Лишь нами — нами — нами
Постигнуто в пустыне,
Как петь колоколами
От века и доныне.
Кто жаждет благолепий,

В чьем сердце звучны хоры,
Тому — от бога — степи,
Ему — леса и горы.
Хочу моей долины
И волей сердца знаю,
Что путь мой соколиный —
К Единственному Краю.

НАДПИСЬ НА КОРЕ ПЛАТАНА

Платан, закатный брат чинара,
Что ведал всполох наших дней,
Когда была полнее чара
И кахетинское пьяней.

Ты в Капбретоне знаменито
Простер шатром свою листву.
Но помню дальнего джигита
И мыслью о моем живу.

Мое — кинжал, копье и пушки,
Набег, где пленник мой — Шамиль,
И на Кавказе — юный Пушкин,
Чей каждый возглас — наша быль.

Мое — над Пятигорском тучи
И котловина диких гор,
Певучий Лермонтов над кручей,
Поэта — с небом разговор.

Мое — средь сумрачных ущелий,
Гость солнца в Грузии, я — сам,
Моя любовь, Тамар Канчели,
Чье имя отдаю векам.

Мое — от моря и до моря
Луга, поля, и лес, и степь,
И в перезвоне, в переборе,
Та молвь, где в каждом звуке лепь.

О, русский колокол и вече,
Сквозь бронзу серебра полет!
В пустыне я — лишь всклик предтечи,
Но божий сын к тебе идет.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь гулкий Париж и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.
А там на черте бочагов — незабудки,
И в чаще — давнишний алкаемый клад.

Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в пряном цветенье болотные травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здесь в близком и в точном — расчисленный разум,
Чуть глянут провалы, он шепчет: «Засыпь».
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах зловещая выпь.

Здесь вежливо-холодны к бесу и к богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю тебя, вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом там.

Я РУССКИЙ

Я русский, я русый, я рыжий.
Под солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я русский, я рыжий, я русый.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий рассвет.

ТРИНАДЦАТЬ

Леониду Тульпе

В тайге, где дико все и хмуро,
Я видел раз на утре дней,
Над быстрым зеркалом Амура,
Тринадцать белых лебедей.

О нет, их не тринадцать было,
Их было ровно двадцать шесть.
Когда небесная есть сила,
И зеркало земное есть.

Все первого сопровождая
И соблюдая свой черед,
Свершала дружная их стая
Свой торжествующий полет.

Тринадцать цепью белокрылой
Летело в синей вышине,
Тринадцать белокрылых плыло
На сребровлажной быстрине.

Так два стремленья в крае диком
Умчалось с кликом в даль и ширь,
А солнце в пламени великом
Озолотило всю Сибирь...

Теперь, когда навек окончен
Мой жизненный июльский зной,
Я четко знаю, как утончен
Летящих душ полет двойной.

ОДНОЙ

Чую, сердце так много любило,
Это сердце терзалось так много,
Что и в нем умаляется сила
И не знаю, дойду ли до бога.

Мне одно с полнотой не безвестно,
Что до Черного нет мне дороги,
Мне и в юности было с ним тесно,
И в степях размышлял я о боге.

Гайдамак необузданной мысли,
Я метался по дикому полю.
И в лазури лампады повисли,
В безрассудную глянули долю.

До какой бы ни мчался я грани
И в какое б ни ринулся место,
Мне Звезда засвечалась в тумане,
Весь я помнил, что видит Невеста.

Отшумели, как в сказке, погони,
Больше нет мне вспененного бега.
Где мои распаленные кони?
У какого далекого брега?

По желанным пройду ли я странам?
Под пророческим буду ли древом?
По моим задремавшим курганам
Только ветер летает с напевом,

И вращенье созвездий небесных
Подтверждает с небесного ската,
Что в скитаньях моих повсеместных
Лишь к Одной я желаю возврата.

ОСЕНЬ

Я кликнул в поле. Глухое поле
Перекликалось со мной на воле.
А в выси мчались, своей долиной,
Полет гусиный и журавлиный.

Там кто-то сильный, ударя в бубны,
Раскинул свисты и голос трубный.
И кто-то светлый раздвинул тучи,
Чтоб треугольник принять летучий,

Кричали птицы к своим пустыням,
Прощаясь с летом, серея в синем.
А я остался в осенней доле,
На сжатом, смятом, бесплодном поле.

МАТЬ

Птицебыстрая, как я,
И еще быстрее.
В ней был вспевный звон ручья
И всегда затея.
Чуть ушла в расцветный сад,
С нею я, ребенок,
Вот уж в дом пришла назад,
Целый дом ей звонок.
Утром, чуть в лугах светло,
Мне еще так спится,
А она, вскочив в седло,
На коне умчится.
Бродят светы по заре,
Чада ночи древней.
Топот брызнул на дворе,
Он уж за деревней.
Сонной грезой счастье длю,
Чуть дрожат ресницы.
«Ах, как маму я люблю,
Сад наш — сад жар-птицы!»
Долгий, краткий ли тот срок,
Сны всегда — обновы,
А к крыльцу уж — цок-цок-цок,
Скок и цок подковы.
Вся разметана, свежа,
Все в ней — воскресенье.
Разве только у стрижа
Столько нетерпенья.
«Ты куда же в эту рань,
Мама, уезжала?»
В губы чмок — и мне, как дань,

Ландышей немало.
«Ну, скорее день встречай»,
Я бегу веселый.
Как хорош душистый чай,
На сирени пчелы.
Мать веселия полна,
Шутками прекрасна.
С ней всегда была весна
Для зимы опасна.
Только вздумаешь взгрустнуть, —
У нее лекарство:
Мысль послать в лучистый путь,
В радостное царство.
«Ты чего там приуныл?
Морщить лоб свой рано».
И смеется, смех тот мил,
Плещет фортепьяно.
Знал я в ранних тех мечтах,
Как без слов любовен
Храмовой ручьистый Бах,
Вещий дуб Бетховен,
Как возносит в высоту,
Уводя из плена,
Шуман, нежащий мечту,
Лунный взлет Шопена.
Как пленительно тонуть
В Моцарте и Глюке.
И обнять кого-нибудь
Странно жаждут руки.
Как в родную старину
Мчит певучий Глинка.
С ними к творческому сну
Льну и я, былинка.
Сладко в память заглянуть,

В глубь такой криницы,
Где подводный виден путь
К сказке Царь-Девицы.
Так предвидя, угадать
Сказ о дивном зелье
В жизни может только мать,
Мудрая в веселье.
И поздней, как дни, созрев,
Меньше дали света,
Превращать тоску в напев
Кто учил поэта?
Был иным я утолен,
Знал иные жажды,
Но такой лучистый сон
Снится лишь однажды.

ОТЕЦ

О мой единственный, в лесных возросший чащах
До белой старости, всех дней испив фиал,
Средь проклинающих, среди всегда кричащих,
Ни на кого лишь ты ни разу не кричал.

Воспоминания, как зерна светлых четок,
Перебираю я, сдвигая к кругу круг,
И знаю, что всегда ты божески был кроток,
Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг.

Но, угли шевеля в полупотухших горнах,
Припоминая все, душой, за часом час,
Я вижу, как в глазах в твоих, как полночь, черных,
В молчании пылал огнепалимый сказ.

Ты наложил печать, нет, крепких семь печатей,
На то, что мучило, и ясным был всегда,
Как зыбь листвы ясна в лесу, на срывном скате,
Как ясной зрится нам глубокая вода.

И я горю сейчас тоской неутолимой,
Как брошенный моряк тоской по кораблю,
Что не успел я в днях, единственный, любимый,
Сказать тебе, отец, как я тебя люблю.

Я

В мои глаза вошли поля, моря, леса,
Мои зрачки — огонь, в них солнце задремало.
Люблю Вселенную. Я верю в чудеса.
Они во всем, что ширь и что предельно-мало.

Мы загораемся сквозь сумрак голубой,
Когда, незримые, вступаем в мир зачатий,
И благо, если кто отмечен так судьбой,
Что он в себе самом хранит ее печати.

Какой из дальних звезд залюбовалась мать?
В какое из светил взглянул отец когда-то?
Об этом можем мы лишь мыслить и гадать,
Но в нас мерцает след рассвета и заката.

Есть смысл в речении старинной из примет,
Что в рыжих волосах всегда костер ярится.
Я быстро обогнул пролет горячих лет,
Но седина ко мне не смеет подступиться.

Чуть-чуть лишь по вискам от полносчетных зим
Неясно проступил осенний свежий иней,
Но все еще лесным пожаром я гоним
Куда-то, где найду цветок мечтанья синий.

До головы моей, когда родился я,
Коснулся светлый луч зари июньской, нежной,
Пребудь лобзаемой, господь, рука твоя,
Дозволь мне полностью пройти твой мир
безбрежный.

Ты жаворонка мне явил среди полей,
Окутал ночь мою всей страстью соловьиной,
Дал зиму белую, в ней звоны хрусталей,
Упругий, гулкий лед и лунный луч над льдиной.

Внушив, когда искал я золотых ключей,
Что, красоту любя, свершаешь божье де́ло,
Ты мне велел желать, хотеть все горячей,
Внутри и вне искать, не знать ни в чем
предела.

Я полюбил простор всех царств и многих вод,
От Скандинавии, где я скользнул сквозь шхеры,
Как зерна в океан, за годом бросил год,
Морями южными поил мои размеры.

Звучали песни мне. Я сам их пел везде.
От Семизвездия далеко уплывая
До Южного Креста, молился той звезде,
Что где-то в снах ночей, у самого их края.

Красивая земля дарована земным,
Красиво в неземном отыскивать земное
И видеть, что земной мой сельский белый дом
Восходит к небесам в пространство голубое.

Узорная мечеть, где кличет муэззин,
Багряно-желтые в лучах пески Сахары,
Священный Бенарес — не тот же ли один
Все это сон земли, людского сердца чары?

На южных островах, где вечная весна,
К ребенку наклонясь, с напевом, самоанка —
Не та же ли все мать? Не так же ли она
Божественно ясна, как русская крестьянка?

Но, мир поцеловав и весь его крестом
В четырекратности пройдя, необозримый,
Не как заморский гость вступаю в Отчий Дом,
И нет, не блудный сын, а любяще-любимый.

Когда в младенчестве я шел в дремучий лес,
Я пропадал весь день, до самого заката,
И на опушке ждал, чтоб крайний луч исчез,
Чтоб был вдвойне, втройне желанным миг возврата.

Я меру яблок взял от яблонь всех садов.
Я видел Божий Куст. Я знаю ковы Змия.
Но только за одну я все принять готов, —
Сестра моя и мать! Жена моя! Россия!

СУДЬБА

Судьба мне даровала в детстве
Счастливых ясных десять лет
И долю в солнечном наследстве,
Внушив: «Гори!» — и свет пропет.

Судьба мне повелела, юным,
Влюбляться, мыслить и грустить.
«Звени!» — шепнула, и по струнам
Мечу я звуковую нить.

Судьба, старинной брызнув сагой,
Взманила в тающий предел,
И птицей, ветром и бродягой
Весь мир земной я облетел.

Судьба мне развернула страны,
Но в каждой слышал я: «Спеши!»
С душою миг познав медвяный,
Еще другой ищу души.

Судьба мне показала горы
И в океанах острова.
Но в зорях тают все узоры,
И только жажда зорь жива.

Судьба дала мне, в бурях страсти,
Вскричать, шепнуть, пропеть: «Люблю!»
Но я, на зыби сопричастий,
Брал ветер кормчим к кораблю.

Судьба, сквозь ряд десятилетий,
Огонь струит мне злато-ал.
Но я, узнав, как мудры дети,
Ребенком быть не перестал.

Судьба дает мне ведать пытки,
На бездорожье нищету.
Но в песне — золотые слитки,
И мой подсолнечник — в цвету.

ЛЕТУЧИЙ ДОЖДЬ

Летучий дождь раздробными струями
Ударил вкось по крыше и стенам,
— Довольна ли ты прошлыми годами,
И что́ ты видишь сердцем — в синем Там?

Горит свеча. Пустынный дом, тоскуя,
Весь замкнут в лике — Больше Никогда.
— Ах, в полночь об одном лишь вспомяну я,
Что мало целовал тебя тогда!

В ЗВЕЗДНОЙ СКАЗКЕ

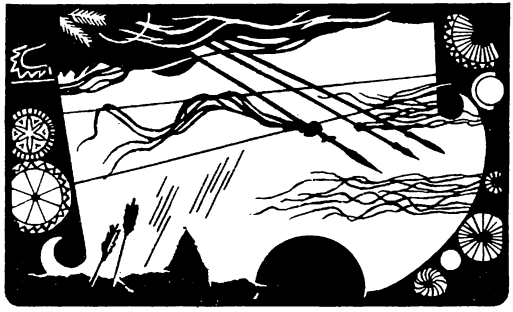
Я видел ибиса в моем прозренье Нила,
Фламинго розовых и сокола, что вьет
Диск солнца крыльями, остановив полет,
Являясь в реянье как солнечная сила.

Тропическая ночь цикадами гласила,
Что в древней Мексике сама земля поет.
Пчела индийская мне собирала мед,
И были мне цветы как пышные кадила.

В Океании, в ночь, взносился Южный Крест.
И птица-флейта мне напела в сердце ласку.
Я видел много стран. Я знаю много мест.

Но пусть пленителен богатый мир окрест.
Люблю я звездную России снежной сказку
И лес, где лик берез — венчальный лик невест.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ



Стихи о Литве и Руси

1931

ЛЕСНОЙ ЦАРЕВНЕ — ЛИТВЕ

I

В зачарованном сне ты, Лесная Царевна,
Ты пред вещею прялкой сидела века,
И пчелою жужжала та прялка напевно, —
Оттого твоя песня, как ночь, глубока.
Перебрызнуты в песню твою вечерница,
И денница, и месяц, и солнце, и гром,
Над тобой от младенчества ткала зарница, —
Оттого так лучисто в мечтанье твоем.

Ты на мощной основе тяжелого сруба,
Как дитя, на высокую башню взошла,
Пели пращуры, слушая шелесты дуба, —
Не от них ли в душе твоей мудрая мгла.
Из густой, из запутанной, мглистой кудели
Ты огнистые выпряла ткани векам,
И шумели, колдуя, столетние ели,
Всю зеленую тайну свевая к зрачкам.
О, зеницы, где дремлет священная тайна,
Негасимый огонь через тысячи лет.
Я, Царевна, тебя полюбил не случайно,
Ты поёшь — через лес, глубже голоса — нет.
Что нежнее лесной первомайской опушки?
Что сильней, чем огонь, что колдует, горя?
Что вещательней долгого клича кукушки?
Слез Морского Царя — златослез янтаря?
Голос древней Литвы, струнно-звонкая дайна,
Ты — густой, и тягучий, и сладостный мед,
Многоптичий напев здесь провеял бескрайно,
И вошел в этот звук соколиный полет.
Через тысячи лет — созиданье святыни,
И не рушится мощь плотно сложенных плит.
О Лесная Царевна, ты в верной твердыне.
Все, что хочешь ты, будет. Так солнце велит.

2

За то, что я в Христовой вере
Свое язычество храню,
За то, что мы чрез те же двери
Ходили к вещему огню,
За то, что мы к одной стихии
С тобой привержены, к лесной, —
Тебя поет певец России,
Ты не во мне, но ты со мной.

За то, что ты пропела юно
Под звонкий, гулкий голос струн
Все то, в чем власть была Перкуна,
Что для меня пропел Перун,
За то, что дух твой тверд, как камень,
Знакомый с искрой голубой, —
Тебе, Литва, мой вспевный пламень,
И розны мы, но я с тобой.
За то, что, дав скрепиться югу,
Татар отбросил прочь литвин,
За то, что русскую супругу
Любил и холил Гедимин,
За то, что мощь свою и слово
Он в ту же сторону стремил,
Где путь Димитрия Донского, —
Да вспрянешь в новом цвете сил.
За то, что там, где ты — исканье,
Бродили пращуры мои,
Как возвестили мне преданья
Моих отцов, моей семьи,
За то, что ты гнездо, как ворон,
Вила среди лесных пустынь, —
Мой дух с тобой, — от давних пор он
До грани дней с тобой! Аминь!

Капбретон
1928. 1 декабря

ЖРЕБИЙ ВЕЛИКОГО

Багряный солнцекруг скользил дугой заката.
Над предвечернею глубокою водой
Переживал те дни, к которым нет возврата,

Уйдя в минувшее, боец, Витовт седой.
Он посмотрел в ладонь испытанной десницы,
Как смотрят в хартию, где дарственная речь,
В извилинах морщин читал о том страницы,
Чего и волею нельзя предостеречь.
Он полстолетия терпел неволю, козни,
Чтоб величайшим стать властителем Литвы.
Расплавил и спаял усобицы и розни,
Он знал, какой прыжок свершать умеют львы.
Литва — могучий дуб великого обхвата,
В том дубе горницы, где тройка может встать.
Меж тем как солнцедиск скользит дугой заката,
Пергамент прошлого зазывчиво читать.
Как знать, что кроется за белыми зубами?
Улыбку разгадать не всякому дано.
Но жребий сильного предвозвещен словами:
Есть в каждом поле грань и в каждой яме дно.
Навеки втянут в тень убитого Кейстута,
Ягайла в западни укрыл Витовту путь,
Но зоркий рулевой, ладью направив круто,
Проплыл бестрепетно лихую водокруть.
Германцы жизнь Литвы ломали, рвали, гнули,
Но, вихри закрутив, Витовт их превозмог,
Грюнвальд, зеленый лес, хранит в протяжном гуле
Победный клич Литвы, литовский гудкий рог.
Монголы пронеслись, как божий бич, по странам,
Беда, пожар и мор — татарские следы.
Литовский властелин не раз был грозен ханам,
Перкун, гремя, гремел до Золотой Орды.
От древней Балтики летя в степном просторе,
«Витовт, Витовт, Витовт», — в ветрах звучала речь,
И, в брызгах, в Черное расплеснутое море
Витовт вступил с конем, подняв лучистый меч.
Багряный солнцекруг скользит дугой заката,

И я, в свой дух взглянув над вещею водой,
Витовта вижу там, — он вновь, путем возврата,
Горит своей Литве, как витязь золотой.

ОБРУЧЕНИЕ

Посвящается Людасу Гире и всем, братски меня встретившим в Кибартах, на Литовской земле

Среди других певцов отмеченный
Литвой — и ею дорожа, —
Военной музыкою встреченный,
Ее достигши рубежа, —
Я горд, что там я с побратимами
Неломкий заключил союз
И не моими, но родимыми,
Ее просторами клянусь, —
Что обручению свидания,
Словам, сверкнувшим, как весна,
Любви, все ведавшей заранее,
Душа останется верна.
Литовской речью, столь ветвистою,
Что новь цветет, как рдела встарь,
Тысячелетья золотистою,
Как морем вымытый янтарь, —
Хранимыми заветно тайнами,
В которых бьет хрустальный ключ,
Неумолкающими дайнами,
Твой дух, Литва, всегда могуч.
Нет, не случайною минутою
Решен крылатой птицы взлет,
И вечно-девственною рутою
Душа литовская цветет.

Своими чистыми озерами,
Своею пашней трудовой,
Прикованными к цели взорами —
Литва останется Литвой.
Судьба роняет искушения
И в тесный замыкает круг,
Но, кто кует свои решения,
Тот цепи размыкает вдруг.
Упрямый дух! Сестра любимая!
Он знает путь, твой белый конь.
В прорывах дали вижу дымы я,
Но в дымах — творческий огонь.
Да будешь сильной и обильною,
В себе скрепленная страна, —
И Гедиминовою Вильною
Ты быть увенчана — должна!

ПОГОНЯ

Стучат. Стучат. Чей стук? Чей стук?
Удар повторный старых рук.
«Сыны, вставайте!
Коней седлайте!» —
Стучит, кричит старик седой.
«Идем, но что, отец, с тобой?»
«Сын старший, средний, помоги,
Сын младший, милый, помоги,
Угнали дочерей враги».
«Враги похитили сестер?
Скорей за ними. О, позор!
Наш зорок взор! Наш меч остер!»
«Сыны, летим! Врагов догоним!
В крови врагов позор схороним!»
«Узнаем милых средь врагов,

На них сияющий покров!»
«Свежа их юная краса,
Златые пышны волоса!»
«На волосах златых венки,
Румяность роз и васильки».
«Мы у врагов их отобьем!»
И пыль вскружилась над путем.
Сияют мстительные очи.
Четыре быстрые коня.
Четыре сердца. Путь короче.
Сейчас догонят. Тени ночи
Плывут навстречу краскам дня.
«Сын старший, слышишь ли меня?
Сейчас мы милых отобьем!
Сын средний, слышишь ли меня?
Врагов нещадно мы убьем!
Сын младший, слышишь ли меня?
Как кровь поет в уме моем!»
Четыре сердца ищут милых.
Нагнали воинство. Не счесть.
Но много силы в легкокрылых.
Глядят. Есть тени женщин? Есть.
Но не лучисты их одежды
Средь убегающих врагов,
А дымно-сумрачный покров,
Как тень от сказочных дубов,
Закрыты дремлющие вежды,
Бледна их лунная краса,
Сребристо-снежны волоса,
И чащи лилий, лунных лилий,
Снегами головы покрыли.
Четыре сердца бьют набат.
«Чужие», — тайно говорят.
От брата к брату горький взгляд.

И все ж — вперед! Нельзя — назад!
Искать, искать. Другим путем,
Искать, пока мы не найдем,
Через века лететь, скакать,
Хоть в вечность, но искать, искать!

ЦАРИЦА БАЛТИЙСКИХ ВОД

В глубине бледноводной Балтийского моря
Возносился когда-то янтарный дворец
Синеокой царицы Юраты.
Стены были в чертогах — чистейший янтарь,
Золотые пороги, алмазные окна,
Потолки же из рыбьих чешуй.
И звучали в чертогах глубинных напевы,
И в русалочьих плясках мерцали там девы,
Взгляд у каждой — один поцелуй.
В глубине бледноводной Балтийского моря
Разослала однажды Юрата всех щук,
Известить всех богинь знаменитых,
Что пожаловать к пиру их просит она
И совет учинить о значительном деле,
О великой неправде одной.
И богини в чертогах царицы Юраты
Пировали, наряды их были богаты,
И держали совет под луной.
«Вам известно, подруги, — сказала Юрата, —
Что властитель земли и небес и морей,
Мой всесильный отец Праамжимас
Поручил мне все воды и жителей их;
Всем вам знать, учинила ль кому я обиду,
Было счастие в кротости вод.
Но явился Цаститись, рыбак вероломный,

Над рекою он Свентой сидит, и, нескромный,
Он для рыб моих сети плетет.
Вам известно, что даже и я не ловлю их,
Самой маленькой рыбки невинной не съем,
Ко столу подавать их не смею,
И уж как я люблю камбалу, а и то
С одного только бока ее объедаю,
И гуляет она на другом.
Покараем его, поплывем, и заманим,
И в объятьях стесним, и задушим, обманем,
Ему очи засыплем песком».
Так рекла, и поплыло сто лодок янтарных,
Чтоб свершить беспощадную, грозную месть.
И плывут, и сияет им солнце.
Тишина — в неоглядности призрачных вод,
И уж эхо разносит слова их напева:
«Эй, рыбак! Эй, рыбак! Берегись!»
Вот уж устье реки, полноводной и в лете,
На прибрежье рыбак развивал свои сети,
Вдруг пред ним изумруды зажглись.
Изумленный, глядит он: сто лодок янтарных,
Сто девиц в них пречудных, и свет ото всех,
Изумрудные очи у каждой.
А у главной царицы глаза как сафир,
Как лазурь высоты и как синее море,
Жезл янтарный в подъятой руке.
И поют, и поют, их напевы желанны,
И морские к нему приближаются панны
На янтарном, смеясь, челноке.

Глянь, рыбак, красивый, юный,
Сети брось, иди в ладью,
С нами вечно пляски, струны,
Сделай счастьем жизнь свою.

К нам иди, душой не споря,
Слышишь, нежен тихий смех?
Будешь ты владыкой моря
И возлюбленным нас всех!

Опьянился рыбак чарованьем обманным,
И уж хочет он броситься в синюю глубь,
Вдруг свой жезл опустила Юрата:
«Стой, безумный. Хоть ты и виновен весьма,
Но тебя я прощу, ибо мне ты желанен,
Поклянись только в вечной любви».
«Я клянусь». — «Так. Ты — мой. Каждый вечер я буду
Приплывать на заре». — «Не забудь». — «Не забуду.
Завтра — здесь». — «Поскорей приплыви!»
Минул год. Каждый вечер царица Юрата
Приплывала на берег любить рыбака,
И любили они и любились.
Но проведал об этих свиданьях Перкун,
И разгневался он, что богиня посмела
Полюбить одного из земных.
И однажды метнул молнеглазые громы,
И янтарные он опрокинул хоромы,
Разметал он обломками их.
Рыбака же, который был громом повергнут,
Приковал Праамжимас там, в море, к скале,
Приковал перед ним и Юрату.
И на милого мертвого вечно она
В глубине бледноводной Балтийского моря
Смотрит, смотрит, любовью горя.
Оттого-то в час бури нам слышатся крики,
И по взморью, за бурей, какие-то лики
Нам бросают куски янтаря.

СЕВЕРНЫЙ ВЕНЕЦ

Только мы, северяне, сполна постигаем природу
В полнозвучье всех красок, и звуков, и разностей
сил,
И когда приближаемся к нашему Новому году,
Нам в морозную ночь загораются сонмы кадил.
Только мы усмотрели, что все совершается в мире
Совершенством разбега в раздельности линий
креста,
Лишь у нас перемены — в своем нерушимом —
четыре,
Всеобъемная ширь, четырех тайнодейств полнота.
Не дождит нам зима, как у тех, что и осень и лето
Не сумеют сполна отличить от зимы и весны.
Наша белая быль в драгоценные камни одета,
Наши святки — душа, наша тишь — неземной
глубины.
О, священная смерть в безупречном — чистейшей
одежды,
Ты являешь нам лик беспредельно-суровой зимы,
Научая нас знать, что, когда замыкаются вежды,
Воскресение ждет, — что пасхальны и вербы и мы.
Только Север узнал, как в душе полнозначна
примета,
И предпервую весть приближенья весенних огней
Нам чирикнет снегирь, — красногрудый, поманит он
лето,
Мы расслышим весну — в измененных полозьях
саней.
Переведались дни — через оттепель — с новым
морозом,
Зачернелась земля, глухариный окончился ток,

И проломленный наст — это мост к подступающим
грозам,
В полюбивших сердцах разливается алый восток.
Развернись, разбежись, расшумись, полноводная
сила,
Воля Волги, Оки и пропетого югом Днепра,
Сколько звезд — столько птиц, и бескрайно
колдует бродило.
По лугам, по лесам, по степям — огневая игра.
Насладись, ощутив, как сверкают зарницы в
рассудке,
Захмелевшая кровь провещает свой сказ наизусть,
И вздохни близ купав, и довей тишину к незабудке,
И с кукушкой расслышь, как в блаженство
вливается грусть.
Досказалась весна. Распалилась иная истома.
Огнердеющий мак. Тайновеющий лес в забытьи.
Полноцветное празднество молнии, таинство грома,
Вся Россия — в раскатах телеги пророка Ильи.
Вся небесная высь — в полосе огневеющей гривы,
В перебросе копыт, в перескоке и ржанье коня.
И серебряный дождь напоил золотистые нивы,
В каждой травке — припев: «И меня, напои и меня!»
Что красивее колоса ржи в полноте многозерни?
Что желанней душе, чем тяжелая важность снопа?
Что прекрасней, чем труд? Или песня — его
достоверней?
Лишь работой, припавши к земле, наша мысль
не слепа.
И опять оттолкнись от тебя обласкавшего праха,
Посмотри, как простор углубился вблизи и вдали,
Закурчавился ветер, летит, налетает с размаха,
Улетают — с душой — далеко — за моря —
журавли.

Разбросалась брусника. Развесились гроздья
рябины.
Многозаревный вечер последнее пламя дожег.
Столько звезд в высоте, что, наверно, там в небе —
смотрины.
Новый выглянул серп. Завтра — первый перистый
снежок.

Вандея
1925. Осень

РУССКИЙ ЯЗЫК

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клекоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу — выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.

Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.

И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодицы.
Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном — бег зарницы.

Костер бродяг за лесом, на горе,
Про Соловья-разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины.

Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска смирною рысцой.
Летит рысак конем крылатой сказки.

Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска острее стали.
Здесь хорошо. А там — смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.

Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжачий.
Баю-баю. Мой милый. Ты уснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.

Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем — там, в синем — о родном пороге.

Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?

И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Теснее, други!»
Тебя потопит льдяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.

Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и
в степи.

Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре.

Ты клад найдешь, которого искал,
Зальешь и запоешь умы и страны.
Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?

Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор златозвонкий, среброкрылый,
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.

Ты вскликнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вместишься в малый вздох.
Но Завтра — встанет! С молнией и громом!

ДЮННЫЕ СОСНЫ

Взвихрены ветром горбатые дюны,
Бор взгромоздился на выступ откосный.
Ветер качает зеленые струны,
Ветки поющие, терпкие сосны.

Голос безгласия, Север на Юге,
Ветру покорствуя, редко немые,
Те — перекручены в дикие дуги.
Те — как у нас, безупречно-прямые.

В этих лесах не курчавится щебет
Наших веселых играющих пташек.
В зарослях ветер лишь вереск теребит,
Нет здесь — знакомых нам с детства — ромашек.

Не закачается дружная стая
Солнышек желтых и луночек белых,
Пахнут лишь капли смолы, нарастая,
Ладан цветет в ветрохвойных пределах.

Ландыш не глянет. Кукушка не стонет
В час, как везде — хороводами вёсны.
Ветер песчинки метелями гонит,
Медью трезвонит сквозь дюнные сосны.

Если б — «Ау!» — перекликнуться с лешим,
С теми тенями, что век с нами юны.
Грустные странники, чем себя тешим?
Гусли нам — сосны, и ветки их — струны.

Вся моя радость — к обветренным склонам
Горько прильнуть, вспоминая и чая.
Если б проснуться в лесу мне зеленом,
Там, где кукует кукушка родная!

БУБЕНЦЫ

Дрогнув, брызнув звуком дружным,
С колокольчиком поддужным,
С голубицей голубец,
Бубенец и бубенец
К шее конской припадают,
Хмелем звончатым блистают,
Вылетают,
Западают,
Снова звонче, снова тают,
Сном рассыпчатым взрастают,
В сбруе звук и зрак колец,
И навзрыд-навзвон рыдают,
Из конца бегут в конец,
И навзвон-навзрыд хохочут,
Сердцу сердце вспевом прочут,
Говорят,
Сборным взблеском, звуком-вздохом,
Как просыпанным горохом,
Бубнят вряд,
Дробь враздробь и врассыпную,
Змеезвоном ладят сбрую,
Серебрят,
Я, мол, ты, мол, мы, мол, баем,
Бусить бусы понимаем,
Любо тренькать дутым краем, —
Замолчать никак нельзя им,
Не хотят,
Не хотят,
Перезвякнут баю-баем,
Легче маленьких котят,
Перебросят звук и взгляд,
Сердце сердцу закогтят,

Не пойдете напопят,
Бубенцы вам не велят.
Эй, родимые, скорее,
Закрутитесь веселее,
У коней вся в мыле шея,
К пиру бубен-бубенец,
Отчего бы, почему бы
Не лобзать да прямо в губы,
Ну, скажите, почему бы
Да не вместе наконец?
Эта славная затея —
До девицы молодец,
Ты товар, а я купец,
Ты мне нива, я твой жнец,
Птица ты, а я ловец.
Или были
В звонкой силе
Мы напрасно долгий час?
Слушай сказ,
Слушай нас.
Рея, вея, млея, рдея,
Это славная затея,
Колокольчик — ваш гонец,
С ним — и в буре не робея —
Бубенец и бубенец.
Эх, от самого Валдая
Звоны льются, нарастая,
От Алтая до Москвы
Брызжет пена до травы,
Закрутились пристяжные,
Коренник не клонит выи,
А у них как завитые
Книзу шеи — два кольца,
Дружны в тройке, к гриве грива,

Жить вам весело, счастливо,
Колокольчик говорливо
Обещает без конца,
Победить бубенчик хочет,
И по-своему пророчит.
Победит ли бубенца?
Колокольчик долго строит,
Он поет да не покоит,
Плачем плачет, песней ноет,
Не видать его лица.
Победит ли бубенца?
В пляске весело стрекочет,
Точит, точит, счастье прочит
В перебросе бубенец.
Стук — колесам, блеск — подковам,
Бубенцу — быть сном медовым,
Сватом, братом всех сердец,
Двум сердцам — с одним быть кровом.
Двое с разных двух крылец,
В свете новом, в лике новом,
В радость всем и в зависть вдовам,
Прямо в церковь под венец.

ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Стихи о Сибири

⟨1935⟩

ТАЙГА

Сто верст пожара,
Откуда он?
Сокрылось солнце в клубах пара,
Затянут дымом небосклон.
Ползет шипенье,
Горит тайга.
Огнистых змеев льется пенье,
И бьет поток о берега.
Вся в синих дымах,

И вся в огне.
Приют видений нелюдимых,
Бродяге, ты желанна мне.
Тайга, ты тайна
В пути слепом.
Твоя нетронутость бескрайна,
В тебе бездомному есть дом.

Подъезжая к Омску
1916. 29 мая

ГЕОРГИЮ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Тебе, суровый сын Сибири,
Что взором измерял тайгу,
Привет в изгнанническом мире,
На отдаленном берегу.

Так выпытал в крестьянской доле,
Как творчески идет соха
И как в страданье и неволе
Тоска взметает взлет стиха.

Ты видел, мысля и мечтая,
Какого требует труда
В горах червонного Алтая
Золотоносная руда.

Ты принял светы талисмана
В пурге, прядущей долгий вой,
В гортанном говоре шамана,
В котором крик сторожевой.

И много раз в тоске немея,
Душой богат, но долей сир,
Ты восхитился ликом Змея,
Который весь объемлет мир.

Не тем, с кем говорила Ева,
Кто яд из пропасти исторг, —
Ему я не спою напева
И ты не подаришь восторг.

Мой Змей вздымает океаны,
Он говорит через тайфун,
Им уготованные раны
Я утоляю звоном струн.

Его могучие извивы
В сибирских видел я лесах,
Где изумрудные заливы
Лелеют творческий размах.

Где ствол раскидистого кедра
Как довременный исполин,
И, затаясь в земные недра,
С алмазом говорит рубин.

Да будет завтра день твой новый —
Как матери родимой зов
Туда, где реки бирюзовы,
Где много милых голосов.

А ныне, с возгласом приветным,
Ты, разглядевший тайный лик,
Прими в Провансе многоцветном
Бретонской чайки взлетный крик.

Сен-Бревен — Сосны
Бретань
1922. 11 февраля

ЗИМНИЙ ЧАС

Заяц, выторопень серый,
Разговаривал с Зимой.
Говорил он: «Ты без меры
Нежный мех морозишь мой».

А она ему: «Голубчик,
Ты померзни, ничего.
Так нарядней твой тулупчик,
Чисто держишь ты его».

И зимой прозрачней воздух,
Мягко стелются снега,
Для зверья лесного роздых,
Дальше чувствуешь врага.

Сердце заячье — лишь в слухе,
Косоглазый полуслеп.
Но ушканчик остроухий
Скрылся, хмурый, в свой вертеп.

Там ждала его зайчиха,
Наготовила тепла.
Лес молчит, и тают тихо
В синеве колокола.

Завтра праздник богомольный,
Синь над снегом небосклон.
Близко слышен недовольный
Крик скучающих ворон.

Как боярыня седая,
К людям шествует Зима,
Лютой стужей расцвечая
Опушенные дома.

Капбретон
Ланды
1927. 3 февраля

МОЯ ЛЮБОВЬ

Вступая в мир, мы в дом вступаем отчий,
Нас нежит мать, баюкает нас няня,
Роняет нам свой свет и отсвет счастье,
Родная речь промолвит нам: «Желанный!»,
Всех звезд в мечты нам набросает полночь,
Привет тебе, моя любовь, Россия!

Из всех былин желанней мне Россия,
Взгляд матери и кроткий голос отчий,
Заря с зарей им чуть раздельность — полночь,
Июнь прозрачный, что-то шепчет няня,
Дремлю, горит лампадки свет желанный,
И свет и тень — во всем ребенку счастье.

Галчонка принесли, какое счастье,
Простых подарков не сочтет Россия,
Кормить галчонка — пир души желанный,
С птенцом дитя играет в разум отчий,
И сказку мне рассказывает няня,
Что сокол — день, а ворон с галкой — полночь.

Смеясь, на волю выпустил я полночь
И сердцем знал, что в черных крыльях счастье,
О светлых птицах досказала няня,
Жар-птицей назвала себя Россия,
И разве не костер — весь дом мой отчий,
И разве не огонь — наш гость желанный!

Кто сделал так, что весь мой свет желанный
Упал в нерассекаемую полночь?
Из далей запредельных образ отчий
Вернет ли мне мое родное счастье?
Леса, поля, калина, степь, Россия,
На грани лет ты будешь ли мне — няня?

Там где-то между звезд чуть шепчет няня:
«Терпи, терпи — твое придет, желанный!»,
Тоска к тоске, мне мечет клич Россия,
Чтоб я не закреплял тоскою полночь.
И край чужой, мне не даруя счастья,
Дает мне страсть — любить лишь край мой отчий.

Мой дом, мой отчий, лучших сказок няня,
Святыня, счастье, звук — из всех желанный,
Заря и полночь, я твой раб, Россия!

Париж
1926, 9 мая

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ПАМЯТИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Сонет

Он был из тех, кого судьба вела
Кремнистыми путями испытанья,
Кого везде опасность стерегла,
Насмешливо грозя тоской изгнанья.

Но вьюга жизни, бедность, холод, мгла
В нем не убили жгучего желанья —
Быть гордым, смелым, биться против зла,
Будить в других святые упованья.

Держал он светоч мысли в черный день,
В его душе рыдания звучали,
В его строфах был звук родной печали,

Унылый стон далеких деревень,
Призыв к свободе, нежный вздох привета
И первый луч грядущего рассвета.

1893

МАЛЕНЬКИЙ СУЛТАН [1]

То было в Турции, где совесть — вещь пустая.
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.

Во имя вольности, и веры, и науки
Там как-то собрались ревнители идей.
Но, сильны волею разнузданных страстей,
На них нахлынули толпой башибузуки.

Они рассеялись. И вот их больше нет.
И тайно собрались избранники с поэтом:
«Как выйти, — говорят, — из этих темных бед?
Ответствуй, о поэт, не поскупись советом».

И тот собравшимся, подумав, так сказал:
«Кто хочет говорить, пусть дух в нем словом дышит,
И если кто не глух, пускай он слово слышит,
А если нет, — кинжал!»

ГОРЬКОМУ

Сильный! Ты пришел со дна,
Ты пришел со дна глубокого, чудовищного, мутного.
Мир твой — пропасть, светлый мир мой — вышина,
Тишь забвенья,
Прелесть тучек, измененность их движенья
Поминутного.

[1] Имеется в виду Николай II.

Мир твой — яростный протест,
Возмущенье,
Крик ума, неправосудьем долгим скованного.
Мир мой — сладкий сон невест,
Чары леса, тишь лесных безлюдных мест,
Сон колодца зачарованного.

Горький! Ты пришел со дна,
Но душою возмущенной любишь нежное,
утонченное.
В нашей жизнь — скорбь одна:
Мы возжаждали величья, видя бледное кругом,
незаконченное.

Ты, томясь во мгле страстей,
В тайне сердца любишь грезы, сны лесные в их
пленительности.
Я тоскую без людей
И томлюсь душой моей
В этой мирной, в этой мерной упоительности.

1901

ДВА СОНЕТА К ИТАЛИИ

1. ИТАЛИЯ

От царственной мозаики Равенны
До мраморов, что скрыл от смерти Рим,
Созданья мы твои благотворим,
Италия, струна и кубок пенный.

Неаполь, шабаш солнца неизменный,
Флоренция, лазурный серафим,
Венеция, где страстью дух палим,
А живопись — цвет золота нетленный.

В Италии повсюду алтари,
И две, в веках, в ней равноценны власти,
Язычество с огнем давнишней страсти

И благовестье в отсветах зари.
Красавица, не снявшая запястий,
В служенье богу, в красоте — цари.

2. ДАНТЕ

Задуман безошибочным Творцом
Как лик страны, где бились властелины,
Он снежный лебедь, он и дух орлиный,
И весь очерчен огненным резцом.

День сильный в зорях, ярок пред концом.
Он записал в размерные терцины
Цветы и громы, пламени и льдины,
Всю вечность взял изваянным лицом.

Поэт всегда — упорный лик Атланта,
Он на плечах подъемлет тяжкий мир,
Который без напева был бы сир,

Поэт-мечта дремотного Гиганта,
Спит Исполин и слышит звоны лир.
И в трех мирах он видит призрак Данта.

В РОССИИ

ЛИШЬ С НЕЙ

Я был в России. Грачи кричали,
Весна дышала в мое лицо.
Зачем так много в тебе печали?
Нас обвенчали. Храни кольцо.

Я был повсюду. Опять в России.
Опять тоскую. И снова нем.
Поля седые. Поля родные.
Я к вам вернулся. Зачем? Зачем?

Кто хочет жертвы? Ее несу я.
Кто хочет крови? Мою пролей.
Но дай мне счастья и поцелуя.
Хоть на мгновенье. Лишь с ней. С моей.

1917

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда я в сумерки у волн мечтаю долго
И шествует прилив, за валом плещет вал,
Я снова в юности. Сильна в разливе Волга.
И Каспий шепчет мне: «Ты в Персии бывал?»
Я не был в Персии. Но вспоминаю наши
Родные области. Глухая Кабарда.
Обрыв Балкарских гор. И в двадцать лет что краше,
Чем вблизи нежных глаз манящая звезда?
Такой уклончивой, зовущей, тонкостанной,
Как девушка в горах, где встретить на земле?

Аулы помню я в ложбине скал туманной,
Серебряный кувшин, усмешку Джамиле.
Мой юный проводник, — я не забыл Османа, —
Привел из табуна горячего коня.
И мы скакали с ним — до дальнего тумана,
До впадины в горах, до завершенья дня.
Мы ночевали с ним в заброшенной землянке.
В молитве перед сном он повторял: «Алла!»
А я хоть спал, — не спал — от нежной в сердце
ранки.
Мне снились Джамиле и голубая мгла.
Мне грезились кругом нависшие твердыни.
Не досягнуть звезды, которая зовет!
Но пела песню кровь: «Навеки твой отныне!»
И время в звездный час замедлило полет.
Я проходил пути, где было только счастье.
Встречались люди мне, в которых только свет.
Одна лишь власть — любовь, и весь простор
безвластья.
Чтоб досягнуть звезды, низвергнись в звездный
бред.
Притянутый лучом, я, легкий, падал в бездны.
Но чувствовал у плеч два сильные крыла.
И та, кого любил в пустыне многозвездной,
Скрывалась в цепи гор — и все вперед звала.
Когда же, наконец, я где-то пал на склоны
И близко увидал мерцанье милых глаз,
В землянку свет вошел, рассвет сине-зеленый,
И ранний холодок позвал в дорогу нас.
Два рьяные коня оседланы проворно.
Заря еще ждала, чтоб брызнуть в норы гор.
А резвый звук копыт перебегал повторно.
И к солнцу мчались мы, гоня во весь опор.

5 августа 1921. Бретань

ЧЕРТА

Со взором голубым, с волнами золотыми
Тончайших шелковых разметанных волос,
Он показался мне высоким в светлом дыме
И бросил в душу мне раскаты летних гроз,

Со звуком обвенчав намеки сновидений,
Все прахи расцветил горючим угольком
И дал уразуметь немую речь растений,
И лес мне изъяснил он птичьим языком.

Без счета надарил девических улыбок,
Повел тропинкой тайн средь шорохов лесных,
И был как древний лук — упрям, певуч и гибок,
И был как власть вина — непобедим мой стих.

Когда же он зажег лесной костер брусники
И бросил в синеву отлеты журавлей,
Меня позвали вдаль крылатых вышних
клики,
И он мне повелел быть каждый миг смелей.

Он развернул как холст просторы океана
И, Землю обогнув, ушел куда-то прочь.
Куда укрылся он? Зачем ушел так рано?
Таким он был, мой день. Какая будет ночь?

Чужие ветры мне домчали клочья дыма.
Моя вселенная, что мне была дана,
Обуглясь, рухнула. Промчались птицы мимо.
За огнекрылыми подходит тишина.

Потухли в бездне вод все головни заката.
На небе Зодчий тьмы вбивает гвозди звезд.
Зовет ли Млечный Путь в дорогу без возврата?
Иль к Солнцу новому уводит звездный мост?

* * *

Средь птиц мне кондор всех милее:
Летает в сини выше всех.
Средь девушек — чей веселее
Звенит, как колокольчик, смех.

Среди зверей, — их в мире много,
Издревле вестников огня, —
Люблю всегда любимца бога —
Полетно-быстрого коня.

Средь рыб, что, в водах пропадая,
Мелькают там и манят тут,
Люба мне рыбка золотая:
Вплывает в сказку, точно в пруд.

Среди деревьев — дуб зеленый,
Чей сок струится янтарем:
Из дуба строились драконы —
В морях, где викинг был царем.

Среди цветов стройна лилея,
Но в ландыш дух сильнее влит:
Он чаровнически пьянее,
И прямо в сердце он звонит.

Средь чувств люблю огонь любленья,
В году желанна мне весна,
Люблю средь вспышек — вдохновенье,
Средь чистых сердцем — Куприна.

15 апреля 1923

Если зимний день тягучий
Заменила нам весна,
Прочитай на этот случай
Две страницы Куприна.

На одной найдешь ты зиму,
На другой войдешь в весну.
И «спасибо побратиму» —
Сердцем скажешь Куприну.

Здесь, в чужбинных днях, в Париже,
Затомлюсь, что я один, —
И Россию чуять ближе
Мне дает всегда Куприн.

Если я — как дух морозный,
Если дни плывут, как дым, —
Коротаю час мой грозный
Пересмешкой с Куприным.

Если быть хочу беспечней
И налью стакан вина,
Чокнусь я всего сердечней
Со стаканом Куприна.

Чиркнет спичкой он ли, я ли, —
Две мечты плывут в огне,
Курим мы — и нет печали,
Чую брата в Куприне.

Так в России звук случайный,
Шелест травки, гул вершин —

Той же манят сердце тайной,
Что несет в себе Куприн.

Это — мудрость верной силы,
В самой буре — тишина.
Ты — родной и всем нам милый,
Все мы любим Куприна.

6 мая 1923

ГЛАГОЛЬНЫЕ РИФМЫ

Ко мне плясунья близилась, качаясь,
Я был на океанском берегу, —
Глагольных рифм избегнуть не могу.
Волна взрастала, солнцем расцвечаясь.

Своей внезапной выдумкой венчаясь,
Она росла, как травы на лугу,
И вдруг дробилась в инее, в снегу,
В паденье легкой пеной истончаясь.

«Хотела б я быть рифмою твоей!» —
Мне Лохвицкая Мирра прошептала.
О, рифмы есть различного закала.

И я клянусь всей звонкостью морей:
В глагольных рифмах сладости немало,
Коль рифма рифму вдруг поцеловала.

СОЛОВЕЙ

Посв. русскому волшебнику музыки,
С. А. Кусевицкому

В той части леса, где поет,
Подняв свой клювик, соловей,
Какие хочешь звуки лей,
Пляши, крутись, танцуй и вей,
Но меж смарагдовых ветвей
Вперед твой взмет идет не в счет.
Молчи. Верховен соловей.
Есть в каждом горле звук и всклик,
И два, и целый их родник.
Но в этом горле с давних пор
Луны серебряный узор.
И есть в нем радуги звено,
И с ним другое заодно.
И гонит он звено в звено,
И высь поет, и кличет дно.
Вдруг в малый бубен золотой
Ударит звонкой он мечтой.
Он в звуке — всей любви рассказ.
Он — скрипки брызжущий алмаз.
Измыслит световой излом,
И брызнет дробным серебром.
Лазурная виолончель
Найдет неслыханную трель.
И, приковав звено к звену,
Ведет к непознанному дну.
И, закруглив черту в звено,
Раскроет в небо он окно.
С высот к нему — эфирный мост,
Он смотрит в ноты между звезд.
Всего пропев себя в свой срок,

Он снова пробует смычок.
Он снова пробует струну,
Чтоб взвихрить звуки в тишину,
Чтоб вспомнить, как любовь светла,
Как греза в Персии цвела,
Как бог и сердце — верх и низ,
Как пел Гаканий и Гафиз.
Так пели нежным, как поет,
Певучий источая мед,
Среди смарагдовых ветвей,
Подняв свой клювик, соловей.

МОСКВА
(Отрывок)

Я помню... Маленькие руки,
Смешные, и мои притом,
Раскрыли очень старый том.
«Москва... как много в этом звуке...» —
Ребенок прочитал, дивясь, —
Он слов не понял в этот час.

«Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского...» Опять
Поет старинная печать.
Тут слово первое науки,
Но мне неведомой. Тут — знак,
А смысл понять нельзя никак.

Зачем Москва? Но я в деревне,
В моей, рожден, люблю ее.
В ней мать, отец, в ней все мое.
Подобна сказочной царевне
Любая бабочка в саду.
Здесь всю Россию я найду.

Так я шептал, — внемлите, внуки
Мои, от дочери моей, —
Дивясь, шептал на утре дней:
«Москва! Так много в этом звуке?»
А ею жил. И ей живу.
Люблю, как лучший звук, Москву!

28 октября 1926
Lacanau — Océan — Gironde

РАЗЛУЧНОСТЬ

Я с вами разлучен, деревья,
Кругом ненужный мне Париж,
А там, где вы, вдали, кочевья
Звенящих пчел, улыбка девья
И солнце — праздник каждодневья.
Зеленовейность, воля, тишь.
А там, где вы, любая мушка
Звенит создателю хвалы,
Лесная вся в цветах опушка,
И, одиноких грез подружка,
Кукует гулкая кукушка
В душистом царстве нежной мглы.
Я с вами разлучен, щеглята,
Что звонко пели мне в окно,
Вся вольность от меня отъята,
И все мое неволей взято,
Мне помнится — я жил когда-то,
Но это было так давно.

ВОСКЛИКНОВЕНИЕ

Из всех таинственный, кем столько песен спето,
Как на лугу цветов и звезд с ночною тьмой,

Свирельник с именем лилейно-легким Фета,
Светильник твой погас, когда зажегся мой.

Еще горит мой день, но мгла вечеровая
Океанически влилась в пожары дня.
Кому мне передать, звено с звеном свивая,
Свирель, чтоб пела песнь, достойную меня.

ТЮТЧЕВ

Есть ворон, мрак с отливом синеватым,
У этой птицы ход был до богов,
И в наши дни, далеко от врагов,
Гнездится он на башнях и по скатам.

В нем древний разум, с опытом богатым,
Он молча слушал долгий плеск веков,
И бой полночный башенных часов,
И острый свист ветров на поле сжатом.

Есть сумрачный гудящий мотылек,
Живущий слитно с хаосом и мраком,
Он мертвой головы отмечен знаком.

Есть тонкий в черном кружеве намек,
Есть вещий бред, навороженный мраком,
Есть Тютчев, чаровник железных строк.

ЧЕТА

Мне дорого, что не одна мечта,
А также мысль всегда владеет мною.
Красива эта дружная чета.

Одна бежит взыгравшею волною,
Другая — как лесной подземный ключ,
Во тьме густой, с целительной водою.
Да, я поэт. И меж певцов — певуч.
Мне нравится отдаться своеволью.
Люблю скользить на самом крае круч,
Скитаться по зеленому раздолью.
Но также я люблю тяжелый труд,
С его самозамкнутостью и болью.
Легко найти изящный изумруд,
Рубин, сафир — в лесу, в разбеге поля.
Венок и дети малые плетут.
Для большего нужна иная доля.
Смарагды есть, что пращур отыскал,
Себя к подземным ходам приневоля,
Рубины есть, в которых пламень ал,
Как будто в нем пожар излитой крови.
В них прадед твой векам явил закал
Души, умевшей быть других суровей,
Искать, смотреть и видеть в темноте,
Где видеть глаз умеет только совий.
Над пропастью качаться на черте,
Ведущей в глубь, — а может, прочь от мира,
Не это ли дорога к красоте,
Небесного среди камней сафира?
Ты, поздний, видя перстень родовой,
Храни его в часы хмельного пира.
Ты, нежная, вся — лик мечты живой,
С пленительно-лилейными перстами,
Люби себя, люби весь облик свой.
Твои запястья, кольца светят снами,
Которые увидь и счастлив будь.
Но поброди седыми временами,
Вверяясь мысли, знающей свой путь.

Ты видишь, сколько бездн в твоих каменьях?
Поверь, увидишь их когда-нибудь.
Все рождены мы в страхе и мученьях.
Чтоб не были все время страшны мы,
Роняй рубины в скрепу, в древних звеньях.
Но сам умей добыть их в пасти тьмы.
И пусть твой дух, свою лелея волю,
Других светло изводит из тюрьмы.
О, мысль, веди мой плуг тяжелый к полю.
Мечта, пусть будет праздник мне готов,
Когда, хваля мне выпавшую долю,
Сплету себе венок из васильков.

ЗАВЕТНАЯ РИФМА

Не Пушкин, за ямбами певший хореи,
Легчайший стиха образец,
Не Фет, иссекавший в напевах камеи,
Усладу пронзенных сердец,
Не Тютчев, понявший созвучия шума,
Что Хаос родит по ночам,
Не Лермонтов — весь многозвездная дума,
Порыв, обращенный к мечам,
Не тот многомудрый, в словах меткострельный,
Кем был Баратынский для нас, —
Меня научили науке свирельной,
Гранили мой светлый алмаз.
Хореи и ямбы с их звуком коротким
Я слышал в журчанье ручьев,
И голубь своим воркованием кротким
Учил меня музыке слов.
Качаясь под ветром, как в пляске, как в страхе,
Плакучие ветви берез

Мне дали певучий размер амфибрахий, —
В нем вальс улетающих грез.
И дактиль я в звоне ловил колокольном,
И в марше солдат — анапест.
Напевный мой опыт был с детства невольным,
Как нежность на лике невест.
В саду, где светили бессмертные зори
Счастливых младенческих дней,
От липы до липы, в обветренном хоре
Качались шуршанья ветвей.
Близ нивы беседовал сам я с собою
И видел в колосьях намек,
И рифмою чудился мне голубою
Среди желтизны василек.
В громах ли — всё звонче, светлей —
Качавших полнеба зарниц,
Читал я сказанья о странах прекрасных,
Где райских увижу я птиц.
В звучанье ли долгом пастушьего рога,
В громах ли — всё звонче, светлей —
Мне слышались, снились напев и дорога, —
И я полюбил журавлей.
Свершилось. Дорога моя беспредельна.
Певучие — песни мои.
Хваленье, что пели вы мне колыбельно,
В далекой деревне ручьи.
Быть может, дадутся другому удачи
Полней и светлей, чем моя.
Но мир облетел я. И как же иначе
Крылатым ответил бы я?
Я видел всю Землю от края до края —
Но сердцу всех сказок милей,
Как в детстве, та рифма моя голубая
Широкошумящих полей.

ПЕРЕВОДЫ

ШЕЛЛИ

ОБЛАКО

Прохладу дождей и с ручьев и с морей
Я несу истомленным цветам,
В удушливый день мимолетную тень
Я даю задремавшим листам.
Живую росу на крылах я несу,
Пробуждаю ей почки от сна,
Меж тем как легли они к груди земли,
Пока пляшет вкруг солнца она.
Бичующий град моей дланью подъят,
Я под гром, как цепом, молочу,
Белеет вокруг зеленеющий луг,
Брызнет дождь — и опять я молчу.

В горах с высоты сею снег на хребты, —
И гигантские сосны дрожат;
Всю ночь на снегах я покоюсь в мечтах
И с грозой обнимаюсь, как брат.
На башне моей средь воздушных зыбей
Блещет молнии пламенный щит
И скованный гром ворчит пред дождем —

То умолкнет, то вновь зарычит;
Над гладью земной, над морской глубиной
Я плыву в нежном пурпуре дня.
И молний полет все вперед и вперед
Увлекает, как кормчий, меня;
Над цепью холмов, над семьей ручейков,
Над пространством озер и полей
Мой кормчий спешит, и спешит, и бежит,
Разжигает порывы огней,
Под небом родным улыбаюсь я с ним
И внимаю потокам дождей.

Кровавый восход, вырастая, плывет,
Возродитель земли и воды.
Горит его взор, как ночной метеор, —
Гаснет свет предрассветной звезды;
На спину ко мне он вспрыгнёт весь в огне —
И расширятся крылья его:
На камни скалы так садятся орлы,
Затаивши в груди торжество.
А в час, как закат свой багряный наряд
Простирает над сонною мглой,
И в светлый туман разодет океан,
И повсюду любовь и покой, —
Я крылья сверну и, как голубь, усну
Высоко, высоко над землей.

В венце из огня нежит дева меня,
Что у смертных зовется луной,
Проходит она по извивам руна,
Что взлелеяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
Только ангелам внятны они, —
От этих шагов сквозь раздвинутый кров
Многозвездные смотрят огни;

Я с ними горю, и смеюсь, и смотрю,
Как они, точно пчелы, кишат,
Вперяю в них взор, раздвигаю шатер, —
Золотистые роем спешат,
Озера, моря, их лучами горя,
Как обломки лазури лежат.
Трон солнца свяжу и огнем окружу,
И, как жемчуг, я вьюсь над луной;
Вулканы дрожат, звезды гаснуть спешат,
Увидавши мой стяг боевой.
От мыса на мыс — то к высотам, то вниз,
Над пучиной кипучих морей,
Как мост, протянусь и на горы опрусь,
Как преграда для жгучих лучей.
Сквозь радуги свод прохожу я вперед,
С ураганом, со снегом, с огнем.
То арка побед, что в изменчивый цвет
Разукрашена пышно кругом,
Лучи сплетены, горячи и нежны,
И смеется земля под дождем.

Из вод на земле я рождаюсь во мгле,
Я кормилицей небо зову,
Таюсь в берегах и шумящих волнах,
Изменяюсь, но вечно живу.
И стихнет ли гром, и нигде ни пятном
Не запятнан небесный шатер,
И ветры скорей вместе с роем лучей
Воздвигают лазурный собор, —
Я молча смеюсь, в саркофаге таюсь,
Поднимаюсь из пропасти бурь,
Как призрак ночной, промелькну белизной
И опять разрушаю лазурь.

1896

ПЕСНЬ К ЗАЩИТНИКАМ СВОБОДЫ

Смелее, смелее, смелей!
Есть кровь на земле, отказавшей вам в пище.
Пусть кровь ваших ран, как рыданье очей,
Оплачет нашедших приют на кладбище.

Какая же скорбь справедливей такой?
Тот с другом расстался, тот с братом, с женой.
Кто скажет, что битва их смыла волной?

Проснитесь, проснитесь, проснитесь!
Тиран и невольник — враги-близнецы;
Разбейте оковы — и рвитесь и рвитесь,
В могилах вам внемлют сыны и отцы:
Их кости в безмолвных гробах содрогнутся,
Когда на погост голоса донесутся
Тех смелых, что рвутся на волю и бьются.

Пусть знамя горит высоко,
Когда за добычей помчится Свобода!
Пусть ветер его развевает легко,
Не ветер, а вздохи и голод народа.
И вы, вдохновенной сплотившись толпой,
Сражайтесь не в битве тупой и слепой,
Во имя Свободы идите на бой.

Вам слава, вам слава, вам слава!
Хваленье страдавшим в великой борьбе.
Никто не затмит наивысшее право,
Что вы завоюете в битве себе.
Не раз возникал победительный мститель,
Но тот настоящий герой-победитель,
Кто в силе, не мстя, над собою — властитель.

Скорее, скорее, скорей
Венчайтесь фиалкой, плющом и сосною!
Кровавые пятна средь пышных ветвей
Да скроются нежною их пеленою;
В них сила, надежда и вечности свет,
Но только забудьте про троицын цвет.
То память о прошлом, — в вас прошлого нет!

ЭДГАР ПО

ВОРОН

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, — вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне.
«Это, верно, — прошептал я, — гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней —
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, —
О светиле прежних дней.

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством
сердце мне.
Непонятный страх смиряя, встал я с места,
повторяя:
«Это только гость, блуждая, постучался в дверь
ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной
тишине —
Гость стучится в дверь ко мне».

Подавив свои сомненья, победивши опасенья,
Я сказал: «Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, — и стук
неясный
Слишком тих был, стук неясный, — и не слышал
я его,
Я не слышал...» Тут раскрыл я дверь жилища
моего:
Тьма — и больше ничего.

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я
изумленный,
Снам отдавшись, не доступным на земле ни для кого;
Но, как прежде, ночь молчала, тьма душе не
отвечала,
Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца
моего, —
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его, —
Эхо — больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся — обернулся —
содрогнулся, —
Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.

«Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь
пошевелилось,
Там, за ставнями, забилось у окошка моего,
Это — ветер, — усмирю я трепет сердца моего,—
Ветер — больше ничего».

Я толкнул окно с решеткой, — тотчас важною
походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых
дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел
спесиво,
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности
своей
Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был
моей,
Он взлетел — и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
«Твой хохол ощипан славно, и глядишь ты
презабавно, —
Я промолвил, — но скажи мне: в царстве тьмы,
где ночь всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит
всегда?»
Молвил Ворон: «Никогда».

Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало,
Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
Да и кто не подивится, кто с такой мечтой
сроднится,
Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь,
когда —

Сел над дверью говорящий без запинки, без труда
Ворон с кличкой «Никогда».

И взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове «Никогда».
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул
он, —
Я шепнул: «Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как надежды, навсегда».
Ворон молвил: «Никогда».

Услыхав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге
мрачной.
«Верно, был он, — я подумал, — у того, чья
жизнь — беда,
У страдальца, чьи мученья возрастали, как теченья
Рек весной, чье отреченье от надежды навсегда
В песне вылилось о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда».

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии
безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это — Ворон, Ворон, да.
Но о чем твердит зловещий этим черным «Никогда»,
Страшным криком: «Никогда».

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И с печалью запоздалой головой своей усталой
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда:
Я — один, на бархат алый — та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда.

Но постой: вокруг темнеет, и как будто кто-то
веет, —
То с кадильницей небесной серафим пришел сюда?
В миг неясный упоенья я вскричал: «Прости,
мученье,
Это бог послал забвенье о Леноре навсегда,
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И вскричал я в скорби страстной: «Птица ты —
иль дух ужасный,
Искусителем ли послан, иль грозой прибит сюда, —
Ты пророк неустрашимый! В край печальный,
нелюдимый,
В край, тоскою одержимый, ты пришел ко мне сюда!
О, скажи, найду ль забвенье, — я молю, скажи,
когда?»

Каркнул Ворон: «Никогда».

«Ты пророк, — вскричал я, — вещий! Птица ты —
иль дух зловещий,
Этим небом, что над нами, — богом, скрытым
навсегда, —
Заклинаю, умоляя, мне сказать — в пределах рая
Мне откроется ль святая, что средь ангелов всегда,
Та, которую Ленорой в небесах зовут всегда?»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И воскликнул я, вставая: «Прочь отсюда, птица
злая!
Ты из царства тьмы и бури, — уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, черной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу — один всегда!

Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где
скорбь — всегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит зловещий Ворон черный, Ворон
вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда.
Он глядит, уединенный, точно демон полусонный.
Свет струится, тень ложится, — на полу дрожит
всегда.
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет — никогда!

1894

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА

1

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно
томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвенье говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшебно наслажденье — наслажденье нежным
сном.

Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,
И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем,
Молчаливым обаяньем
Вместе с звоном, вместе с пеньем о забвенье говорят.

2

Слышишь, к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят,
Из призывных дивных келий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упадая, брызги светлые летят,
Вновь потухнут, вновь блестят
И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов,
Возвещаемых согласьем золотых колоколов.

3

Слышишь: воющий набат,
Словно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов твердят,
Точно молят им помочь,

Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг, —
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться и кричать, кричать, кричать!

Только плакать о пощаде
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!
А меж тем огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горит,
То из окон, то по крыше
Мчится выше, выше, выше
И как будто говорит:
Я хочу
Выше мчаться, разгораться — встречу лунному лучу, —
Иль умру, иль тотчас-тотчас вплоть до месяца взлечу!

О, набат, набат, набат,
Если б ты вернул назад
Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд,
Этот первый взгляд огня,
О котором ты вещаешь с плачем, с воплем и звеня!
А теперь нам нет спасенья,
Всюду пламя и кипенье,
Всюду страх и возмущенье!
Твой призыв,
Диких звуков несогласность

Возвещает нам опасность, —
То растет беда глухая, то спадает, как прилив!
Слух наш чутко ловит волны в перемене звуковой,
Вновь спадает, вновь рыдает медно-стонущий
прибой!

4

Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни
кончен сон, —
Звук железный возвещает о печали похорон!
И невольно мы дрожим,
От забав своих спешим
И рыдаем, вспоминаем, что и мы глаза смежим.
Неизменно-монотонный
Этот возглас отдаленный,
Похоронный тяжкий звон,
Точно стон —
Скорбный, гневный
И плачевный —
Вырастает в долгий гул,
Возвещает, что страдалец непробудным сном уснул.
В колокольных кельях ржавых
Он для правых и неправых
Грозно вторит об одном:
Что на сердце будет камень, что глаза сомкнутся
сном.

Факел траурный горит,
С колокольни кто-то крикнул, кто-то громко
говорит,

Кто-то черный там стоит,
И хохочет, и гремит,
И гудит, гудит, гудит,
К колокольне припадает, —
Гулкий колокол качает, —
Гулкий колокол рыдает,
Стонет в воздухе немом
И протяжно возвещает о покое гробовом.

1895—1900

АННАБЕЛЬ-ЛИ

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли, —
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли,
Но любили мы больше, чем любят в любви —
Я и нежная Аннабель-Ли, —
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно
В королевстве приморской земли:
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель-Ли;
И родные толпой многознатной сошлись,
И ее от меня унесли,

Чтоб навеки ее положить в саркофаг
В королевстве приморской земли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, —
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли):
Ветер ночью повеял холодный из туч —
И убил мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильней и полней
Тех, что страсти бремя несли,
Тех, что мудростью нас превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной — с невестой — с любовью моей, —
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

1895

ОСКАР УАЙЛЬД

БАЛЛАДА РЭДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ

Памяти К. Т. В. — бывшего кавалериста королевской гвардии, умершего в тюрьме его величества Рэдинг, Беркшир, 7 июля 1896

1

Он не был больше в ярко-красном,
Вино и кровь он слил,
Рука в крови была, когда он
С умершей найден был,
Кого любил — и, ослепленный,
В постели он убил.

И вот он шел меж подсудимых,
Весь в серое одет.
Была легка его походка,
Он не был грустен, нет,
Но не видал я, чтоб глядели
Так пристально на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впиваясь в узкую полоску,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

С другими душами чистилищ,
В другом кольце, вперед,
Я шел и думал, что он сделал,
Что совершил вон тот, —
Вдруг кто-то прошептал за мною:
«Его веревка ждет».

О, боже мой! Глухие стены
Шатнулись предо мной,
И небо стало раскаленным,
Как печь над головой,
И пусть я шел в жестокой пытке, —
Забыл я ужас свой.

Я только знал, какою мыслью
Ему судьба — гореть.
И почему на свет дневной он
Не может не смотреть, —
Убил он ту, кого любил он,
И должен умереть.

Но убивают все любимых, —
Пусть знают все о том, —
Один убьет жестоким взглядом,
Другой — обманным сном,
Трусливый — лживым поцелуем,
И тот, кто смел, — мечом!

Один убьет любовь в расцвете,
Другой — на склоне лет,
Один удушит в сладострастье,
Другой — под звон монет,
Добрейший — нож берет: кто умер,
В том муки больше нет.

Кто слишком скор, кто слишком долог,
Кто купит, кто продаст,
Кто плачет долго, кто — спокойный —
И вздоха не издаст,
Но убивают все любимых, —
Не всем палач воздаст.

Он не умрет позорной смертью,
Он не умрет — другой,
Не ощутит вкруг шеи петлю
И холст над головой,
Сквозь пол он не уронит ноги
Над страшной пустотой.

Молчащими не будет ночью
И днем он окружен,
Что всё следят, когда заплачет,
Когда издаст он стон, —
Следят, чтоб у тюрьмы не отнял
Тюремной жертвы он.

Он не увидит на рассвете,
Что вот пришла Беда,
Пришел, дрожа, священник в белом,
Как ужас навсегда,
Шериф и комендант, весь в черном,
Чей образ — лик Суда.

Он не наденет торопливо
Свой каторжный наряд,
Меж тем как грубый доктор смотрит,
Чем новым вспыхнул взгляд, —
Держа часы, где осужденья
Звучат, стучат, стучат.

Он не узнает тяжкой жажды,
Что в горле — как песок,
Пред тем, когда палач в перчатках
Прильнет на краткий срок
И узника скрутит ремнями,
Чтоб жаждать он не мог.

Слова молитв заупокойных
Не примет он, как гнет,
И, между тем как ужас в сердце
Кричит, что он живет,
Он не войдет, касаясь гроба,
Под страшный низкий свод.

Не глянет он на вышний воздух
Сквозь узкий круг стекла,
Молясь землистыми губами,
Чтоб боль скорей прошла,
Не вздрогнет он от губ Кайафы,
Стирая пот с чела.

2

Уж шесть недель гулял солдат наш,
Весь в серое одет,
Была легка его походка,
Он не был грустен, нет,
Но не видал я, чтоб глядели
Так пристально на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впиваясь в узкую полоску,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

Он не ломал с тоскою руки,
Как те, в ком мало сил
И кто в отчаянье Надежду
Безумно оживил, —
Нет, только он глядел на солнце
И жадно воздух пил.

Не плакал он, ломая руки,
О том, что суждено,
Но только утро пил, как будто
Целительно оно.
О, жадно, жадно пил он солнце,
Как светлое вино!

С другими душами чистилищ,
В другом кольце, вперед,
Я шел, — и каждый, кто терзался,
Про свой не помнил гнет,
Но мы за тем следили тупо,
Кого веревка ждет.

И странно было знать, что мог он
Так весело шагать,
И странно было, что глазами
Он должен свет впивать,
И странно было знать, что должен
Такой он долг отдать.

———

Цветут и дуб и вяз роскошно
Весеннею порой.
Но страшно видеть столб позорный,
Что перевит змеей, —
И стар иль юн, но кто-то должен
Предел не выждать свой!

Высок престол, и счастье трона
Всех манит и зовет,
Но кто хотел бы, с крепкой петлей,
Взойти на эшафот
И сквозь ошейник бросить взгляд свой
Последний в небосвод?

Прекрасны пляски, звуки скрипок,
Любовь и Жизнь с Мечтой;
Любить, плясать, под звуки лютни,
Тóлпою молодой;
Но страшно — быстрою ногою —
Плясать над пустотой!

И мы за ним с больным вниманьем
Следили, чуть дыша:
Быть может, к каждому такой же
Конец ползет, спеша?
Как знать, в какой нас ад заманит
Незрячая душа.

И наконец меж подсудимых
Он больше не ходил.
Я знал: он в черной загородке,
В судебном зале был.
Его лица я не увижу,
Как долго б я ни жил.

Мы встретились, как в бурю в море
Погибшие суда.
Без слов, без знака — что могли бы
Мы говорить тогда?
Мы встретились не в ночь святую,
А в яркий день стыда.

Тот и другой в глуши тюремной
Людской отбросок был,
Нас мир, сорвавши с сердца, бросил,
И бог о нас забыл,
И за железную решетку
Грех в тьму нас заманил.

3

Двор Должников — в камнях весь жестких,
Там слизь со стен течет,
С высоких стен; близ них гулял он:
Над ним — свинцовый свод,
И слева-справа страж ходил с ним,
Боясь, что он умрет.

Или молчащими он ночью
И днем был окружен, —
Они следили за слезами,
Они ловили стон,
Боясь, чтобы не отнял жертву
У эшафота он.

Был комендант без послаблений,
Устав он твердо знал.
Смерть — факт научный, — доктор умный
Все факты признавал.
В день дважды приходил священник —
И книжку оставлял.

И дважды в день курил он трубку
И кружку пива пил,
Его душа была спокойна,
В ней страх не властен был,

Он говорил, что он доволен
Уйти во тьму могил.

Но почему так говорил он,
Страж ни один не знал:
Тот, кто в тюрьме быть должен стражем,
Язык свой замыкал,
Кому судьба в тюрьме быть стражем,
Тот маску надевал.

Когда б спросил, душа не в силах
Была б так быть нема,
А что не может сделать Жалость
Там, где убийцам — Тьма?
Какое слово он нашел бы
Для братского ума?

———

Мы проходили, образуя,
Наш — Шутовской — Парад.
Что в том! Ведь были мы одною
Из Дьявольских Бригад:
В ногах — свинец, затылки бриты, —
Роскошный маскарад.

Канаты рвали мы — и ногти,
В крови, ломали мы,
Пол мыли щеткой, терли двери
Решетчатой тюрьмы, —
Шел гул от топота, от ведер,
От адской кутерьмы.

Мешки мы шили, били камни, —
Шел звон со всех сторон, —

Мы били жесть и пели гимны,
Наш ум был оглушен,
Но в сердце каждого был ужас:
Таился в сердце он.

Таился так, что дни, как волны,
Меж трав густых ползли.
Забыли мы, чего обманщик
И глупый ждать могли.
Но раз, с работы возвращаясь,
Могилу мы прошли.

Зияла яма жадной пастью,
Возжаждавшей убить,
Кричала грязь, что хочет крови,
Асфальту нужно пить.
Мы знали: завтра между нами
Один окончит быть.

И мы вошли, душой взирая
На Смерть, на Суд, на Страх;
Прошел палач с своей сумою, —
Он спрятался впотьмах;
И мы дрожа замкнулись — каждый
Под номером — в гробах.

В ту ночь тенями в коридорах
Тюрьма была полна.
Вошли шаги в Железный Город,
Шепталась тишина,
И лица бледные глядели
Сквозь полосы окна.

А он лежал — как тот, кто в травах
Заснул, устав мечтать,

И стражи сон тот сторожили
И не могли понять,
Как может кто-нибудь пред казнью
Так сладко, сладко спать.

Но нет тем сна, кто слез не ведал
И весь дрожит в слезах.
Так мы — обманщик, плут и глупый —
Все были на часах.
Сквозь каждый мозг, цепляясь, ползал
Другого жгучий страх.

———

О, это страшно, страшно — муку
Терпеть за грех чужой!
Нам меч греха вонзился в сердце
С отравой роковой,
Горели слезы в нас — о крови,
Что пролил здесь другой.

И стражи, в обуви бесшумной,
Смотря в дверной кружок,
Пугались, на полу увидя
Тех, дух чей изнемог, —
Дивились, что молиться могут,
Кто никогда не мог.

Всю ночь, склоняясь, мы молились,
Оплакивая труп,
И перья полночи качались,
Могильный мрак был туп,
И вкус раскаянья был в сердце —
Как желчи вкус для губ.

Седой петух пропел и красный,
Но дня не привели,
И тени Ужаса пред нами
По всем углам ползли,
И каждый дух, что бродит ночью,
Кривясь, густел в пыли,

Они ползли, они скользили,
Как путники сквозь мглу,
Они, как лунные виденья,
Крутились на полу,
И с мерзкой грацией качались,
И радовались злу.

Они с ужимками мигали
Вблизи и вдалеке,
Они плясали сарабанду —
И шли рука в руке,
Они чертили арабески,
Как ветер на песке!

Марионеткам было любо
Ногами семенить,
Под флейты Страха в маскараде
Свой хоровод водить, —
И пели маски, пели долго,
Чтоб мертвых разбудить.

«Ого! — кричали. — *Мир обширен,*
Но цепи — вот беда!
И джентльмены кость бросают
И раз, и два, — о да!
Но раб тот, кто с Грехом играет
В Прибежище Стыда!»

Нет, не из воздуха был создан
Злорадный тот синклит
Для тех, чья жизнь была в колодках,
Кто был в гробу забит.
Они — о, боже! — были живы,
И страшен был их вид.

Кругом, кругом в зловещем вальсе
Крутились духи тьмы,
Они жеманно улыбались
По всем углам тюрьмы,
Мигали, тонко усмехались,
Пока молились мы.

Ночь длилась, но уж ветер утра
Летал, легко стеня,
Все нити мрака Ночь продлила,
Сквозь свой станок гоня,
И мы в молитвах ужаснулись
На Правосудье Дня.

Вдоль влажных стен стенящий ветер
Скользил со всех сторон,
И колесом стальным впился в нас
Минут чуть слышный звон.
О, что же сделали мы, ветер,
Чтоб слышать этот стон?

И наконец во мгле неясной
На извести стенной
Увидел призрак я решетки,
Узор ее резной, —
И я узнал, что где-то в мире
Был красен свет дневной.

И в шесть часов мели мы кельи,
В семь — тишь везде была.
Но внятен шорох был — качанье
Могучего крыла.
Чтобы убить — с дыханьем льдистым
В тюрьму к нам Смерть вошла.

Не на коне, как месяц, белом,
Не в красках огневых.
Сажень веревки только нужно,
Чтоб человек затих, —
И вот она вошла с веревкой
Для тайных дел своих.

Мы точно шли сквозь топь на ощупь:
Кругом — болото, мгла,
Не смели больше мы молиться,
И сжата скорбь была,
В нас что-то умерло навеки,
Надежда умерла.

О, Правосудье Человека,
Подобно ты Судьбе,
Ты губишь слабых, губишь сильных
В чудовищной борьбе,
Ты сильных бьешь пятой железной,
Проклятие тебе!

Мы ждали, чтоб пробило восемь,
Томясь в гробах своих:
Счет восемь — счет клеймящий Рока,
Крик смерти в мир живых, —
И Рок задавит мертвой петлей
Как добрых, так и злых.

Мы только думали и ждали,
Чтоб знак прийти был дан,
И каждый был как бы в пустыне
Застывший истукан,
Но сердце в каждом било — точно
Безумный в барабан!

Внезапно на часах тюремных
Восьми отбит был счет,
И стоном общим огласился
Глухой тюремный свод,
Как будто крикнул прокаженный
Средь дрогнувших болот.

И, как в кристалле сна, мы видим
Чудовищнейший лик,
Мы увидали крюк, веревку,
Пред нами столб возник,
Мы услыхали, как молитву
Сдавила петля в крик.

И боль, которой так горел он,
Что издал крик он тот,
Лишь понял я вполне, — весь ужас
Никто так не поймет:
Кто в жизни много жизней слышит,
Тот много раз умрет.

4

Обедни нет в день смертной казни,
Молитв не могут петь.
Священник слишком болен сердцем,
Иль должен он бледнеть,

Или в глазах его есть что-то,
На что нельзя смотреть.

Мы были взаперти до полдня,
Затем раздался звон,
И стражи, прогремев ключами,
Нас выпустили вон,
И каждый был с отдельным адом
На время разлучен.

И вот мы шли в том мире божьем
Не как всегда, — о нет;
В одном лице я видел бледность,
В другом — землистый цвет,
И я не знал, что скорбный может
Так поглядеть на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впивая узкую полоску,
Тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

Но голову иной так низко,
Печально опустил,
И знал, что, в сущности, той казни
Он больше заслужил:
Тот лишь убил — кого любил он,
Он — мертвых умертвил.

Да, кто грешит вторично, — мертвых
Вновь к пыткам будит он
И тянет труп за грязный саван:
Вновь труп окровавлен,

И вновь покрыт густой он кровью,
И вновь он осквернен!

По влажно-скользкому асфальту
Мы шли и шли кругом,
Как клоуны иль обезьяны,
В наряде шутовском, —
Мы шли, никто не молвил слова,
Мы шли и шли кругом.

И каждый ум, пустой и впалый,
Испуган был мечтой,
Мысль об уродливом была в нем,
Как ветер круговой,
И Ужас шел пред ним победно,
И Страх был за спиной.

И были стражи возле стада
С чванливостью в глазах,
И все они нарядны были
В воскресных сюртуках,
Но ясно известь говорила
У них на сапогах.

Там, где зияла раньше яма,
Покрылось все землей.
Пред гнусною стеной тюремной —
Песку и грязи слой,
И куча извести — чтоб мертвый
Имел в ней саван свой.

Такой на этом трупе саван,
Каких не знает свет:
Для срама большего он — голый,
На нем покрова нет, —
И так лежит, цепями скован
И пламенем одет!

И известь ест и плоть и кости,
Огонь в него проник,
И днем ест плоть и ночью — кости,
И жжет, меняет лик,
Ест кость и плоть попеременно,
Но сердце — каждый миг.

Три долгих года там не сеют
И не растят цветов,
Три долгих года там — бесплодность
Отверженных песков, —
И это место смотрит в небо,
Глядит без горьких слов.

Им кажется, что кровь убийцы —
Отрава для стеблей.
Неправда! Нет, земля — от бога,
Она добрей людей, —
Здесь краска роз была б краснее,
И белых роз — белей.

Из сердца — стебель белой розы,
И красной — изо рта!
Кто может знать пути господни,
Веления Христа?
Пред папой — посох пилигрима
Вдруг все одел цвета!

Но нет ни белых роз, ни красных
В тюрьме, где всё — тиски.
Кремень, голыш — вот все, что есть там, —
Булыжник, черепки:
Цветы нас исцелить могли бы
От ужасов тоски.

И никогда не вспыхнут розы
Меж стен позорных тех,
И никогда в песке и в грязи
Не глянет цвет утех,
Чтобы сказать убогим людям,
Что умер бог за всех.

Но все ж, хоть он кругом оцеплен
Тюремною стеной,
И хоть не может дух в оковах
Бродить порой ночной,
И только плачет дух, лежащий
Во мгле, в земле такой, —

Он в мире — этот несчастливый,
Он в царстве тишины.
Там нет грозящего безумья,
Там Страх не входит в сны,
В земле беззвездной, где лежит он,
Нет солнца, нет луны.

Он как животное — бездушно —
Повешен ими был.
Над ужаснувшейся душою
И звон не прозвонил.
Они его поспешно взяли,
Зев ямы жертву скрыл.

Они с него покров сорвали:
Для мух был пирный час.
Смешна была им вздутость горла,
Недвижность мертвых глаз,
Они со смехом клали известь,
Чтоб саван жег, не гас.

Священник мимо той могилы
Без вздоха бы прошел,
Ее крестом не осенил бы,
Нам данным в бездне зол, —
Ведь здесь как раз один из тех был,
К кому Христос пришел.

Пусть так. Все хорошо: замкнулась
Дней здешних череда,
Чужие слезы отдадутся
Тому, чья жизнь — беда,
О нем отверженные плачут,
А скорбь их — навсегда.

5

Прав или нет Закон — не знаю,
Одно в душе живет:
В тюрьме — тоска, в ней стены крепки,
В ней каждый день — как год.
И каждый день в том долгом годе
Так медленно идет.

И знаю я: все, все законы,
Что сделал человек,
С тех пор, как первый брат убит был,
И мир стал — мир калек, —

Закон мякину сохраняет
И губит рожь навек.

И знаю я, — и было б мудро,
Чтоб каждый знал о том, —
Что полон каждый камень тюрем
Позором и стыдом:
В них люди братьев искажают,
Замок в них — пред Христом.

Луну уродуют решеткой
И солнца лик слепят,
И благо им, что ад их скрытен:
На то, что там творят,
Ни бога сын, ни человека
Не должен бросить взгляд!

Деянья подлые взрастают,
Как плевелы, в тюрьме.
Что есть благого в человеке —
Бледнеет в той чуме,
И над замком Тоска нависла,
Отчаянье — во тьме.

Ребенка мучают, пугают,
Он плачет день и ночь.
Кто слаб — тем кнут, кто глуп —
тех хлещут,
Кто сед — тех бить не прочь.
Теряют ум, грубеют, чахнут —
И некому помочь.

Живем мы — каждый в узкой келье,
Вонючей и глухой,
Живая Смерть с гнилым дыханьем —
За каждою стеной,
И, кроме Похоти, все тлеет,
Как пыль, в душе людской.

Водой соленой там поят нас,
И слизь по ней скользит,
И горький хлеб, что скудно весит,
С известкой, с мелом слит,
И Сон не хочет лечь, но бродит
И к Времени кричит.

———

Но если Голод с бледной Жаждой —
Змея с другой змеей,
О них заботимся мы мало,
Но в чем наш рок слепой —
Тот камень, что ты днем ворочал,
В груди — во тьме ночной.

Всегда глухая полночь в сердце,
И тьма со всех сторон.
Мы рвем канат, мотыль вращаем,
Ад — каждый отделен,
И тишина, еще страшнее,
Чем грозный медный звон.

Никто не молвит слова ласки
С живущим мертвецом,
И в дверь лишь виден взор следящий
С бесчувственным лицом.
Забыты всеми, — мы и телом
И духом здесь гнием.

Цепь Жизни ржавя, каждый жалкий
Принижен и забит, —
И кто клянет, и кто рыдает,
И кто всегда молчит.
Но благ Закон бессмертный бога:
Он камень душ дробит.

Когда же нет у человека
В разбитом сердце сил,
Оно — как тот ларец разбитый,
Где нард роскошный был,
Который в доме с прокаженным
Господь, как клад, открыл.

Счастливы — вы, с разбитым сердцем,
Уставшие в пути.
Как человек иначе может
Свой дух от Тьмы спасти?
И чем же, как не сердцем, может
Христос в наш дух войти?

И тот — с кровавым вздутым горлом
И с мглой недвижных глаз —
Ждет рук Того, кем был разбойник
Взят в Рай в свой смертный час.
Когда у нас разбито сердце,
Господь не презрит нас.

Тот человек, что весь был в красном
И что читал Закон,
Ему дал три недели жизни,
Чтоб примирился он,
Чтоб тот с души смыл пятна крови,
Кем нож был занесен.

К его руке — от слез кровавых
Вернулась чистота:
Лишь кровью кровь омыть возможно,
И влага слез чиста, —
И красный знак, что дал нам Каин,
Стал белизной Христа.

6

Близ Рэдинга есть в Рэдингской
Тюрьме позорный ров.
Злосчастный человек одет в нем
В пылающий покров.
Лежит он в саване горящем —
И нет над гробом слов.

Пусть там до воскресенья мертвых
Он будет тихо тлеть,
И лить не нужно слез безумных
И без толку жалеть:
Убил он ту, кого любил он, —
Был должен умереть.

Но убивают все любимых, —
Пусть слышат все о том.
Один убьет жестоким взглядом,
Другой — обманным сном,
Трусливый — лживым поцелуем,
И тот, кто смел, — мечом!

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Озеров. Песнь о Солнце 3

РАННЯЯ ПОРА

Лунный свет 21
«Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...» 22
Челн томленья 23
«О женщина, дитя, привыкшее играть...» 24
«Я мечтою ловил уходящие тени...» 24
Камыши 25
Ковыль 26
Лебедь 27
Ветер 28
«Я вольный ветер, я вечно вею...» 29
Узорное окно 29

ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ

1. Из записной книжки 31
2. Из записной книжки. Мои враги 33
3. Из записной книжки 35

Крик часового 37
Кинжальные слова 38
Слово завета 38
Как испанец 39
Скифы 40
В глухие дни 41
Опричники 42
Смерть Димитрия Красного 43
Скорпион 44
«Я люблю далекий след — от весла...» 45
Среди камней 45
Белладонна 46
Я буду ждать 47
Нежнее всего 48
Замок Джэн Вальмор 49
Чары месяца 53
«Можно жить с закрытыми глазами...» 56
Лесной пожар 57

В душах есть всё

1. «В душах есть всё, что есть в небе, и много иного...» 60
2. «Но дикий ужас преступления...» 61
3. «Мир должен быть оправдан весь...» 62

В тюрьме 63
Избранный 64
Раненый 64
Проклятие глупости 65
Уроды 66
Кузнец 66
Проповедникам 67
Хвала сонету 68
Я не из тех 68
Ожесточенному 69
Разлука 70
Аромат солнца 70

Воспоминание о вечере в Амстердаме 71
Исландия 72
«Нам нравятся поэты...» 73
К Бодлеру 74
К Лермонтову 74
«Мой друг, есть радость и любовь...» 75
Оттуда 75
Луна 76
«Я в глазах у себя затаил...» 77
И да и нет
1. «*И да* и *нет* — здесь все мое...» 77
2. «Весенний шум, весенний гул природы...» 78
3. «Страшны мне звери, и черви, и птицы...» 78
4. «Лишь демоны, да гении, да люди...» 79
5. «От бледного листка испуганной осины...» 79
6. «То будет таинственный миг примирения...» 80
Майя 80
Индийский мотив 81
Индийский мудрец 82
Альбатрос 82

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» 83
«Будем как солнце! Забудем о том...» 84
Голос заката
1. «Вот и солнце, удаляясь на покой...» 85
2. «Я — отошедший день, каких немного было...» 85
Гимн Огню 86
Воззванье к океану 90
Льдины 91
С морского дна 92
Ветер 98
Завет бытия 99

Толедо 100
К юному схимнику 101
Сказать мгновенью: стой! 102
«Я — изысканность русской медлительной речи...» 102
Мои песнопенья 103
«Что достойно, что бесчестно...» 104
Воля 104
Глаза 105
Сквозь строй 106
В домах 106
Ломаные линии 108
Гармония слов 108
Другу 109
Sin miedo 109

Трилистник

1. Из рода королей 110
2. В моем саду 111
3. Солнце удалилось 112

«Нет дня, чтоб я не думал о тебе...» 112
На разных языках 113
Придорожные травы 113
Мудрость сердца 114
Сразу 114
Черемуха 115
Замарашка 116
Морская душа 116

Семицветник

«Лесной ручей поет, не зная почему...» 117
«Смотри, как звезды в вышине...» 118
«Люси, моя весна! Люси, моя любовь!..» 118
Крестоносец 119
«Мой милый! — ты сказала мне...» 119
Анита 120
Русалка 121

Играющей в игры любовные 121
Хочу 122
«Она отдалась без упрека...» 122
Голос дьявола 123
Ведьма 123
«Я не знаю, что такое — презрение...» 124
«Я не могу понять, как можно ненавидеть...» 125
«Жемчужные тона картин венецианских...» 126
Убийца Глеба и Бориса 126
Слепец 128
Пред итальянскими примитивами 129
Фра Анджелико 129
Рибейра 130
Веласкес 131
Скорбь Агурамазды 132

Великое Ничто

1. «Моя душа — глухой всебожный храм...» 133
2. «К старинным манускриптам, в поздний час...» 134

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

Гимн Солнцу 135
Солнечный луч 144
Мои звери 145
Жар-птица 146
Звездный хоровод 147
Колдунья 147
Возвращение 150
Ранним утром 151
Я не знаю мудрости 151
Есть люди... 152
Голубая роза 152
Коромысло 153
Снежинка 154

Золотая рыбка 155
Линии света 157
К Елене 157
Песня араба 158

Печаль луны

«Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной...» 160

Разлученные

«Прозвенит ли вдали колокольчик...» 160
«Когда я был мальчиком, маленьким, нежным...» 161
Маскированный бал 161
Отречение 162
«Он был из тех, на ком лежит печать...» 164
«Я ненавижу человечество...» 165
Далеким близким 165
«О да, молитвенна душа...» 166
Старая песенка 167
«Чем выше образ твой был вознесен во мне...» 168
Так скоро 169
Довольно 169
Безглагольность 170
Подневольность 171
Тише, тише 172
Болото 173
«Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?..» 174
«Бог создал мир из ничего...» 175
«Зимой ли кончается год...» 175
Похвала уму 176
Бог и дьявол 177
К людям 177

ИЗ КНИГИ «ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ»

«Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть...» 179
Мировая тюрьма 180

Тень от дыма 181
Читатель душ 181
Огонь
«Огнепоклонником я прежде был когда-то...» 183
Вода
«От капли росы, что трепещет, играя...» 185
Земля
«Земля, я неземной, но я с тобою скован...» 187
«Земля, ты так любви достойна за то, что ты всегда иная...» 189

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ

Посвящение 190
Фея 191
Фея за делом 191
Решение Феи 192
Трудно Фее 193
Фейная война 193
Волк Феи 195
У чудищ 196
Сказочки 197
Кошкин дом 198
Детская песенка 198
Трясогузка 199
Русалочка 200
Раковинки 200
Как я пишу стихи 201
Береза 202
Бабочка 202
Осень 203

ИЗ КНИГИ «ЗЛЫЕ ЧАРЫ»

Зов 204
Одолень-трава 205
При море черном 206
Тетенька из села 207
К Перуну 208

СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэт — рабочему 210
К рабочему 211
Начистоту 213
Земля и воля 213
Русскому рабочему 214

СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА И ЛУНЫ

Чертог 216
Поэт 217
Котловина 217
Звездные знаки 218
Что со мной 219
Умей творить 219
Сонеты солнца 220
Рождение любви 220
Шествие кабарги 221
Пещерник 222
Младший 222
Наука 223
Жужжанье мух 223
Лучший стих 224
Художник 225
Далекое 225

Сила Бретани 226
Сибирь 226
Пляска колдуна 227
Воспоминание 228
Рождение музыки 228
Люби 229
Он 229
Она покоится 230
Она 231
Камея 231
Столепестковая 232
Бой 232
На отмели времен 233
Шалая 234
Успокоенная 234
Кольца 235
Пантера 235
Блеск боли 236
Два цвета 237
Неразделенность 237
Микель Анджело 238
Леонардо да Винчи 238
Марло 239
Шекспир 240
Кальдерон 240
Эдгар По 241
Шелли 241
Лермонтов
1. «Опальный ангел, с небом разлученный...» 242
2. «Внимательны ли мы к великим славам...» 243
3. «Он был один, когда душой алкал...» 243
4. «Мы убиваем гения стократно...» 244

ДАР ЗЕМЛЕ

Погаснет солнце 245
Олень 246
Завет 246
Ночной дождь 247
Черкешенке 248
Минута 248
Ниника 249
Катерина 249
Примиренье 250

МАРЕВО

Прощание с древом 251
В синем храме 252
Узник 253
Звук 254
Только 255
По всходам 255
Часы 256
Просветы 260
Сны 260
Набат 261
Кто? 262
Поединок 262
В преисподней 263

МОЕ — ЕЙ

Она 266
Мое — ей 267
Россия 268
Всю жизнь 269

Полдень 270
Я слышу 271
Сентябрь 272
Первозимье 272
Медвяная тишь 274
Горячий побратим 274
Воскресенье 277
Золотой обруч 280

В РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ

Уйти туда 289
Хочу 290
Надпись на коре платана 292
Здесь и там 293
Я русский 294
Тринадцать 294
Одной 295
Осень 296
Мать 297
Отец 299
Я 300
Судьба 302
Летучий дождь 303
В звездной сказке 304

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Лесной Царевне — Литве
1. «В зачарованном сне ты, Лесная Царевна...» 305
2. «За то, что я в Христовой вере...» 306
Жребий великого 307
Обручение 309
Погоня 310

Царица Балтийских вод 312
Северный венец 315
Русский язык 317
Дюнные сосны 319
Бубенцы 321

ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Тайга 324
Георгию Гребенщикову 325
Зимний час 327
Моя любовь 328

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Памяти А. Н. Плещеева 330
Маленький султан 331
Горькому 331

Два сонета к Италии

1. Италия 332
2. Данте 333

В России

Лишь с ней 334

Воспоминание 334
Черта 336
«Средь птиц мне кондор всех милее...» 337
«Если зимний день тягучий...» 338
Глагольные рифмы 339
Соловей 340
Москва 341
Разлучность 342
Воскликновение 342
Тютчев 343

Чета 343
Заветная рифма 345

ПЕРЕВОДЫ

ШЕЛЛИ
Облако 347
Песнь к защитникам Свободы 350
ЭДГАР ПО
Ворон 351
Колокольчики и колокола 356
Аннабель-Ли 360
ОСКАР УАЙЛЬД
Баллада Рэдингской тюрьмы 362

Бальмонт К. Д.

Б21 Стихотворения / Вступ. статья и сост. Л. Озерова; Худож. В. Серебряков. — М.: Худож. лит., 1990. — 397 с. (Классики и современники. Поэтич. биб-ка).

ISBN 5-280-01013-8

К. Д. Бальмонт (1867—1942) — один из ранних представителей символизма в русской поэзии. В сборнике представлены его знаменитые книги «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь» и др., а также переводы произведений П. Шелли, Э. По, О. Уальда.

Б $\frac{4702010102\text{-}264}{028(01)\text{-}90}$ 22-90 **ББК 84Р1**

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

Стихотворения

Редактор *С. Чулков*

Художественный редактор *А. Моисеев*

Технические редакторы *Г. Морозова, В. Нефедова*

Корректор *И. Ломанова*

ИБ № 5717

Сдано в набор 29.12.89. Подписано в печать 24.04.90. Формат $70\times100^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,2. Усл. кр.-отт. 33,05. Уч.-изд. л. 15,08. Тираж 1 000 000 (1-й завод 1—250 000 экз.). Изд. № I—3584. Заказ № 897. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Калинин, просп. Ленина, 5.

В 1990 году

в серии «Классики и современники»

ПОЭТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫХОДЯТ:

Русская поэзия 1813—1825. Сборник

Русская эпиграмма. Сборник

Цветаева М. **Стихотворения**

2 р.

Поэтическая библиотека